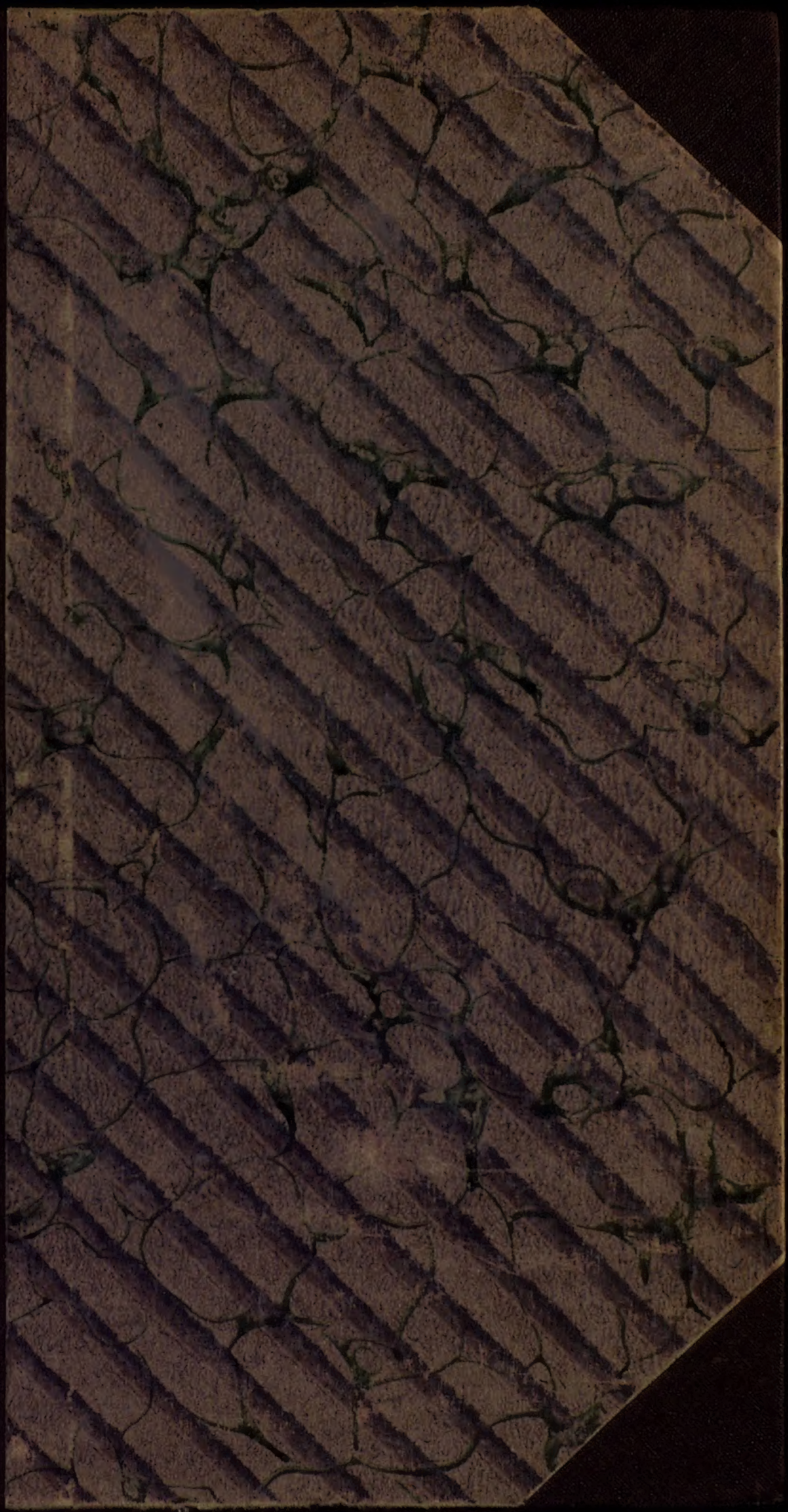
Бернгарди

О ВОЙНЕ БУДУЩЕГО



ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ИЖС10
Б488

5 Б 42

РСФСР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ФРИДРИХ БЕРНГАРДИ

ИЖ10
Б488

О ВОЙНЕ БУДУЩЕГО

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р. С. Ф. С Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПРИ
РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ.

Фридрих БЕРНГАРДИ

О ВОЙНЕ БУДУЩЕГО

ПРЕДИСЛОВИЕ
И. Т. СМИЛГА
ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Е. СНЕСАРЕВА

1 экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИЖ10
Б488 Р

192020

~~28645~~ 1206 ~~28~~ 192020

Гиз. № 1965. Литревсор. № 205. Тир. 10.000 экз.
Р. В. Ц. 27-я типография М. Г. С. Н. Х. Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Бернгарди—крупнейший военный писатель современности. Его перу принадлежит целый ряд выдающихся работ. „Современная война", его основная работа, известна не только узкому кругу военных специалистов. Я считаю, что после Клаузевица только Бернгарди всеобъемлюще подошел к войне и способам ее ведения.

Бернгарди не социолог. Это—его основной недостаток. Книги его носят слишком догматический характер. Читая его работы, читатель должен сам рисовать себе ту экономическую и политическую обстановку, в которой писал свои работы автор.

Бернгарди не революционер. Наоборот, он яркий представитель юнкерства. Он—монархист. Он лелеет мысль о белом генерале, который вооруженной рукой привел бы в послушание германский народ, который, по его мнению, после революции забыл долг, патриотизм и т. д. Он ненавидит революцию, пролетариат. Лозунги всеобщего мира, братство народов для него пустые слова. Его девиз: Deutschland über Alles.

Тем не менее вполне своевременно выпустить в русском переводе его „О войне будущего". Военные достоинства этой книги во сто крат перевешивают ее политические недостатки. Широкий военный ум, богатая эрудиция, прямолинейность, откровенность, доходящая иногда даже до цинизма,—вот отличительные свойства его пера. Говорит он о войне без лицемерия и фарисейства. Ее суровую и кровавую природу он не прикрывает словечками о „праве и справедливости", которыми так злоупотребляли в начале и во время войны писатели Антанты. И в этом достоинство книжки. Перед нами—идеолог войны в неприкрашенном виде. Бернгарди и Вильсон — представители двух флангов фаланги империалистических хищников. Насколько последний велеречив и по-поповски лицемерен, настолько первый цинично-откровенен и прямолинеен.

Война—страшное зло. До сих пор при помощи войны господствующие классы упрочивали свое господство над трудящимися и добывали себе наживу. Всемирная война поставила Европу на край гибели. Только революционное переустройство мира на новых социалистических началах способно вывести человечество из тупика обнищания и

одичания. Первой на этот путь вступила Россия. Ее путь—путь пионера, труднейший путь. Русский народ на опыте убедился, что только путем жесточайшей войны и победы, одержанной над царскими генералами и антантовскими империалистами, удалось отстоять самостоятельность и революцию. Нам пришлось вести войну во имя мира. Таково одно из неисчислимых противоречий современности.

Но война войне рознь. Мы всеми силами боролись против империалистической войны. Но войну революционную мы никогда не отказывались вести. Рабочий класс и трудящиеся деревни имеют право вести войну за свое освобождение и за освобождение всего человечества. Революционная освободительная война — священная война. Разгром Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля, война с панами навсегда останутся самыми яркими страницами в истории русской революции. Но война, даже самая революционная и справедливая, остается войной. Те же пушки, пулеметы, страдания, смерть. Чем лучше организована армия и чем талантливее командование, тем меньше жертв понесет пролетариат в борьбе со старым миром. Чем больше активности мы проявим, тем лучше будет дух наших войск, тем мы скорее победим.

Книга Бернгарди тем особенно ценна, что в ней нет слепого преклонения перед техникой. Он высоко ценит маневр, а вместе с ним и конницу. Особое внимание обращает он на моральное состояние войск. Все это приобретает для нас особую значительность в связи с опытом войны 1918—1920 г.г. Надо читать внимательно „О войне будущего“. Наши военные испытания еще не кончились. Не сегодня—завтра мы можем оказаться снова вынужденными воевать. Чтобы воевать победоносно, надо изучить то, что написано нашими выдающимися противниками. Оружие служит тому, кто им овладеет и сумеет им пользоваться. Искусству владеть оружием и учит Бернгарди. Советское правительство стремится жить в мире со своими соседями. Но если его вынудят к войне, оно должно показать себя грозным для своих врагов.

И. СМИЛГА.

Март 1921 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ.

Об авторе книги „О войне будущего“ можно безошибочно сказать, что имя его является мировым. И этой широкой известностью Бернгарди обязан не своей деятельности и не своим многочисленным сочинениям, являющимся достоянием все же ограниченного круга специалистов, а своим политическим трудам, точнее же говоря—своему прямолинейному, не всегда осмотрительно выраженному солдатскому мировоззрению. В той сложной, более злобной и страстной, чем практически целесообразной литературе, которая еще недавно поднялась вокруг вопроса о виновниках мировой войны и в которую были втянуты даже такие авторитеты, как философ Вундт, на генерала Бернгарди нападали особенно сильно, на нем подробно, например, останавливается Густав Лебон (La guerre europeenne), ему целую главу посвящает Чарльз Сароли (The Anglo-german problem), на обложке английского перевода книги Бернгарди „Unsere Zukunft“, вышедшей пред войной, переводчик помещает фразу: „Книга, которая причинила войну“ (The book that caused the war) и т. д. В этом было много клеветы и слишком много придирчивости, ведущих только к ослеплению и неспособности смотреть на вещи спокойно и уравновешенно. Конечно, Бернгарди в своем понимании не был одинок, он был только более эксцентричен и более прямолинеен, чем другие, он только более резко и более бесцеремонно отражал тот уклад немецкого миропонимания, которое было заложено еще Гегелем и Фихте, а затем было дополнено и развито историками, в роде Трейчке или Дельбрюка, государственниками, как Лассон, или литераторами, как Ницше. Сам Бернгарди, когда на него обрушилась волна негодования в Европе по поводу исповедуемой им доктрины, был немало этим озадачен и поспешил в интервью с журналистами объявить, что он был дурно понят и дурно переведен... Ясно, насколько он был далек от понимания отрицательных, а в глазах многих и просто безнравственных и невежественных особенностей своего миросозерцания.

И в настоящей книге необходимо строго различать две стороны дела: чисто военную и военно-политическую. Бернгарди очень много

писал на военные темы и по общим вопросам военного искусства[1]), и по военно-организационным[2]), особенно же много писал он о кавалерии. Настоящий труд вполне отражает как сильные, так и слабые стороны военно-писательского дарования Бернгарди. Он очень широко и обстоятельно знает военное дело, внимательно и упорно следит за его современным состоянием и развитием, хорошо знает военную историю[3]), особенно Фридриха Великого. Пред нами писатель сведущий, добросовестный и обстоятельный, это бесспорно его сильная сторона. Его программа рассмотрения обширна, часто доходит даже до мелочей, она свежа и многостороння. Но Бернгарди плохой систематик и слаб, как военный философ. Поэтому его обширный и глубоко интересный материал изложен до некоторой степени бессвязно, вне идейной преемственности, спутанно, почему, между прочим, он с трудом удерживается в памяти.

Слаба также у Бернгарди принципиальная сторона: ему не даются обобщения, для них он или слишком конкретен, или слишком путается в густом лесу подробностей и частностей. И когда он пробует говорить о законах, о вечном в войне, будет ли то закон чисел или принцип действия по внутренним операционным линиям, его слишком смущают исключения, в роде наполеоновской кампании 1813 г., или его собственный расхолаживающий анализ. Когда же он пытается сам установить принципы, в роде приведенных двух в данной книге, то читатель с трудом мирится с этой явно-узкой и слишком частной попыткой округлить многосложные тактические явления.

Но Бернгарди очень удачно восполняет свои философские пробелы ясным и прямолинейным военным настроением, и оно дает бессвязно нагроможденному материалу его книги известную цельность и единство. Бернгарди—яркий представитель активности на войне, непреклонного дерзновения, постоянства инициативы. Он признает войну только наступательную, бесцеремонно и, пожалуй, слишком легкомысленно высмеивая войны затяжные или войны на измор, хотя в тексте он как будто и возвращается к ним. Он приводит всевозможные доводы, чтобы отстоять принцип наступательной войны, опорачивая всякие другие способы воевания, называя их приемами „не прямого военного воздействия“, точно также он большой поклонник нравственной силы на войне, преобладания духа над материей, и в этом случае его ничуть не смущает деспотизм военной техники, хотя он и не склонен

[1]) Die Elemente des modernen Krieges, 1908; Vom heutigem Kriege 1911, в 2-х томах.

[2]) Die Weiterentwickelung der deutschen Wehrmacht.

[3]) Он много лет работал в большом генеральном штабе в качестве начальника военно-исторического отделения.

умалять ее значение. Эта проповедь активности и силы духа, как господствующих на войне факторов, придает книге Бернгарди при господствующем ныне военно-техническом идолопоклонстве особо интересный отпечаток и повышает педагогическую ценность книги.

Книга озаглавлена не совсем удачно: в ней мало будущего, чтобы не сказать, что его совсем нет. Этого и нужно было ожидать: раз Бернгарди не умеет обобщать, тем самым он не должен уметь пророчествовать. Будущее является продолжением и развитием общих данных, а не частностей и подробностей, которые время сметает, как ненужный сор. В этом отношении типична другая книга Бернгарди „Современная война". Автор написал ее за три года до войны с обычно широким масштабом, старался прозревать будущее и во многих отношениях оказался слепцом: позиционной войны он не предвидел, в роли автомобилей на войне усомнился, о крепостях говорил с полным уважением, хотя в настоящей книге крепости решительно отвергаются и т. д.

Точно также мало пророческого получилось и в книге „О войне будущего", несмотря на ее заглавие; зато современное и все новое в ней переработано с большой тщательностью. Затем нужно отметить, что автор нередко повторяется, что нужно отнести отчасти к преклонному его возрасту [1]), отчасти к необходимости повторным изложением углубить некоторые из наиболее сложных тактических положений. Для специалиста это будет несколько скучным, а среднему читателю это поможет лучше запомнить и понять более трудные места.

Другая сторона в книге—военно-политическая—представлена прослойками и занимает в ней вообще мало места, но и эта сторона заслуживает нашего полного внимания. Миру Европы Бернгарди известен исключительно этим углом своего миропонимания, и не без причины. В этом отношении он—искренний подголосок своей страны, и Бернгарди Европа изучала и будет изучать, чтобы тем лучше понять Германию. „Трудно найти книгу,—говорит об одном труде Бернгарди Чарльз Сароли,—которая более откровенно раскрывала бы перед нами духовный облик правящих классов Германии, их намерения, предрассудки и предвзятые суждения".

Кроме того, нужно подчеркнуть еще то, что военные мысли Бернгарди часто или совсем будут не ясны, или окажутся бездушным скелетом, раз от них будет отнята политическая идеология автора. Бернгарди—милитарист, считающий войну народным промыслом Пруссии, верящий в нравственность, чуть ли не в святость этого явления. Для него война не неизбежное зло, а, напротив, источник всех материальных и нравственных благ. Пацифизм для него—безнравственная доктри-

[1]) Бернгарди родился в 1849 г., теперь ему 72 года.

на; автор уверен, что человечество может завершить свою миссию только борьбой, только жертвой и подвигом.

И как бы ни была странна, может быть, для иных даже отвратительна эта кровавая философия, мы не должны фарисейски закрывать пред ней глаза, а должны подойти к ней вплотную и вскрыть ее роковое содержание. Это, повторим, не философия одинокого человека, это—круг мыслей целого класса Германии, может быть, теперь разгромленного и приниженного, но едва ли потерявшего в стране вес, несмотря на все пережитые испытания.

Если мы не упустим из виду эту главную канву духовного облика Бернгарди, нам многое станет ясным в его книге: и его непонимание новейших бурь человеческой мысли и человеческих устремлений, в которых он, как слепец, ничего не видит, кроме распущенности, лени и ослабления долга; и его более чем странные претензии, чтобы стратегия господствовала над политикой; или, наконец, его тяжкий вывод, что полководец должен выступить даже против своего народа, когда в понимании задач войны он пойдет врозь со своей страною.

Правда, с своей идеологии прусского юнкерства Бернгарди теперь стал много скромнее: он стар, он поставлен на колени грозным ураганом событий, пролетевшим над его страной, он уже не говорит об ее господстве над миром, он говорит уже о близкой могиле. Но за этими, внешне уступчивыми и смиренными нотами, внимательное чтение найдет и прежнего Бернгарди: в его проповеди о нарушении договоров, как это делалось предками „на глазах французских гарнизонов“, в презрительном отношении ко всему, что не носит мундира, в его апологии диктаторства и, наконец, в его неумершей вере в величие будущей Германии.

Приведенные выше соображения побудили сделать полный перевод книги, без выпусков, так как только в этом случае будет выявлено вполне ее тактическое и военно-политическое содержание, несомненно, глубоко интересное как в теоретическом, так и в практическом смысле.

Большая половина книги переведена Н. И. Татищевым, меньшая—мною.

А. СНЕСАРЕВ.

Москва,
24-го февраля 1921 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нижеследующие страницы частью написаны уже во время войны, частью же вскоре после нее. Мысли, мною изложенные, все имеют источником войну. Ближайшая цель книги сводилась к тому, чтобы доставить офицерам, которые были не в состоянии наблюдать войну из центрального пункта, общую картину существа современной войны, дать им ту раму, в которую они могли бы потом вставить ее специальное познание. Имелось также в виду дать руководящие данные и для дальнейшего развития армии.

Эта цель теперь совершенно отпала.

Бо́льшая часть нашего великолепного офицерского корпуса лежит вне родины на полях сражений; другая из-за ран и болезней вынуждена покинуть свое прекрасное призвание; наконец, остальные были распущены одновременно с армией и теперь в других областях жизни влачат свое тяжелое существование. Таким образом число читателей из этих кругов оказывается небольшим.

Но, кроме этого, немецкой армии вообще не существует, так как те немногие люди, которых мы еще сохранили после мирного договора, уже не могут признаваться как военные. Наши колонии погибли. Наш флот покоится на дне моря. Было бы безумием хотеть теперь готовиться к войне, хотя бы только теоретически, так как было бы слишком яркой невозможностью захотеть теперь вести войну. Ныне было бы просто преступлением поощрять ее, когда только что заключен мир, когда все идет к тому, чтобы дать возможность нашему народу экономически окрепнуть. К тому же наше теперешнее правительство желает вычеркнуть войну вообще из международного обихода, и не подлежит никакому сомнению, что это заслуживало бы искреннего одобрения, если бы только эта попытка могла быть продолжительной, при том условии, конечно, что при этом было бы возможно сохранить выгоды и честь немецкого народа. Удастся ли это,—другой вопрос. Я не верю в это, раз только Германия слепо не пойдет в рабство окружающих государств и если человеческая природа совершенно не переменится. Во всяком случае опыт должен осуществляться беспрепятственно и при возможных благоприятных условиях, а при тех обстоятельствах было бы фальшью ссылаться на грядущую войну.

Если же, несмотря на это, я опубликовываю предлагаемую работу и даже нашел издателя, который взял на себя неблагодарную задачу издать мой труд, то при этом я преследую двойную цель. Прежде всего, я хотел бы показать, в какой исключительной степени невозможна вообще война для обедневшей и сокрушенной Германии, и притом война современного масштаба. А затем, необходимо помнить что научно-военный интерес к мировой войне, которая с ее результатами и размахом, бесспорно, составляет новый период мировой истории, должен пробудиться очень скоро и всюду. Вот почему наша обязанность, оборачиваясь взором на глубокие поучения этой великой борьбы, под свежим впечатлением которой мы все еще живем, собрать их и осмыслить, дабы позднейшее поколение, если оно в этих поученнах будет нуждаться, не обвинило нас потом в небрежности и медлительности. Этой теоретической нужде должен ответить этот труд, а невозможность войны он должен проповедывать. Мой труд далек от того, чтобы пропагандировать вообще войну; он должен лишь выяснить, что при господствующей обстановке мы ее вести не можем, он должен учить той самой войне, которую вести мы более уже не в силах.

В остальном, без сомнения, моя работа должна заключать некоторые пробелы, что и естественно, так как в существенном я основываюсь на личном опыте, а таковой всегда может оказаться ограниченным, и я буду каждому благодарен, кто почувствует себя призванным дополнить последующее изложение.

Горная война мною умышленно опущена, так как сам ее я не переживал. Я предоставляю о ней написать более призванным для этого. Мне хочется только заметить, что, без сомнения, насколько я знаю, многие одинаковые положения встретятся и в позиционной войне у французов, и потому то, что я писал о таковой в книге, может быть отнесено часто и к ним.

Фрид. БЕРНГАРДИ.

Кунерсдорф, февраль 1920 г.

ВВЕДЕНИЕ.

В моей книге „Современная война“, появившейся в 1911 году [1]) я указывал на то, что великие основные законы войны будут одними и теми же во все времена и при всех обстоятельствах, так как они *заложены в природе* человека и обусловлены существом применения силы, но что их внешние формы многократно меняются или сообразно с государственными учреждениями и культурным состоянием борющихся народов, или сообразно с применяемыми для войны средствами. Этим внешним формам присущ между тем императивный характер и некоторая закономерность, но закономерность такого типа, которая периодически меняется вместе с изменением жизненных условий борьбы.

Таким путем военное искусство бродит между постоянными и периодически меняющимися, вновь и вновь создающимися законами и лишь в пределах этих границ оно отвечает требованиям военных достижений.

Ни постоянные, ни периодические законы не могут быть нарушены безнаказанно, и задача вождя всегда сведется к тому, чтобы вообще ценное привести к определенной расценке в обстановке временно доминирующих особенностей и свойств.

Но в этом-то и коренится трудность, так как постоянно возможно опасение, что военный начальник то, что при известной обстановке будет закономерным и поэтому оправдываемым, станет считать разумным и целесообразным даже и тогда, когда обусловливающие отношения уже изменились, и что поэтому он станет поступать под диктовку предвзятых мнений, которые в силу переменившихся условий могут его повести к неудачам и поражениям. Так, например, прусская армия в 1806 г. выступила в поход с линейной тактикой, которая уже не отвечала изменившимся формам войны наполеоновского периода, и потерпела, несмотря на все свое геройство, тяжелое поражение. Точно также австрийцы в 1866 г. своевременно не

[1]) В русском языке имеется перевод К. Адариди (I-й том) и Ю. Лазаревича (II-й том). СПБ. 1912 г., изд. В. Березовского. *Прим. ред.*

распознали значения ружья, заряжающегося с казны, и держались своего старого пистонного ружья и наполеоновской тактики ударов и действий колоннами, почему и были разгромлены прусской пехотой, которая, доверяя своему оружию, дралась в рассыпном строе. Такие примеры можно увеличить сколько угодно. В таком положении окажется военачальник, вынужденный нести на себе последствия недостаточной предусмотрительности и настойчивости правительств, если они своевременно не умели разобраться в прогрессе и развитии военного искусства или не пошли навстречу этому развитию своевременными реформами.

Но для самого полководца всегда будет иметь место риск подпасть под влияние внешних обстоятельств и благодаря этому влиянию недостаточно расценить и провести великие, повелительные и вечные, основы ведения войны, потому ли, что он недостаточно будет опознавать эти основы, потому ли, что он не явится в такой мере господином военной машины, чтобы ее использовать по своему разумению. Об этом последние русские войны доставляют нам красноречивые примеры. В японскую кампанию, например, Куропаткин совершенно не расценил значения инициативы при наступлении и все свел к упорной оборонительной войне без перехода в наступление.

С другой стороны, он оказался не в силах духовно малоподвижную и беспомощную массу русского войска настроить таким образом и так ее поднять, чтобы она оказалась на высоте его замыслов. Его планы вновь и вновь терпели неудачу благодаря недостатку способности суждения и решительности его подчиненных, не говоря уже о постоянном недостатке у них наступательного духа и других несовершенствах. Он оказался не в силах справиться с теми трениями в военной машине, которые на войне проявляются постоянно и которые особенно свойственны большим массам русского войска, он не сумел эти трения подчинить великим законам войны.

Подобные затруднения, коренящиеся в природе самого дела, в новейшее время существенно увеличились. Мы живем несомненно в период многообразных изменений во внешних явлениях военног существа и в период глубокого развития и переоценки многих военных ценностей, что, повидимому, способно путать наше суждение и вести нас по ошибочным дорогам. Подобное развитие в главных своих частях наступило во время самой войны и в некотором отношении оказалось поразительным. Впрочем, в некоторых направлениях ход развития можно было и предвидеть, однако без достаточно ясного представления о том, какой размер примет это развитие. В других отношениях способность предугадывания совершенно отсутствовала, и

дело повелось фальшивыми путями; голосов же, которые указывали на ошибки, слушать не хотели.

Что тяжелой артиллерии предстоит повышенная роль, этого ожидали и в известной мере к этому готовились; но полный объем этого значения отгадан не был. Собственные крепости слишком были переоценены, так как слишком была не дооценена вражеская артиллерия.

Затем, не были предусмотрены те огромные массы борющихся, которых должна была выдвинуть на сцену мировая война, поэтому к такому размеру людских масс и не готовились. Безусловно мирная политика, которую мы вели, и ничем не оправдываемая уверенность, что эта политика приведет к нужным результатам, ослепила глаза нашим руководящим сферам; тех, что предупреждали против этого, обзывали бессовестными разжигателями военных страстей или они получали служебные предупреждения; в конце-концов военная подготовка последних лет перед войной оставалась в высшей степени недостаточной.

Совершенно просмотрено было значение кавалерии, которую преимущественно считали орудием атаки, не взирая на ужасающее действие современного огня. Совершенно также упущено было из виду значение воздушной войны и значение подводного флота для морской войны; развитие последнего по отношению к общему развитию флота оставалось в зародышевом состоянии. Наконец, совершенно было просмотрено значение хозяйственных факторов, хотя и в этом отношении не было недостатка в предупреждающих голосах. К блокаде всех наших гаваней и границ и к нашей полной изоляции от стран, ввозивших и вывозивших от нас по морским путям, подготовлены не были. Вытекавшее отсюда полное преобразование нашего хозяйственного аппарата пришлось импровизировать. Даже не удосужились подумать о том, чтобы своевременно предупредить наши торговые суда, находящиеся за границей, и позвать их домой; столь мало думали о взрыве войны, когда русская мобилизация была уже в ходу.

Можно было бы прямо сказать, что вследствие полного непонимания мирового положения мы с завязанными глазами пошли в те сети, которыми опутал нас наш противник. Войну же мы начали лишь с несколько, так сказать, расширенными военно-политическими воззрениями, поскольку таковые мы усвоили из опыта войны 1870-го года и отчасти по данным русско-японской войны. В генеральном штабе работали не покладая рук и ясно сознавали некоторые из требований времени, хотя также не все; но полное развитие подобного понимания встречало постоянную преграду в виде политически фальшивого разумения общей обстановки, которое царило не только в правительствен-

ных сферах, но которое находило себе опору в хронической близорукости и пристрастности рейхстага, слишком захваченного внутренними партийными вопросами и утерявшего свободный взор на грозные внешние обстоятельства. Когда кто-либо перед войною указывал на истинное значение политических течений, то в этих кругах он наталкивался на полное и безнадежное непонимание.

А когда война приняла размеры, которых нельзя было предвидеть, мы оказались поставленными лицом к лицу пред совершенно новыми обстоятельствами, к которым мы были не подготовлены. И затем были вынуждены, считаясь с этим, творить заново в течение самой войны. Армия и флот показали себя совершенно на высоте этой властной задачи и в борьбе почти против всего мира, целые годы готовившегося к этой войне во всех смыслах, сумели достигнуть внушительного преобладания. Точно также и военная наука совершила блестящие дела, дабы облегчить дело ведших войну, и немецкие рабочие, по крайней мере вначале, за относительно небольшим исключением показали себя при создании средств войны вспомогательной силою первой степени. Отрицательными оказались только гражданское управление, несмотря на усердную работу его многочисленных чиновников, и наша политика, к сожалению, слишком часто поддававшаяся влиянию рейхстага; своими ошибочными мероприятиями она существенно затрудняла геройскую борьбу немецкого народа.

В подробностях на эти отношения здесь указаний не будет, так как дело идет о чисто военных вопросах.

Лишь непосредственное влияние политики и хозяйственных вопросов на ведение войны, поскольку таковое обнаруживается при современной обстановке, естественно должно быть рассмотрено и выявлено, так как с ними связан вопрос о влияниях слишком обширного военного значения.

В остальном в книге главным образом будет обращено внимание на значение всех новых факторов, обусловливающих ведение войны или в смысле затруднения, или в смысле помощи, с тем, чтобы исследовать существо этих факторов и круг их воздействия; а с другой стороны, чтобы обдумать, каким образом при столь изменившихся обстоятельствах могут быть применены к делу те великие, вечные и решительные законы, которые на войне дают успех, а именно: проявление инициативы; применение наступления, как решительной формы борьбы; сосредоточение сил в решительном направлении; определение этого решительного направления; преобладание моральных силовых факторов над чисто материальными средствами; взаимоотношения между нападением и обороной; воля к победе; безусловная

а висимость политики от требований и данных ведения войны, т.-е. от военной власти.

Для каждой армии, а отсюда и для каждого государства является исключительно важным иметь совершенно ясное представление о всех этих вопросах: лишь тогда политика и война будут вестись успешно, лишь тогда государства будут в силах действительно осуществлять свои притязания. Конечно, это только прекрасный сон, что государства смогут жить рядом друг с другом, налагая сами на себя те или другие ограничения и уступая справедливым нуждам и желаниям других государств, и что нравственно и духовно более сильные народы будут тем не менее в состоянии проявлять себя в роли культурных руководителей, что обычно достигается лишь благодаря возможности повелительно провести ту или иную идею; увы, это только сон. Всегда, пока люди остаются людьми, сила, понимаемая в широком смысле слова, будет определять политическую и культурную ценность государств. Ведь она в конечном итоге является корнем всего духовного и нравственного прогресса.

Руководящие элементы современной войны.

Если взглянуть глазами исследователя на широкий круг выводов и опытов, вызванных к жизни мировой войной, то скоро можно признать, что они привязаны к двум большим группам, которые для современного ведения войны являются решающими: это будет, с одной стороны, применение огромных войсковых масс, каковых еще не видела мировая история, со всеми отсюда вытекающими последствиями, с другой стороны—сильное развитие техники и химии, которое создало целый ряд или совершенно новых, или старых, но возросших в своем значении военных средств. Обе группы, взятые вместе, создали совершенно иные условия борьбы.

Первая группа повлияла преимущественно на стратегический образ действий, но имеет также и некоторое тактическое значение, между тем как новые достижения в сфере военной техники в первую очередь вызвали тактические изменения и только в известной мере оказали косвенное влияние на стратегическую и оперативную сторону дела.

I. Массы.

Когда в 1914 г. мы произвели мобилизацию, мы выставили мощную армию. Планосообразно были созданы многочисленные резервные дивизии, а для охраны границ, железных дорог и для других побочных задач было призвано множество ландштурменных батальонов. О всеобщем народном вооружении не могло быть и речи, ибо к нему мы не были подготовлены; да для него у нас не было ни снаряжений, ни вооружения. И все же наша армия казалась достаточно сильной, чтобы осуществить наш план войны. А он в общих чертах сводился к тому, чтобы, рассчитывая на медленность русской мобилизации, сначала разгромить Францию, и затем с большими силами повернуть на Россию, которую до этого момента должны были сдерживать немногие из наших корпусов и австрийское наступление.

Этот план рухнул, так как русская мобилизация,—если и не по официальному приказу,—все же фактически уже давно была в ходу, когда мы все еще верили в сохранение мира и делали шаги в этом направлении. Восточная Пруссия была наводнена врагом раньше, чем мы это считали возможным; с запада были взяты войска, чтобы защитить прусские нивы, а во Франции в силу этого войска оказались недостаточными для того, чтобы достигнутые тактические успехи использовать стратегически. Пришлось перейти к обороне и протянуть фронт до моря, чтобы обезопасить себя от охвата правого фланга. Так как одновременно с этим русские также стали разворачивать свои собранные силы и шли вперед широким фронтом, усиление нашей армии оказалось неизбежным; и тогда-то пришли к необходимости всю народную силу использовать для армии. Были созданы новые армейские корпуса из людей, раньше этого свободных от службы, пришлось призвать к оружию весь ландштурм, даже запасные части оказалось неизбежным бросить на фронт, чтобы заполнить зияющий пробел. Противник отвечал подобными же мероприятиями. Во Франции был призван последний человек; были притянуты на европейские поля сражения дикие народности; Италия примкнула к нашим врагам; в Англии была объявлена всеобщая воинская повинность; Индия послала в Европу своих коричневых сынов; Африка отдала ей своих черных детей.

Так мало-помалу появились на свет те войсковые массы, которые должны были протянуть свои линии от моря до моря, с одной стороны, для того, чтобы обеспечить себя от охвата, с другой стороны, чтобы найти применение своему оружию; получилась группировка сил, которую можно назвать линейной стратегией. Но чтобы эти длинные, исключающие всякий охват, линии сделать непреодолимыми против фронтальной атаки превосходных сил и вместе с тем при длительной обороне уменьшить потери от неприятельского огня, перешли к оборудованию позиций на манер крепостей. Глубокие окопы и обеспечивающие от поражения постройки должны были доставить укрытие как обороняющемуся, так и нападающему, не мешая в то же время действию собственного огня, а препятствия имели задачей затруднить приближение противника и задерживать его в сфере огня обороняющегося.

Эта форма борьбы оказала и на атакующего существенное влияние. Прежде всего, он был вынужден, чтобы все же охватить неприятельские линии, угрожая их тактическим флангам, чтобы быть в состоянии разрушить и перервать их коммуникацию,—распространяться все далее и далее, пока море или границы не полагали тому предела. Затем, он был вынужден совершенно изменить и способ атаки. До войны охват одного или обоих неприятельских флангов

признавался решительной формой атаки. Стратегически ее подготовить и в конце-концов тактически завершить, это и считалось собственно задачей полководца. С этими идеями мы выступили на войну, согласно с ними мы в начале войны и действовали; известно, как гениально фельдмаршал фон-Гинденбург осуществил эту теорию на деле в своих великих сокрушительных ударах на востоке.

Но эта форма боя при вновь создавшейся линейной стратегии могла осуществиться лишь при особенно благоприятных условиях. Где найдено не было охватываемого фланга, приходилось для поражения врага прибегать к фронтальной атаке. На это в мирное время мы не рассчитывали. Голоса—между прочим и мой,—говорившие о том, что все-таки возможны сражения и с прорывом центра и что они, в виду современных мероприятий, могут оказаться необходимыми, эти голоса не были услышаны, на них не было обращено внимания. А между тем обстоятельства развивались именно в этом направлении. Теперь в позиционной войне не было флангов, которые можно было бы охватить; всюду имел место длинный связанный фронт; чтобы создать фланг для охвата, нужно было сперва прорвать неприятельскую линию и это сделать при том условии, что противник всячески мешает такому прорыву и полученные разрывы спешит тотчас же заполнить своими резервами. Во всяком случае фронтальная атака сделалась необходимой. Она оказалась характерным явлением современной войны. Подготовить подобный прорыв и успешно его провести является теперь крупной, решительной, но также и трудной задачей полководца, которую часто мы и наши враги тщетно старались разрешить. Поэтому военное искусство ныне получило совершенно иное лицо, ибо теперь, по крайней мере сначала, идет речь не о самой операции, но о предварительном и притом внезапном сосредоточении пред неприятельским фронтом на данном пункте стольких сил и в такой их группировке, чтобы успех был обеспечен. А это, как мы увидим позднее, далеко не легкая задача.

Если поэтому фронтальная атака, в силу массовых армий, сделалась постоянным фактором войны, все же однако нужно беречь себя от мысли, что так должно оставаться всегда. Такая форма боя не должна считаться шаблонной. Это мы можем заметить уже по начальным сражениям этой войны, затем по боям в Румынии и по последним боям в России. Такое ведение боя будет только тогда необходимым, когда обороняющемуся действительно удастся создать непрерывный, нигде не охватываемый фронт, как, например, во Франции от швейцарской границы до Северного моря или в Италии также от швейцарской границы до Адриатики. Раз этого не будет, на сцену выступят старые отношения, и снова дело сведется главным

образом к стратегическому и тактическому охвату. Есть какое-то определенное соотношение между протяжностью театра войны и силою примененной на нем армии. Чистая фронтальная атака оказалась во Франции необходимой, так как французско-английские войска были достаточны числом, чтобы занять непрерывно весь фронт и образовавшиеся где-либо разрывы снова заполнять резервами.

В России же такой способ оказался осуществимым лишь в ограниченной степени, так как протяженность фронта была очень велика и театр войны в направлении к востоку непрерывно увеличивался по мере того, как армии принуждены были отступать под давлением противника. От устья Дуная вдоль Карпат и затем на север до устья Двины еще удавалось соединенным русско-румынским войскам кое-как сохранить непрерывную линию, хотя нужных резервов для них видимо уже не доставало. Но раз эта линия была прорвана, неприятельские армии под влиянием географической обстановки уходили одна от другой эксцентрически, и для них больше уже не оставалось возможности восстановить единый фронт. Тогда прежние данные маневренной войны снова вступали в свои права, и мы видели, как относительно слабые немецкие войска сумели разметать сначала румынские, а затем и русские силы в такой мере, что им никогда уже больше не удавалось надолго восстановить пред врагом замкнутый фронт.

Это соотношение массы к пространству должно всегда приниматься в расчет, если вы хотите обсудить войну при современных условиях, иначе можно впасть в линейную стратегию без достаточных резервов, а это таит в себе зерно поражения.

Сказанное в известной степени выявляет пред нами две формы современного ведения войны: позиционную войну с фронтальным прорывом и маневренную войну: последняя всюду вступает в свои права там, где обороняющийся из-за географических или цифровых причин будет не в состоянии создать непрерывного фронта, или там, где таковой фронт, созданный вначале, будет окончательно прорван нападающим и изломан им на части. Во всяком случае всегда будет задачей военного командования свести дело к маневренной форме войны, так как при ней легче создать возможность решительных результатов, чем при чистой фронтальной атаке. А отсюда выходит, что, в конце-концов, и для стратегической фронтальной атаки мысль об охвате флангов должна оставаться руководящей.

Ближайшим образом все же необходимо всегда стремиться, раз это возможно, атаковывать выдающиеся части неприятельской позиционной системы с охватом их, и конечная цель всякой фронтальной атаки все же должна быть направлена к охвату. Попытка прорвать

неприятельскую линию в одном месте сведется таким образом к тому, чтобы затем части позиции, примыкающие к прорыву и сделавшиеся теперь флангами, атаковывать с охватом, а затем, расширяя охват, обойти и сохраняющие свое положение фронты.

Если противнику удастся, даже если бы он был разбит и отброшен назад, закрыть произведенный прорыв, в прорванные участки своей линии подвести резервы для восстановления связи и тем воспрепятствовать охвату прилегающих частей, тогда победа атакующего, если и может быть названа сокрушительным тактическим успехом, но она уже будет не решающей победой в стратегическом смысле. Когда же атакующему удастся обнажить фланги противника и охватить их, а отсюда будет возможно воздействовать на его связь с тылом, а затем извнутри или извне обойти еще сохраняющий свое положение фронт противника, тогда такой успех можно будет считать полным и стратегически, и тактически.

Шлиффеновский принцип охвата остается, как отсюда видно, при всех обстоятельствах руководящим для ведения войны, и таковым он был во все времена, хотя и проявлялся в различных внешних формах, будь то косой боевой порядок Эпаминонда и Фридриха Великого, или двойной охват Ганнибала при Каннах, или наполеоновские бои с прорывом центра, будь то, наконец, окружающая стратегия Гинденбурга у Танненберга и в Мазурских озерах.

В современной войне, конечно, успех может быть осуществлен только как результат, хотя бы и косвенный, прорыва.

Но влияние массы на стратегию не исчерпывается одним влиянием ее на стратегическую форму борьбы и на протяженность театра военных действий. Ближайшим образом это влияние сказывается еще и на всех вопросах обеспечения и снабжения войск военным материалом.

Еще в войну 1870—1871 г.г. можно было по большей части жить местными средствами, и подвоз с родины являлся вообще только дополнением запасов, находимых на местах. Конечно, при более длительных осадах, как, например, при осаде Парижа, на сцену выступало обратное отношение. Но это было исключением из правил и даже при подобных случаях в стране находилось еще довольно жизненных средств. Кто пережил эту осаду, вспоминает с некоторым ужасом о французской баранине, которая вместе с привозимой гороховой колбасой составляла наше ежедневное меню.

Эти отношения совершенно переменились. Только очень богатые местности теперь в состоянии содержать, но и то короткое время, современную войсковую массу. Но если война захватит определенную страну или войско увидит себя вынужденным оставаться продолжи-

тельное время на одном и том же месте, тогда все его нужды могут быть удовлетворены только подвозом с родины, и в этом случае понадобится богато развитая сеть дорог и жел.-дор. линий, а также огромные рессурсы перевозочных средств, чтобы осуществить нужные перевозки. Требования к путям сообщения возросли еще оттого, что, как увидим, страшно возросла потребность в средствах борьбы всяческого типа и в вооружении по сравнению с прежними войнами, и с этой стороны ныне страшно отягощены тыловые организации.

Средства сообщения взяты на большую работу еще благодаря часто встречающейся необходимости быстро перебрасывать войска, а при колоссальном протяжении современных театров войны и при необходимости перебрасывать их часто на громадные расстояния в том и другом направлениях стало невозможным ограничиться только походными движениями. Это приводило бы к относительно медленному передвижению и в значительной мере обеспечивало бы неприятельскую осведомленность.

Поэтому безусловно необходимо стратегические передвижения войсковых масс, раз только это возможно, производить при посредстве железных дорог и по возможности скрыть такие передвижения от неприятельских глаз.

Подобного развития дорожной и жел.-дор. сети, которое ответило бы всем этим требованиям, конечно, нельзя найти ни в одной стране мира. Поэтому создается необходимость как жел.-дор. линии, так и пути строить заново и хранить их долгое время. А для этого нужны огромные артели рабочих, которые еще более увеличивают войсковые массы и еще сильнее поднимают требования на подвоз продовольствия и вообще всегда нужного, одновременно же они делают необходимым огромный аппарат начальства и чиновников; в конце-концов масса современного войска, включая те части, которые должны обеспечивать, особенно на неприятельской земле, охрану тыла, возрастает до бесконечности.

Вследствие всех этих обстоятельств самые передвижения войск оказываются исключительно трудными. Нужен выдающийся аппарат и до мелочей доведенная систематика, дабы ныне осуществить оперативные передвижения, сосредоточение или перемену направления того или иного фронта.

Во всех этих вопросах существует еще один тормозящий элемент в том влиянии, которое нагромождение масс должно оказать и оказывало на тактическое достоинство войск. Чем более создается новых формирований из рекрутов и более старых возрастов прежних солдат, тем меньшим должно оказываться в отдельных частях процентное отношение рядовых и унтер-офицеров действительной службы,

тем меньше также становится число офицеров действительной службы. Их места заступают резервные и ландверные офицеры и унтер-офицеры, а эти элементы, при всем их добром желании, вследствие их слабой специальной подготовки и опытности, никогда не могут образовать для части прочного кадра и не могут так руководить ею в бою, как люди, у которых солдатское ремесло является их призванием. Так как и сами люди в таких частях или как рекруты получили большею частью сокращенное обучение, или как люди более пожилые давно уже покинули военную службу, то становится естественным, что тактическая ценность подобных войсковых частей не может равняться ценности действующих полков, нормально мобилизованных.

Когда же при затяжке войны личный состав мирного времени постепенно убывает из-за смерти и ранений, тактический уровень всех полков как действительной службы, так и вновь сформированных постепенно выравнивается, и у старых войсковых частей остается только одно преимущество, которое, впрочем, имеет глубокое значение для тактического достоинства части: это—традиция и дух, жившие в полках мирного времени. Этот последний не так легко создается во вновь образованных войсковых частях, потому что с самого начала нехватает тех элементов, которые служат представителями и проводниками этого духа. Такой недостаток может сгладиться лишь постепенно в течение долгой войны, когда путем славных подвигов сложится собственная, хотя и молодая, традиция и оформится дух части, не терпящий в своей среде ничего слабого и недостойного.

Точно так же и офицерский корпус, не состоящий из офицеров по призванию, может только постепенно, путем боевого опыта созреть до полной высоты предъявляемых к нему требований; он далеко не всегда достигает этой цели, потому что смерть на поле брани будет постоянно пробивать кровавую брешь и скорее унесет как раз лучших и способнейших, ибо только такие стремятся итти впереди своих подчиненных, вдохновляя их своим примером, и они больше всего поэтому становятся жертвою неприятельской пули. То же самое можно сказать и о корпусе унтер-офицеров, который при обыкновенных условиях составляет крепкую основу части. К этому надо прибавить еще то обстоятельство, что при массовом призыве всех физически хоть сколько-нибудь годных людей в войска также попадают элементы более дурные нравственно; они под влиянием войны большею частью еще более теряют свой моральный облик и часто вредно влияют на менее твердых в нравственном отношении товарищей.

Наконец, у солдат старших сроков физические способности естественным образом менее прочны, чем у молодых, свежих людей. Нет у них и юношеского порыва, нет и способности к увлечению, но, с другой

стороны, они часто менее впечатлительны и более стойки. Но, несмотря на это обстоятельство, ценность части при всестороннем применении будет существенно понижена, раз в ней будет большой процент более старых солдат. Войска же, составленные исключительно из таких более старых людей, каковым будет, например, большинство частей ландштурма, оказываются вообще годными на войне только для немногих особых задач.

Таким образом, вождю современного войска приходится бороться с величайшими затруднениями при распределении своих войск по различным текущим задачам. С одной стороны, для особых целей могут большею частью применяться только особые войсковые части, а с другой—боевое применение и углубление обучения должны постоянно итти рука об руку, чтобы, —особенно при затяжной войне и при многократных новых пополнениях сильно пострадавших частей,—можно было вводить в боевую обстановку новое, не всегда вполне обученное пополнение и сближать его с действующей частью в одно тактическое целое.

Таким образом, выявляется замечательный факт, никогда прежде в такой мере не наблюдавшийся, что театр войны теперь есть не только область боев, но в то же время и маневренное поле, на котором непрерывно приходится решать под разным уклоном сменяющиеся задачи современной войны—позиционной и маневренной, оборонительной и наступательной.

Это тем более необходимо, что с усовершенствованием оружия и средств борьбы,—как это постоянно совершалось в мировой войне,—тактической работе войск предъявлялись все новые и новые требования. На эти обстоятельства мы теперь и обратим наше внимание.

II. Военная техника.

Между всеми новыми явлениями в области военной техники улучшение и умножение оружия составляет крупную исходную точку, от которой произошли все изменения тактики, а таковые с своей стороны много раз и решительно влияли на область операций и стратегии. Несомненно, и другие открытия оказали в некотором отношении видное влияние на военное искусство.

О них, конечно, следует тоже поговорить. Но влияние их не было так глубоко, как влияние современного оружия. Влияние последнего для новейшего ведения войны оказалось доминирующим.

Поэтому является глубоко интересным исследовать не только, как проявляются эти новые действия оружия, но также и то, как взаимно обусловливались и повышались его действие и противодей-

потому что только из этого изменения соотношений можно вывести заключение о будущем дальнейшем развитии военного дела. А это всегда составляет самую существенную задачу военной науки. Только когда удастся представить себе ход этого развития хоть несколько определенным, лишь тогда можно быть обеспеченным от неожиданностей со стороны более дальновидного противника и спокойно опираться на свои собственные последующие решения.

В нашей армии, как сказано, уже до войны были заложены основы для здорового дальнейшего развития. Но окончательные выводы из этого не были сделаны: в некотором отношении не дошли даже до необходимого, в ином случае пошли от неверной точки зрения; следовали и такими путями, которые приводили к противоречиям.

Действие артиллерии оценивали значительно выше, чем следовало, и потому думали, что можно в силу этого обойтись с ограниченным числом батарей: я тоже впал в эту ошибку. С другой стороны, ценили слишком низко оборонительную роль современного скорострельного оружия и потому недостаточно энергично занялись его усилением. Введением тяжелой полевой артиллерии и пулеметов во всяком случае положили должное начало и вступили на путь богатых перспектив, но, как это слишком скоро обнаружилось, с этими нововведениями не пошли достаточно далеко.

Тяжелый настильный огонь в мирное время оставался в большом пренебрежении. Его высокое значение не было признано. Совершенно неверно оценивали потребность в снарядах, что много раз давало повод к серьезным критическим положениям. Наша конница была воспитана на совершенно ложных основаниях.

Русско-турецкая и еще более русско-японская войны уже неоднократно приводили к позиционным боям и показали, какое значение может приобрести при известных обстоятельствах такой способ ведения боя. У нас бой за укрепленные позиции тоже бывал предметом обсуждения и упражнения. Но все-таки его рассматривали всегда лишь в связи с оперативными соображениями, и при этом имелись в виду только спешные полевые укрепления. О настоящей окопной войне, требующей фронтальных ударов, еще никто не думал. Немногие тяжелые полевые гаубицы и 10 и 13-сантим. орудия, которыми располагала армия, считались достаточными для маневренной войны, и только против неприятельских крепостей были припасены более тяжелые и самые тяжелые орудия, которые должны были доставить возможность быстро пробить неприятельский крепостной пояс. Этим во всяком случае был сделан большой шаг вперед, обеспечивавший нам для начала сильное превосходство над неприятелем по исчерпывающее значение артилле-

рии для наступающей войны этим самым далеко еще не было оценено в полной мере. К познанию такового привели только сами военные события.

В результате мы вступили в эти последние со взглядами и организациями до известной степени не зрелыми, не продуманными до конца, а им соответствовали и затраченные средства. Как мы не представляли себе тех масс людей, которых потребует война, и потому должны были их импровизировать уже во время самой войны, так точно в вопросе о вооружении мы очень скоро оказались не доросшими до требований действительности уже потому, что мы о силе действия современного оружия не составили себе соответствующего представления. Наша пехота при первых наших победоносных боях понесла очень тяжкие потери, унесшие цвет нашей молодежи, а конница наша была принесена в жертву бесполезных атак, частью даже против заграждений, потому что путем совершенно ошибочной подготовки мирного времени она была воспитана почти исключительно для такого способа действий. Все это уже было рассмотрено.

Когда же после сражения на Марне фронты стали все более удлиняться и пришлось длинными, тонкими линиями отражать атаки масс врага, тогда увидели себя вынужденными зарыться в землю, чтобы укрыться от губительного огня противника, уменьшить потери и тем увеличить силу сопротивления. Пытались также защитить войска от действия неприятельского огня стальными шлемами и постройкой панцырей. Все это, конечно, затрудняло атаку, тем более, что очень скоро пришли к решению усилить собственный огонь введением более значительного числа пулеметов. С своей стороны, и нападающий увидел себя вынужденным принять меры противодействия. Стремительное набегание (Anrennen) пехоты на зарывшегося защитника оказалос обещающим мало успеха, так как оно было еще богаче потерями, чем наступательный бой в открытом поле. Поэтому надо было подумать, как ослабить огонь обороняющегося.

Одни пулеметы при атаке не были достаточными для этого, почему умножение и улучшение артиллерии явилось естественным шагом. Надо было разрушить неприятельские окопы и заграждения, задавить пехоту противника, побороть его артиллерию и, если возможно, заставить ее замолчать, чтобы открыть свободный путь собственной атаке. Надо было также полевую пушку с ее настильным огнем все в большей и большей мере заменять навесным огнем, чтобы поражать противника за его закрытиями.

Но последний отвечал на это то усилением своих окопов бетонными непробиваемыми постройками, то усилением артиллерийской обороны, которой теперь указывалась уже задача не только успешно

побороть артиллерию атакующего, но держать также под уничтожающим огнем пути наступления неприятеля, его места сбора и приготовлений, а обстреливанием местности непосредственно перед оборонительными линиями своей пехоты устроить перед врагом такую огневую завесу, через которую атакующий мог бы прошмыгнуть разве только с самыми тяжелыми для себя потерями (заградительный огонь).

Тогда атакующий с своей стороны также был вынужден поставить своей артиллерии дальнейшие задачи. Теперь дело сводилось к тому, чтобы не только разрушить неприятельские оборонительные постройки и поразить пехоту противника уничтожающим огнем, но надо было по возможности также совершенно забить артиллерию обороняющегося, а буде возможно, и совсем уничтожить ее губительные действия против атакующей артиллерии, а прежде всего—против атакующей пехоты.

Наконец, потребовалось бороться с земли против неприятельских летчиков, а затем и в настоящих горах нельзя было отказываться от действия артиллерии. В результате пришлось артиллерию как по числу, так и по родам умножить, усилить и снабдить достаточным числом снарядов. Это опять в свою очередь влияло на обороняющегося, почему в конце-концов создалось все возрастающее значение этого рода оружия для обеих сторон. Сообразно с различными задачами вводились самые различные типы орудий и они снабжались соответственно различными снарядами.

Что неприятельские постройки и оборонительные приспособления требовали значительного умножения навесного огня от самых легких до самых тяжелых калибров, уже было указано. Но вместе с этим выяснилась необходимость повреждать пути наступления и закрытия противника, его склады и важные промышленные сооружения, поражать издалека неприятельскую артиллерию и обстреливать более дальние пространства фланговым огнем и по возможности длинными снопами шрапнелей. Таким образом полевая пушка хотя и сохраняла свою ценность, все же была заменена более дальнобойными типами; рядом с ней, не считая дальнобойных навесных батарей, развился тяжелый и потому очень дальнобойный настильный огонь до размеров почти не предвиденных и, наконец, достиг своего апогея в устройстве того орудия, которым могли обстреливать Париж с германской стороны на расстоянии около 120 км.

Помимо этого особого типа строились орудия, в большинстве случаев не превосходившие калибра в 15 сантим., но достигавшие и калибра в 38 сантим. Они частью снабжались автомобильной тягой, частью двигались на железнодорожных платформах; в этом случае они могли

стрелять только как железнодорожные орудия, не оставляя рельсов. Там, где не было подходящих для направления выстрелов рельсовых путей, проводились дополнительные ветки, служившие местом для установки орудия.

Для отражения неприятельских летчиков строились орудия с возвышением до 85 градусов, стрелявшие частью с неподвижной подставки, частью пристроенные к автомобилю и потому подвижные. Наконец, для особых целей была создана горная артиллерия, какой мы до мировой войны вообще не имели. В Карпатах, как и в Альпах, где немецкие войска достаточно сражались и побеждали, было совершенно необходимо придать нашим войскам такую артиллерию, которая могла бы всюду их сопровождать. Эта цель и была достигнута особыми конструкциями.

Если во всех этих случаях заботились преимущественно о дальнем обстреле, то, с другой стороны, также являлась потребность и на ближайших расстояниях впереди своей линии, особенно в позиционной войне, достигать действия, подобного артиллерийскому, но не отвлекая орудия во имя борьбы с совсем близкими целями от его специальных задач по обстреливанию дальних целей, т.-е. неприятельских войск и особенно артиллерии противника.

Для такой цели служат минометы, которые ставятся посреди или непосредственно позади передовой линии пехоты и имеют своей главной задачей обстреливать ближайшие неприятельские линии уничтожающим навесным огнем. Здесь тоже введены различные калибры, почему по своей действительности и подвижности минометы делятся на тяжелые, средние и легкие. Последние могут также сопровождать пехоту при атаке и могут равным образом на близких расстояниях применяться для настильной стрельбы, если пехота во время наступления натыкается на цели, которых она не может побороть собственными средствами.

Для той же потребности должны также служить приданные к пехоте батареи, вооруженные легкими настильными орудиями. Их задача—непосредственно сопровождать пехоту и прямым выстрелом поражать опорные пункты противника, в то время как легкие минометы могут успешно выполнять эту задачу только с расстояния в 800 или 1000 метров, хотя, как сказано, также могут употребляться и для навесного огня. Средние минометы, обладающие очень значительным разрывным и детонирующим действием, могут тоже быть сделаны подвижными и применяться в таком случае против трудно одолимых целей атаки. Напротив, тяжелые употребляются исключительно против укрепленных позиций и устанавливаются неподвижно.

Наконец, для усиления обороны от неприятельских атак против окопов применяются окопные орудия, скорострельные пушки легкого калибра от 3,7 до 5 сантим., которые на близких расстояниях при большой скорости стрельбы могут достигать значительных результатов.

Что касается снарядов, то граната вновь выиграла в значении перед шрапнелью даже по открыто стоящим живым целям, частью благодаря ее большему моральному действию, частью из-за более легкого и быстрого обслуживания, а частью также из-за того, что при массовых работах военной промышленности и при частом недостатке сырья не удавалось изготовлять дистанционные трубки столь надежными, чтобы они точно давали назначенное время горения. Против многих прикрытых целей и целей за закрытиями прежде всего требуется навесной огонь. Правда, для этой цели изготовлялись также гранаты [1]) BZ., потому что их осколки действуют не только вперед, но и вниз и назад; но их применение в общем затрудняется по тем же причинам, как и применение шрапнелей, и прежде всего из-за невозможности на войне доставлять надежные дистанционные трубки в большом числе. Таким образом в конце-концов приходится обратиться к испытанной и легко обслуживаемой гранате. Взрыватели же устраиваются частью с замедлением, так что они вызывают взрыв снаряда только после его проникания в цель, что увеличивает разрывное действие, частью они очень чувствительны и производят взрыв уже в момент прикосновения снаряда к цели, что усиливает разрыв кусков в стороны. Сверх того, против целей, оказывающих сопротивление, применяются гранаты с закаленной головкой. Наконец, для достижения особенно больших дальностей были построены снаряды особенной формы (снаряды „C“ или снаряды с чепчиком—Haubengeschosse).

О более мелких изменениях в устройстве снарядов, имеющих исключительно техническое значение, здесь, где речь идет только о существенном, говорить не приходится; но в связи с артиллерией необходимо упомянуть о том новом боевом средстве, которое, особенно в артиллерии, приобрело большое значение: о боевых газах. Это—ядовитые газы и едкие вещества разного состава и действия, которые впервые во время войны появились как самостоятельное боевое средство. Такими газами в их сжатом состоянии наполнялись стальные сосуды, и затем, когда сосуды были установлены в боевом окопе, газы при благоприятном ветре выпускались на неприятеля, у которого они, если удавалось застать его врасплох, производили опустошительное действие.

---

[1]) Т.-е. гранаты с дистанционной трубкой (Brenn-Zünder). *Прим. ред.*

Однако этот способ с течением времени не особенно зарекомендовал себя. Он слишком зависит от ветра, который при известных обстоятельствах может погнать газ назад в собственные линии. Свои войска подвергаются опасности еще от того, что сосуды с газами могут быть разбиты вражеской артиллерией. Тем не менее таким путем, пока противник еще не принял мер против нового боевого средства, были достигнуты значительные успехи. Но невыгодные стороны со временем взяли перевес, и потому перешли к изготовлению газовых гранат и газовых мин.

Последние представляли ту выгоду, что зависимость от ветра становилась менее прежней, так как можно было переносить точку попадания снаряда вперед, назад или сбоку цели, смотря по направлению ветра, и самим оставаться, даже при неблагоприятном направлении ветра, но только благодаря дальнему расстоянию, в меньшей опасности, чем при выпускании газов из своих линий. Теперь можно было отравлять газами войска и местность далеко в тылу неприятельского фронта, что было особенно важно по отношению к неприятельской далеко стоящей артиллерии.

Действие газа, смотря по его роду, состоит в том, что он или вызывает раздражение в дыхательных органах, носу и глазах и этим делает человека на некоторое время неспособным к бою, или же действует в случае вдыхания смертельно, или, наконец, на долгое время отравляет целую местность, раз она была сильно обстреляна газами, так что еще через несколько дней в нее нельзя бывает вступить безнаказанно. Такие газы не только при вдыхании часто действуют смертельно, но они повреждают также кожу, приходящую с ними в соприкосновение, и причиняют слепоту,—тогда как действие первых из названных газов вредоносно, хотя и на далеком расстоянии, но на короткий срок.

Как средство защиты против газа, теперь всюду введены газовые маски, которые при вдыхании впитывают вредный газ и делают его безвредным. Они, конечно, не предохраняют от всех газов, но всегда затрудняют работу как пехоты, так и артиллерии, если их приходится носить продолжительное время.

Родственное газовым снарядам, хотя и совсем различное по своему действию боевое средство представляют собою дымовые гранаты и дымовые бомбы. Они не вредят противнику непосредственно, но часто мешают ему в правильном применении оружия; особенно же скрывая от глаз неприятеля наступательные движения, они позволяют скрытно приближаться к его боевым линиям и увеличивают тем вероятность неожиданности. Конечно, они часто затрудняют и собственные движения, так как не всегда легко бывает ориентиро-

ваться в окутанной дымом местности или даже действовать в ней оружием.

Если состав артиллерии и способ ее действия подверглись глубоким изменениям, то и стрельба изменилась очень существенно. До мировой войны обходились вообще земным наблюдением, и это последнее обычно и теперь, по крайней мере в маневренной войне. Хорошие пункты для наблюдения выиграли в значении. Но при больших дальностях современных орудий такое наблюдение возможно не во всех случаях, оно ограничивается вообще ближним боем. Артиллерия самым широким образом пользуется всеми местными закрытиями, чтобы оградить себя от взоров. Поэтому далекие цели большею частью не поддаются прямому наблюдению. Оно в этом случае может быть заменено наблюдением из воздуха, с привязного шара или через артиллерийских летчиков, которые сообщают стреляющей батарее о падении снарядов при помощи искрового телеграфа или телефона, что и делает возможным корректирование.

Но и этот способ не везде может применяться, отчасти из-за противодействия неприятельских летчиков, отчасти от того, что во время боя при многих поставленных рядом батареях очень трудно различать попадания снарядов. Поэтому надо добиваться возможности даже без прямого наблюдения обстрелять цель с надеждой на успех. Это достигается различными способами измерения расстояний. Сначала место стоянки батареи, которая должна стрелять, определяется тригонометрически, затем в разных местах по соседству также тригонометрически отмечаются измерительные станции. С них вспышка неприятельского выстрела определяется засечками с разных сторон, и таким образом стреляющая батарея наносится на план местности (световой способ измерения). Или положение неприятельской батареи определяется тем, что измеряют разницу времени, употребляемого звуковой волной от момента выстрела до момента достижения измерительных станций. По этим измерениям положение стреляющей неприятельской батареи определяется беспрепятственно (звуковой способ измерения). Таким же путем при этом способе выстрелы собственной стреляющей батареи отмечаются в момент их разрыва, и по звуку определяется их положение на плане. Согласно этому они затем корректируются к цели. С другой стороны, при световом способе измерения наблюдается, если возможно, дым от разрыва снаряда, по которому определяется точка попадания, а затем делается поправка.

Если место попадания не видимо со станции измерения, можно при помощи плана с обозначенными высотами определять положение выстрелов тем, что сперва жертвуют одним выстрелом с нарочно

очень высоко установленной точкой разрыва и затем вычисляют точку, куда снаряд ударил бы, если бы он мог продолжать свой путь. Согласно с этим делается поправка.

Если наблюдение выстрелов невозможно ни с земли, ни другим способом, может, в конце-концов, быть применено простое не наблюдаемое обстреливание площади, которое все-таки всегда должно оставаться исключением. Данными для действительности огня при этом служат: точное знание места собственного расположения и цели, хорошие карты и учет атмосферных „боевых влияний" так же, как и „особых влияний" на траекторию снаряда. При таком условии все дело измерений и карт достигло высокой степени развития. Метеорологические наблюдения в армии тоже стали делом служебным.

Направление и сила ветра, влажность и давление воздуха и другие факторы влияют на траекторию снаряда в довольно значительной мере. Отсюда явилась необходимость при стрельбе принимать во внимание эти дневные влияния. Поэтому стали устраивать метеорологические станции, которые ежедневно определяют эти атмосферные влияния и сообщают данные батареям, так что последние могут при практической стрельбе принимать в расчет влияние разных факторов, сведенных в таблицы (фронтовые метеорологические станции). Этим точность попадания уже существенно повышается.

Но дают себя знать еще особые влияния, различные в отдельных орудиях, происходящие в сущности от особого, специфического влияния отдельных стволов. Эти особые влияния систематически определяются пристрелкой каждого отдельного орудия на определенное расстояние, по которому затем вычисляются для каждого орудия поправки на все расстояния (способ Пулковского). Это, правда, вызывает некоторое затруднение в стрельбе, но зато дает значительно повышенную точность попадания всей батареи.

Если в связи со сказанным оборонительная сила пехоты и необходимость поражать далеко расположенные и притом укрепленные позиции дали первый толчок к необыкновенному умножению артиллерии, а с течением времени привели и ко введению самых различных типов орудий и сложных приемов стрельбы, то и сама пехота должна была пережить глубокие изменения в ее вооружении и вместе с тем во всей ее тактике.

Перед войной скорострельность, дальность, настильность и меткость современного пехотного ружья, сулившие уничтожающее действие на близких расстояниях, давали право думать, что бой будет разыгрываться преимущественно на дальнем расстоянии и что атакующей пехоте только лишь очень постепенно будет удаваться

достигать перевеса в огне и подходить к обороняющемуся на расстояние штурма. На этом предположении была построена вся наша тактика, и первые бои мировой войны явно разыгрались по этим нормам. Можно сделать допущение, что и после, когда дойдет дело до встречных боев в маневренной войне, одинаковые условия приведут к подобным же формам боя.

Но совсем иначе сложилась обстановка, когда началась позиционная война. Здесь противники часто сходились в самой непосредственной близости друг к другу, и для атакующего, как и для обороняющегося, было важно или броситься на противника, скрытого окопом и невидимого, а иногда видимого только частью, или из окопа встретить огнем находящегося в непосредственной близости врага, не выставляя себя однако слишком открыто под действие неприятельского оружия. Сначала были введены отборные стрелки, которые, будучи вооружены ружьями с панорамным прицелом и укрыты щитами, могли поражать самые маленькие цели. Затем была введена ручная граната, как она употреблялась еще в дофридриховскую эпоху и систематически применялась уже в русско-японскую войну.

Теперь она стала главным средством ближнего боя пехоты, так как она являлась безусловной потребностью не только при фронтальной атаке, но и при охвате окопов, защищенных траверсами от флангового огня; нужна она была также и при неожиданном нападении на отдельные посты и заставы.

Но этим не кончилось изменение в вооружении пехоты. По мере того, как с течением времени у нас, немцев, все более появлялось врагов—итальянцы, румыны, вновь сформированные английские войсковые массы, азиаты, африканцы и, наконец, американцы,— чем больше, с другой стороны, накоплялось потерь в бесчисленных боях и стычках, чем больше, наконец, при обороне длинных позиций являлась надобность сберегать резервы, чтобы, когда нужно, посылать их на угрожаемые пункты, а при атаке сосредоточивать силу огня, тем более у нас, а в противовес нам и у наших противников, желавших нас уничтожить массовым нажимом, стала ощущаться необходимость усилить пехотный огонь, по возможности оберегая в то же время людей от неприятельского огня в передних линиях, дабы ограничить потери до возможного минимума.

Это кажущееся противоречие требований было разрешено легким пулеметом, который постепенно обратился в главное оружие пехоты и, как мы увидим, оказал сильное влияние на ее тактику. Это легкое, носимое одним человеком оружие заменяет приблизительно огонь взвода, вооруженного пехотным ружьем, и потому

позволяет как при обороне, так и при атаке обходиться в передней линии соответственно меньшим числом людей и соответственно накоплять резервы, что и отвечает поставленному требованию. Если и есть необходимость посылать вслед за этим оружием некоторое число подносчиков патронов, все-таки расход людей при этом остается значительно меньше, чем если бы было нужно достигнуть той же силы огня пехотинцами.

Тяжелые пулеметы, задачей которых всегда было обстреливание противника с командующих и фланкирующих позиций и издалека, конечно, остались при их прежнем назначении, но теперь они даже и косым огнем оказывают существенную поддержку пехотному бою, особенно при обороне. Дальнейшая помощь обороняющемуся была создана гранатометами, которые могли усиливать заградительный огонь, и ружейными гранатами, составляющими, конечно, довольно первобытное оружие. Все-таки скоро оказалось необходимым еще более увеличить боевую силу пехоты, особенно при атаке, после того как при обороне та же цель была уже достигнута окопными пушками и минометами.

Убедившись из опыта, что передние линии окопов в такой мере засыпаются артиллерией атакующего и минометами, что становится невозможным сохранить в них свою пехоту в состоянии боеспособности, обороняющийся пришел к мысли обратить всю местность позади передовой линии в глубокую оборонительную полосу. Был построен не только ряд линий и позиций друг за другом, но в промежутках были устроены еще прочные опорные пункты и гнезда для пулеметов, по возможности в шахматном порядке; неприятельская артиллерия обычно находит таковые с трудом, почему они и сохраняют за собой возможность задерживать уже ворвавшегося противника. В результате атакующая пехота, заняв передовые позиции неприятеля, наталкивалась на задачи, которых не могла разрешить своими средствами. Собственная же артиллерия, расположенная далеко сзади, не могла оказать ей деятельной поддержки в образовавшейся боевой кутерьме, в лабиринте всех этих рассеянных опорных пунктов, которые лежали частью еще перед наступающей пехотой, а частью уже были ею обойдены.

Наблюдение и точная стрельба при таких обстоятельствах не всегда возможны с обычного расположения артиллерии.

Артиллерист в этом случае не может точно следить за отдельными фазисами пехотного боя и не может с достаточной быстротой оказать помощь в решительном пункте. Вследствие этого необходимо придать атакующей пехоте нужные боевые средства и снабдить ее сопровождающими батареями—легкими полевыми и специально скон-

струированными батареями пехотных орудий (Infanterie Geschütz-batterien) и легко перевозимыми минометами, которые при земном наблюдении и прямом выстреле способны уничтожать неприятельские опорные пункты. Для той же цели теперь придают пехоте огнеметы, бросающие навстречу противнику горящую массу и несущие таким путем гибель, конечно, только с относительно близкого расстояния.

Но и при этих средствах атака оказывалась не достаточно усиленной, чтобы с уверенностью можно было пробиться. Поэтому стали строить самоходы (сначала у наших противников), т. - е. совершенно закрытые броневые повозки с пулеметами и скорострельными орудиями,—так-называемые танки; они, снабженные сильным двигателем и неуязвимые для пехотного огня, направлялись против линий обороняющегося, дабы проложить путь следующей за ними пехоте. Их конструкция такова, что они валят заграждения, легко преодолевают окопы и возвышенные закрытия и обстреливают фланговым губительным огнем прорванные линии обороняющегося.

Эти повозки, сначала вышедшие несколько неуклюжими с довольно медленным ходом, потом постепенно были существенно улучшены и теперь могут рассматриваться как главное средство атаки войск Антанты. Теперь еще преждевременно гадать, куда может пойти их развитие и действительно ли танки оправдают себя надолго. Во всяком случае наш враг строил их тысячами и вначале они, поражая неожиданностью, достигали больших успехов.

Они строились самых разнообразных типов. Тяжелые и мало поворотливые танки, построенные вначале, позднее служили только для подвоза в передовые линии снарядов и других боевых припасов. Собственно же боевые танки строились по существу двух типов: тяжелого боевого танка и более легкого и быстрого танка, имеющего назначение возможно быстро проникать глубоко в неприятельские линии и разрушать тыловые сообщения противника. Кроме того, есть танки еще более массивные, которые должны не только сами сражаться, но могут перевозить значительное число солдат и пулеметов, чтобы выгрузить их за прорванными линиями неприятеля и действовать на последние с тыла.

По характеру вооружения различают мужские и женские танки и гермафродиты. Мужскими называют те, которые, кроме пулеметов, снабжены двумя скорострельными пушками; женскими такие, которые имеют только пулеметы, а гермафродитами,—которые сверх пулеметов имеют по одной скорострельной пушке. В конце-концов эти боевые повозки являются таким средством атаки, которое не следует ценить слишком низко. Может быть, было бы правильнее сравнить танки с боевыми слонами, выведенными впервые Пирром в поле против рим-

лян и посланными им впереди своей пехоты, благодаря чему Пирр сперва имел громадный действительный и моральный успех над неприятелем. Но скоро римляне, которые вначале были застигнуты врасплох, нашли соответствующие средства противодействия, и атака слонов спасовала перед их осмотрительной храбростью.

В Германии тогда тоже стали строить подобные броневые повозки, и они могут рассматриваться, по крайней мере, как равноценные с неприятельскими.

Такое усиление атаки естественно вызвало противодействие со стороны обороны. Для винтовки был приготовлен снаряд, могущий пробивать броню танка. Были введены особые ружья для отражения танков, при помощи которых эта цель достигалась еще вернее. На обороняемой местности для борьбы с танками устанавливались особые орудия, снабженные гранатой с бронированной головкой, на которых возлагалась задача разбивать проходящие танки с близких расстояний прямым выстрелом. Узкие места, которых танки не могли миновать, снабжались бетонными перемычками, которых страшные боевые машины не могли пройти,—это особенно проявлялось в тыловой части участка. И, наконец, местность приспособлялась таким образом, что она представляла почти всюду значительные затруднения танкам при переходе через нее: так-называемые западни для танков. Этим путем удалось существенно парализовать действие этих боевых машин. Нам приходилось в большом числе или захватывать, или выводить их из строя; и все-таки они при целесообразном применении служат хорошим боевым средством.

Если новое вооружение пехоты и особенно артиллерии с новыми боевыми средствами, приданными к этим двум главным родам войск, сильно повлияли на современное ведение боя и на характер решительных сражений, то и другие нововведения в области боевых средств имели во многих отношениях самое глубокое влияние. Тут на первом месте надо поставить воздухоплавание.

Еще до войны были заложены видные этапы в развитии воздушного оружия. Управляемые воздушные корабли достигли уже значительного совершенства. Привязной шар подвергся порядочному обесценению, между тем как воздухоплавание, растущее значение которого во всяком случае понято еще не было, хотя и не освободилось еще от оков зачаточного состояния, но уже находилось в состоянии бодрого развития. Но все это быстро изменилось с наступившей войной. Привязной шар опять попал в полную честь, как наблюдательная станция и в позиционной и в маневренной войне, воздухоплавание же достигло очень скоро высокого стратегического и тактического значения; с этим значением постройка летательных аппаратов шла

нога в ногу. Само же воздухоплавание вытесняло игравший вначале еще известную роль управляемый воздушный шар все больше и больше, по мере того, как удавалось строить летательные аппараты с большой подъемной силой и значительным радиусом действия.

Ныне эта задача разрешена в полной мере. Теперь различают: рабочие летательные аппараты, эскадрильи бомбовозов, боевые отряды и отряды истребителей, которые в определенных тактических соединениях,—необходимость их я подчеркивал уже в моей книге о „Современной войне",—или поодиночке должны исполнять свои специальные задачи.

На рабочие аппараты прежде всего выпадает задача фотографически запечатлевать неприятельские позиции и разведывать подступы противника в его далеком тылу. Фотографирование с аппарата, а также разбор изображений, для их практического пользования снятых часто под определенным углом, достигли высокой степени совершенства. Подобные снимки могут делаться также и с привязного шара. Таким образом воздушная разведка, особенно в области стратегической и тактической дальней разведки, заменяет кавалерию, которая в позиционной войне исключена самой природой вещей, а в маневренной войне встречает в дальней разведке летчиков существенную поддержку. Эти последние обслуживают кроме того и ближнюю разведку вместе с пехотными дозорами; конечно, в позиционной войне эта деятельность возлагается исключительно на пехоту. Обязанностью рабочих летчиков является далее содействие пристрелке артиллерии путем наблюдений и сообщений о положении точек попадания относительно цели, а во время боя—поддержка связи между передовыми пехотными линиями и расположенными сзади командными постами. При известных обстоятельствах они могут также подвозить снаряды и съестные припасы ведущей бой пехоте (пехотные летчики).

Чтобы сделать возможной связь с войсками, летчики, а особенно артиллерийские, снабжены приборами для телеграфирования и телефонирования без проводов, в то время, как войска также имеют соответствующие приборы.

Эскадрильи бомбовозов состоят из аппаратов, имеющих иногда очень большую подъемную силу, так что они могут нести бомбы весом до 1000 кило. Различают большие аппараты и исполинские, последние самые крупные; они снабжены бомбами для сбрасывания и имеют задачей атаковать из воздуха неприятельские закрытия, склады материалов, железные дороги, ангары, важные промышленные сооружения и т. п. Действие сбрасываемых ими снарядов бывает иногда чрезвычайное. Эти снаряды могут иметь или очень чувствительный взрыватель, или действующий с замедлением, смотря по тому, нужно ли вызвать большое, далеко простирающееся и настильное, разрывающее

действие или пробить цели, оказывающие сопротивление. Для отдельных задач эскадрильям бомбовозов кроме того придают меньшие аппараты, имеющие задачи нападать, например, на железнодорожные поезда; для этого они сильно снижаются к атакуемой цели, чтобы поразить ее и уничтожить так-называемыми минными ящиками[1]).

Боевые отряды в свою очередь имеют задачей непосредственно участвовать в бою с другими родами войск, действующими на земле; а цель отрядов - истребителей прикрывать другие аппараты при их работе, открыто нападать на неприятельских летчиков и добиваться превосходства сил в воздухе. Они построены специально для этой цели и потому особенно быстры и поворотливы.

Все летательные аппараты вооружены, и прежде всего, конечно, с целью нападения, но частью и для возможности обороны от неприятельских воздушных нападений. Аппараты рабочие, боевые и бомбовозы имеют по одному неподвижно прикрепленному пулемету и по одному подвижному. Исключение составляют бронированные пехотные летчики, которые, именно благодаря своей брони, представят возможно большую обеспеченность от пехотного и пулеметного огня; они имели сперва на полу сиденья наблюдателя два парных пулемета для отвесной стрельбы вниз и кроме того подвижной пулемет для наблюдателя. Позднее два пулемета, как не достигающие цели, были заменены одним. Наконец, аппараты-истребители вооружены только двумя неподвижно укрепленными пулеметами.

Одновременно с их специальными задачами все летательные аппараты, конечно, могут употребляться и для передачи известий или при посредстве искровых телеграмм находящимся в тылу штабам и войсковым частям, или сбрасыванием заметных издали дымящихся патронов, заключающих донесения в особых капсюлях. Можно также с летательного аппарата выпускать и почтовых голубей.

Таким образом, воздушный род войск в своем разнообразии представляет чрезвычайно важное нововведение для всех армий и, повидимому, призван иметь в некотором отношении решающее влияние на развитие стратегических и тактических факторов. В вопросе о крепостях,—как я предсказывал уже перед войной,—он тоже будет иметь значение. Уже теперь воздушный флот проявил крупное стратегическое влияние в том отношении, что ныне приходится производить все стратегические и оперативные движения ночью, чтобы укрыться от глаз летчиков.

---

[1]) Минные ящики или минные камеры (Minenkoffer)—такой вид снарядов, которому путем воздушного компрессора сообщается известная начальная скорость.

Прим. ред.

Он заставляет также прибегать ко многим приемам маскировки, чтобы скрыть от глаз и фотографического аппарата летчика позиции батарей, оборонительных сооружений и тому подобное.

Еще в другом очень важном отношении военная техника оказала свое решающее влияние, сделав возможным управление современными массовыми армиями на тех обширных театрах, какие отличают мировую войну: именно в области передачи известий и донесений.

Обыкновенный аппарат Морзе, который и теперь употребляется в местных телеграфных сношениях, а после 1870—1871 г.г. еще долго обслуживал связь между отдельными армиями и войсковыми частями, совершенно исчез из войск. Обычное средство сношений отдельных войсковых частей между собой и с родиной составляет телефон. Между дивизией и всеми ее частями он является самым существенным средством связи; в случае надобности применяется шифр, обеспечивающий от вражеского подслушивания. Между дивизиями и штабами употребляется так-называемый „ударник“ (Klopfer), которым можно передавать 600 слов в час: телеграфный аппарат, производящий соответствующие азбуке Морзе стуки, выслушиваемые приемщиком.

Между штабами армий, командующими армиями и фронтами пользуются „дальнописцем“ (аппарат Юза), который посредством остроумного, изобретенного в Америке приспособления может письменно передавать 1000 слов в час, так что приемщик получает сообщение в виде написанной телеграммы, которую никто перехватить не может. Между фронтами и главной квартирой, так же как между последними и центральными управлениями на родине, и другими часто очень далекими театрами войны применяется скорый телеграф Сименса, могущий дать 5000 слов в час, получаемых приемщиком в виде написанной телеграммы. Потребные для сего приборы во всяком случае неподвижны и для своей перевозки требуют особой повозки на специальных рессорах.

До такой высоты и совершенства, достойных удивления, сумел развиться проволочный телеграф.

Рядом с ним стоит—также в практическом пользовании армии—искровый телеграф. Он позволяет, смотря по устройству приборов, сообщаться в одном направлении или взаимно. В первом случае сведения могут только получаться, во втором—они могут получаться и посылаться. Каждой дивизии придается искровое отделение, с помощью которого она может обмениваться сведениями со своими подчиненными,—бригадами, полками, начальниками отрядов, управлением артиллерии и т. д., но все-таки рекомендуется несколько ограничивать применение этого способа, так как иначе отдельные станции

легко могут мешать одна другой. Например, только посылать могут артиллерийские летчики, которые должны направлять огонь артиллерии, только принимать—соответствующие батареи. Высшие войсковые соединения также связаны между собой искровым телеграфом.

Дивизионные искровые отделения примыкают к земным телеграфам, которые, пользуясь электропроводностью земли, могут устанавливать связь, не требуя особых предварительных устройств. Земля сама передает сообщение. Приспособление, представляющее из себя простой прибор, может быть использовано как для принятия, так и для подачи. Усиливатель звука дает возможность даже более слабые звуки, проходящие через землю, делать слышными для человеческого уха. На том же принципе основаны станции подслушивания, которые позволяют при известных обстоятельствах подслушать разговоры, которые ведутся у неприятеля по телеграфу или по телефону, оставаясь в собственных линиях, и это благодаря тому, что электрические токи, использованные противником и частью теряющиеся в землю, перехватываются собственным аппаратом.

Рядом с этими электрическими средствами ориентирования и передачи сведений пользуются еще световой связью. Сильные электрические лампы бросают световые сигналы, соответствующие азбуке Морзе, с фронта назад и с тыла вперед. Они чаще всего применяются в дивизиях, связывая их с передними ротами или артиллерийскими наблюдателями. По силе света и соответствующей дальности действия бывают большие, средние и малые световые аппараты. В случае тумана и дождя их радиус действия, конечно, очень ограничен.

Когда же все эти средства отказываются служить, применяют вестовых собак и почтовых голубей, придаваемых войскам. Последние очень быстро возвращаются в родную голубятню, а принесенные сюда донесения передаются дальше по телефону. Не раз почтовые голуби сослужили хорошую службу там, где все остальные средства сообщения не действовали; вообще голуби считаются особенно благонадежными.

При известных обстоятельствах можно для донесений пользоваться также снарядами. Соответственным образом устроенными снарядами стреляют из легких минометов или гранатометов с передовой линии назад в какое-нибудь заранее условленное место приемки; здесь они взрываются, давая сильный дым, и таким путем обнаруживают приемщику донесения, заключенные в особые капсюли. Наконец, можно посредством светящихся пуль разных цветов и с разными световыми явлениями давать условные знаки: вызывать артиллерийский гонь по определенному месту, указывать перенесение этого огня

вперед или назад и т. д. Можно также звуковые инструменты, сирены и тому подобные далеко звучащие приборы употреблять или, например, в качестве сигнала для атаки, или в каком-нибудь заранее условленном смысле.

Такая разработанная до подробностей служба связи почти всегда даст возможность даже во время сильнейшего грохота артиллерии установить достаточно надежную связь задних штабов с передними сражающимися частями, а с другой стороны, она обеспечивает беспрепятственное сообщение между далеко отстоящими друг от друга учреждениями. Например, скорый телеграф Сименса позволяет без задержки пользоваться связью между Берлином и Константинополем.

Вместе с быстрыми сношениями между центральными учреждениями и отдельными группами войсковой массы, в этой последней должна по возможности быть повышена подвижность. На роль железных и шоссейных дорог в этом отношении уже было указано. Быстрая проводка полевых железных дорог является теперь вместе со скорой постройкой главных железнодорожных линий и нужных к ним дополнений на театре войны необходимым средством для передвижения современных армий. Но, так как такая железнодорожная сеть не может быть сделана гибкой и всегда представляет известную неподвижность, надо было найти еще какое-то дополнение, которого не могла заменить конная тяга.

Этот пробел заполняется для людей и для грузов автомобилем, который, по крайней мере, там, где имеются твердые дороги, самым существенным образом облегчает весь подвоз к армии и скорее других делает его возможным. Благодаря этому открытию создается возможность, с одной стороны, передвигать большие тяжести на сравнительно меньшем числе повозок и тем сокращать колонну обоза, с другой стороны—весьма существенно ускорить самую перевозку и, наконец, на театрах с развитой и прочно построенной сетью шоссе экономить лошадиные силы, но зато в большом числе назначать их в те бездорожные местности, которые не допускают применения тяжелых грузовых автомобилей.

Особое применение автомобили находят в артиллерии; тут ими пользуются в обширных размерах для перевозки снарядов, но они служат также и для передвижения тяжелых орудий. Последние могут быть установлены также и на самых автомобилях, которые тогда служат как средством передвижения орудий, так и их платформой. Для ускорения перевозки раненых и для поездок начальников автомобили представляют желанное средство. Таким образом они в различных видах и способах применения оказывают очень заметную

помощь при управлении и передвижении войсковых масс. При известных обстоятельствах даже целые части войск могут быть на автомобильных колоннах быстро передвинуты с одного места оперативной площади на другое. На западе наши противники широко пользовались таким способом перевозки войск. Вопрос еще не решен окончательно, не окажется ли возможным употреблять автомобили для передвижения артиллерии в гораздо больших размерах, чем это было до сих пор, может быть даже—на поле сражения.

Как пользуются танками для движения вперед, уже было упомянуто.

Тактика.

Совершенно ясно, что переворот всего военного дела, какой произошел во время великой войны, должен был оказать глубокое влияние также и на способы боя отдельных родов войск. Введение новых средств борьбы совершенно изменило самые способы борьбы. Те же обстоятельства, что мощность войск в связи с обширностью театров войны сделала совсем иными способы ведения войны, как я уже указывал, и что разнообразие снаряжения и обусловливаемая массами различная степень подготовки войск действуют в том же смысле, эти обстоятельства влекут за собой общую изменчивость в манере войск сражаться, которую надо всюду иметь в виду, когда хотят действовать целесообразно.

Поэтому, чтобы составить себе представление о современной тактике, нужно прежде всего установить, какое влияние все нововведения, вызванные мировой войной, оказали на формы движения и боя отдельных родов войск, тогда только явится возможность создать тактические правила, которые смогут иметь некоторую претензию на всеобщую пригодность. При этом надо исходить по существу из пехотного боя, хотя артиллерия в современном бою и приобрела весьма повышенное и решающее значение. И это потому, что пехота все же является тем родом войск, который делает, по крайней мере при наступлении, своей атакой успех осязаемым, если бы даже он был вызван артиллерией, а занятием местности или пленением противника доводит этот успех до практического выражения. Пехоте же приходится в сущности и стратегически развивать тактические успехи. Следовательно, влияние, оказанное на нее новыми явлениями войны, должно быть рассмотрено в первую голову.

I. Пехота.

Взгляд, что бой пехоты будет начинаться с дальних расстояний и только постепенно переходить в ближний бой, с течением времени оказался ошибочным: чем больше увеличивалась сила артиллерии обеих сторон в отношении к пехоте, чем больше, с другой стороны, последняя вследствие потерь в течение многолетней войны, по крайней мере в

Германии, теряла в силе, тем все более ближний бой выступал непосредственно на передний план.

Атака для обоих родов войск предполагает численное превосходство, для пехоты по меньшей мере нравственное. Только благодаря этому, как мы видели, атакующая артиллерия в состоянии сначала побороть неприятельскую артиллерию и одновременно в соединении с минометами так загнать пехоту обороняющегося в закрытия, что она во время губительного огня артиллерии совсем будет не в силах пользоваться своим оружием; эта же пехота только тогда сможет пустить винтовку в дело, когда атакующая артиллерия перенесет свой огонь дальше, доставляя тем возможность своей пехоте итти вперед. Последняя под прикрытием своей превосходной артиллерии может подойти без особо тяжелых потерь к неприятелю, но лишь тогда с своей стороны может пустить в ход свое оружие, когда обороняющийся покажется из-за своих закрытий для ответного огня. Таким путем бой пехоты будет скорее всего начинаться только на ближайших расстояниях.

Но это никаким образом не исключает случаев, когда дело может произойти совсем иначе. Если по той или другой причине, особенно в маневренной войне, не окажется определенного перевеса сил, вероятно изменится и характер пехотного боя, и вполне допустимо, что при таком обстоятельстве пехотные бои снова начнутся с более дальних расстояний и победа будет достигаться помимо артиллерийского превосходства. Средство успешно вести фронтальный бой без артиллерийского преобладания уже применялось.

Наши противники много раз пробовали сделать наступление атакующей пехотой возможным без необходимости предварительно задавить артиллерию обороняющегося и тем именно, что атака производилась ими как можно более неожиданно. Несколько рядов танков, идущих с небольшими промежутками один от другого, прикрывали собою подход пехоты и в то же время задавались задачей в такой степени приковать к себе внимание противника и привлечь на себя весь его огонь, чтобы атакующей пехоте под прикрытием этих броненосных повозок оказывалось возможным не только подойти к противнику без слишком больших потерь, но еще прорвать его линии и перевалить через них. Часто атака застилалась еще дымом, чтобы скрыть ее от взора неприятеля. Этот способ атаки несколько раз приносил нашим врагам значительные успехи и с своей стороны в приемах обороны требовал изменений применительно к обстоятельствам.

На общий способ борьбы пехоты далее влияет то обстоятельство, что пулемет сделался ее главным орудием. Требования обороны, правда, сперва повели к умножению тяжелых пулеметов, но потом,—чтобы

возвратить равновесие атаке,—ко введению и легких пулеметов, которые дают возможность даже при слабых шеренгах стрелков развивать значительную силу огня, раз только подвозится нужное количество патронов. Для обороны они в то же время хороши еще тем, что совсем не зависят от местности и позволяют быстро сгущать огонь на решительных пунктах. В то же время, как сказано, в войсках было увеличено число и тяжелых пулеметов, которые особенно при обороне представляют весьма существенное усиление огневой силы и неосторожному атакующему могут причинить очень значительные потери.

Вся тактическая группировка пехоты стала иной от этого нововведения; получилось резкое изменение по сравнению с прежним боевым расчленением.

Если требование обороны против более могучей атаки повело к введению пулемета как главного оружия пехоты, то создавшееся отсюда положение дало повод вообще подкрепить пехоту новыми средствами борьбы. Такое увеличение боевой устойчивости было в то же время обусловлено и тактическими мероприятиями обороняющегося, которые имели целью дальнейшее повышение огневой обороны.

Эти мероприятия сводились главным образом к устройству оборонительной полосы, как об этом уже было говорено. Фактически часто случалось, что атакующая пехота просто пробегала через первые окопы и брала в плен их гарнизон. Поэтому обороняющийся начал распределять свои войска в глубину и делил их, сравнительно слабо занимая передовую линию, по многочисленным тыловым опорным пунктам, пулеметным гнездам, группам минометов и отдельным батареям, которые не составляли собой связной линии и потому не могли обстреливаться одновременно, раз только они были искусно и незаметно размещены на местности. В результате этого атакующий, даже овладев передовыми линиями, вновь становился перед препятствиями, с которыми он мог справиться только с помощью артиллерии, чтобы потом, по преодолении такой глубокой укрепленной полосы, оказаться, наконец, перед главной оборонительной линией противника; на последней его встречал тогда контр-удар неприятельских резервов и огонь стоящей дальше сзади артиллерии обороняющегося, при чем собственная артиллерия часто не могла его поддерживать в достаточной степени.

Естественно, что для атакующего было важно быстро преодолеть эту глубокую полосу,—даже если она и не была вполне подготовлена огнем своей артиллерии,—и против встречного удара неприятеля выступить тоже с артиллерией.

Все это, как уже было изложено, делало необходимым придать пехоте, идущей на приступ, сопровождающие ее батареи и возимые легкие минометы, которые могли на близких расстояниях, по возмож-

ности прямым выстрелом, разбивать опорные гнезда неприятеля и, будучи непосредственно подчиненными пехотным группам, быть каждую минуту под рукой там, где они именно понадобятся. Получились отдельные штурмовые группы из пехоты, пулеметов, полевой артиллерии и минометов, составлявшие свободные отряды с известной тактической самостоятельностью, которым тогда и противник со своей стороны противопоставил так же составленные боевые группы.

Такой порядок, конечно, предполагает наличие известных условий, которые позволяют переносить главную оборонительную линию назад, в глубь оборонительной зоны и тем самым, глядя по обстановке, отдавать неприятелю занятую местность. Где будет иначе, где надо будет удержать за собой определенную линию—водный ли рубеж или гряду возвышенностей, без возможности занять впереди пространство,—там естественно порядок будет другой; но непосредственная совместная работа пехоты с минометами и гранатометами, с артиллерией в виде окопных и позиционных орудий и с тяжелыми пулеметами оказывалась выгодной и в этом случае, как выгодной она была и при встречном бою в маневренной войне.

Все это зависит от обстановки. Меры, которые следует принять, обусловливаются каждый раз данным положением. Одной какой-нибудь тактики, раз навсегда установленной, какую мы имели до войны, при таких обстоятельствах совсем быть не может; но, конечно, можно установить отдельные руководящие правила, по которым определяются действия для каждого отдельного случая и которые вместе с некоторыми формальными предписаниями должны лечь в основание устава. Всякая слишком далеко идущая регламентация при таких обстоятельствах была бы вредна.

Прежде всего надо запомнить, как общее правило для тактики пехоты, что легкий пулемет, который ждет еще усовершенствований, остается главным оружием пехоты, что все солдаты должны уметь с ним обращаться, но что в то же время каждый отдельный человек должен быть снабжен и ружьем, без которого нельзя обойтись. Не всегда будет возможно употребить в дело пулемет, часто будут представляться цели, против которых этим оружием бороться неудобно. В секретах и подобных случаях пулемет был бы скорее помехой, чем помощью. Он требует широких целей, чтобы вполне развить силу своего огня. Употребление ручной гранаты должно быть тоже привычно каждому человеку, потому что каждый может оказаться в положении необходимости воспользоваться ею. Против целей за закрытием, например, в окопном бою или уличном, она неоцененна.

Далее следует прочно держаться того вывода, что бой пехоты против пехоты, исключая мелких, вызванных особыми обстоятель-

ствами стычек, никогда впредь не может быть проведен без поддержки артиллерии, потому что действие пехотного огня, не сдерживаемого огнем артиллерии, слишком сильно и губительно, чтобы с ним могла справиться без помощи артиллерии даже значительно превосходящая числом часть. Поэтому атакующий безусловно нуждается в сильной артиллерийской поддержке. Но и обороняющемуся она будет нужна, когда неприятельский артиллерийский огонь будет мешать его пехоте вполне использовать свое оружие.

Установив эти общие правила для тактического употребления войск, придется,—как уже было сказано,—признать две больших группы боевой разновидности, представляющие совершенно различные условия борьбы: бой за укрепленные позиции и бой в открытом поле. В горной войне также следует различать эти две характерные группы, но особенности местности оказывают здесь такое решительное влияние, что эта война требует особого рассмотрения. Поэтому мы будем здесь иметь в виду только войну на холмистой местности и на равнине. Тут нужно прежде всего ясно себе представлять то обстоятельство, что первая группа допускает самые разнообразные особенности, а вторая едва ли когда будет разыгрываться, как прежде, совсем без применения полевых укреплений. Обороняющийся всегда постарается окопаться и только там, где столкнутся два наступления, будет происходить чистый полевой бой, пока один из противников не решится перейти к обороне и не примется вновь за лопату, если только он каким-либо маневром противника не будет вынужден и самую оборону вести активно, например, отвечать на охват встречным ударом.

Следовательно и для этих двух больших групп нельзя установить твердых *однообразных норм*; всегда останется некоторая вероятность свободы сообразоваться с особыми обстоятельствами. Все же известные требования должны быть поставлены при всех условиях. Сюда относятся в первую очередь: чтобы при всех тактических порядках и формах в полной мере учитывался чрезвычайно возросший против прежнего артиллерийский огонь, чтобы, во-вторых, при всяком применении некоторых частей сохранялось известное распределение в глубину и чтобы, наконец, никакой атаки не производилось без определенного главного удара.

Никогда не следует атаковать равномерно всю линию противника. Всегда должно в одном месте сосредоточить главный огонь и главную силу удара, чтобы здесь добиться победы, которая потом отразится и на прочих частях фронта сражения. Соответственно с этим оборона никогда не должна вестись без резервов, которые можно было бы бросить навстречу решительному удару противника. Согласно с этими главными данными, мера распределения в глубину будет

тоже различна, так же как и сила отдельных отрядов в отношении к другим, как и задачи, выпадающие на долю отдельных расположенных в глубину частей.

Рассмотрим сперва атаку.

В чисто маневренной войне основная мысль распределения в глубину будет та же, что и раньше. Передовая боевая линия должна будет состоять из возможно тонких линий стрелков для сокращения потерь и из очень многочисленных пулеметов, чтобы все-таки развивать возможно большую силу огня. За этим, вне прямого выстрела, как и до сих пор, следуют поддержки, задача которых пополнять потери передовой линии и, если обстоятельства потребуют, усиливать эту линию. Они могут двигаться разомкнутыми стрелковыми цепями и тогда должны окапываться каждый раз, когда они задерживаются значительное время на одном месте, но, если обстоятельства того требуют, они могут подвигаться и рядами. Еще дальше позади следуют резервы, назначенные после израсходования поддержек питать дальше бой или при пошатнувшемся положении сомкнутым ударом, поведенным в разреженном строю, добиться решения, например, отразить встречный или фланговый удар противника. Они тоже пользуются разомкнутым строем, где неприятельский огонь делает это необходимым. Резервам надо придавать сопровождающие батареи и пехотные орудия, чтобы иметь возможность влиться и поддержать штурмующие части, когда настоящая боевая артиллерия из-за неблагоприятных условий наблюдения или по другой причине не может непосредственно и всюду поддержать бой пехоты своим огнем.

При атаке укрепленных позиций противника надо разуметь два случая в зависимости от того, вынужден ли защитник из-за местных условий отстаивать свою передовую линию, или он сначала будет занимать передовое поле—до некоторой степени полосу передовых постов— и только постепенно с боем отойдет на свою главную оборонительную линию, чтобы и затем, если бы последняя была прорвана, продолжать сопротивление в тыловой, подготовленной к обороне полосе.

В первом случае противник всегда будет пробовать поставить перед своей линией артиллерийскую огневую завесу—заградительный или истребительный огонь,—чтобы задержать быстрое приближение атакующей пехоты и дать возможность собственным войскам своевременно покинуть закрытия, куда их мог загнать артиллерийский огонь наступающего.

При этом для пехоты атакующего будет не так важно развивать по передовой линии сильный огонь, потому что в большинстве случаев не представится нужным одолевать обороняющуюся пехоту

собственным огнем, как важно возможно скорее и с возможно меньшими потерями пробежать через заградительный или истребительный огонь неприятеля.

В таком случае часто придется передовой боевой линии пробиваться вперед многими волнами с большими промежутками между ними и с большими интервалами между отдельными стрелками или переносчиками пулеметов, при чем отдельным волнам поручаются особые задачи. Первая волна вообще должна будет прорваться до определенной, заранее назначенной границы через передовую неприятельскую линию, где она будет пополнена второю. Следующие волны должны будут частью очищать взятые неприятельские окопы и избивать имеющихся еще врагов; другие—должны будут как можно быстрее подносить материал для устройства окопов, патроны и пулеметы, чтобы тотчас же приспособить занятую позицию к обороне. Если атака ограничена в ширину, то надо будет отдельным ударным частям дать поручение занять вторые неприятельские линии на флангах, чтобы отражать местные неприятельские контр-атаки. Наконец, за волнами последуют резервы, чтобы по возможности развить успех, повести наступление дальше вперед и окончательно обеспечить за собой захваченную местность.

Если дело идет не об отстаивании определенной линии, но о подвижной обороне, которая стремится заставить атакующего развернуться уже на передовом поле, дабы здесь поколебать его, а вступить с ним в решительный бой главными силами только уже на лежащей дальше позади линии, то задача распределения сил в глубину и их распорядок будут опять другие. Теперь пехота должна будет подвигаться несколькими ударными группами, которые сами будут эшелонированы в глубину и число которых сообразуется с глубиною неприятельского передового поля и с числом и силою его оборонительных сооружений.

В этом случае наступающий должен быть готов встретить много небольших пулеметных и минометных гнезд, которые постараются задерживать его передвижение и которые вообще трудно взять, так как в большинстве случаев нельзя фронтальным огнем задушить бездымный пулеметный огонь. На передовом поле часто будут также встречаться одиночные трудно доступные артиллерийские группы, взводы и отдельные орудия. Но задача наступающего не давать себя задерживать; он должен возможно быстро и с возможно большими силами итти вперед. При таких условиях, как уже было изложено, сопровождающие батареи и легкие минометы должны непосредственно следовать за ударными частями, чтобы быстро преодолевать точки сопротивления противника.

Пехота первой ударной группы не должна дать себя задерживать неприятельскими оборонительными мерами. Она должна стремиться скорее обойти опорные пункты противника, которые стоили бы слишком многих жертв при атаке в лоб, и не позволить задерживать себя ими в своем передвижении. Устранять эти препятствия должно быть предоставлено сзади идущим ударным группам, которые должны попытаться овладеть ими с боку, а если возможно—и с тыла, после того как сопровождающие батареи и легкие минометы прямыми выстрелами подготовят их атаку.

Всеми мерами надо стремиться к тому, чтобы подвести большие силы к главной оборонительной линии противника и в эту минуту иметь еще под рукой свежие резервы, потому что здесь надо ожидать или встречный удар обороняющегося, или особенно прочно построенную и сильно защищаемую неприятельскую позицию. Последняя может состоять или из ряда укрепленных опорных пунктов, или из сплошных линий и, значит, во всяком случае потребует применения больших сил; ясно также, что главная артиллерия атакующего должна стараться возможно рано подготовить огнем штурм этой позиции и обстрелять также местность за нею, чтобы поражать неприятельские резервы и их встречную атаку.

При таком положении, как указано, очень глубокое эшелонирование атакующей пехоты двумя, тремя и более ударными группами имеет громадное значение. В отдельных ротах потребуется вообще деление на три части: передняя линия стрелков, следующая за ней поддержка и ударная часть в распоряжении ротного командира, предназначенная обеспечить за последним влияние на ход боя. Тяжелые пулеметы будут стараться применить с командующих высот или с пунктов, дающих фланкирующий огонь, и притом по возможности кучно, чтобы полностью использовать большую силу их огня.

Далее, здесь уместна атака танков, на которые уже указывалось. Танки едут с интервалами от 50 до 160 шагов впереди пехоты, чтобы сгладить все препятствия, прорвать неприятельскую линию и таким образом сделать возможным прорыв пехоты, чтобы привести противника в замешательство и напасть на него с тыла. Они на неровной местности и в обстановке дымовой завесы, которая должна защищать их от прицельного неприятельского огня, имеют сравнительно незначительную силу огня, так как движение и указанные обстоятельства сильно влияют на меткость их орудий. Зато они в известной мере смогут высадить пулеметы и людей за прорванными неприятельскими линиями и угрожать противнику с тыла.

Перед ними идет артиллерийский огневой вал [1]), чтобы загнать неприятельскую пехоту в закрытия и помешать огню орудий, назначенных отражать танки. Но эта завеса редко может быть равномерной и сплошной, потому что танки на неровной местности не одинаково быстро подвигаются вперед: по твердой ровной почве — скорее, по трудному грунту—медленнее, а потому их шеренга очень скоро ломается. Наконец, когда они выступают из дымовой завесы, окружающей их во время продвижения, чтобы самим действовать своим оружием, и выходят из-под уничтожающего огня противника, провожавшего их наступление, в полосу прицельного огня противотанковых орудий, они обыкновенно скоро расстреливаются и принуждены повернуть назад, так как всякое управление отрядом танков прекращается.

Если принять во внимание все эти обстоятельства, то окажется, что действие их главным образом нравственное. Следовательно для атакующей пехоты, следующей за танками, существенно важно использовать моральное впечатление, произведенное последними на обороняющегося. Значит, она должна следовать по возможности непосредственно за танками, чтобы тотчас использовать вызванное ими замешательство и быть в состоянии ворваться в неприятельскую позицию. Если она отстает далеко, то она теряет также защиту подвижной артиллерийской завесы. Уже в виду этого часто пехотные части будут наступать и между танками, чтобы непосредственно использовать успех атаки, помешать уклонению в стороны атакованной пехоты и усилить огонь наступающего.

Все эти выгоды частью уничтожаются тем, что атакующая пехота под огнем артиллерии, направленным на танки, должна пострадать тем больше, чем плотнее она следует за ними. Отсюда выходит, что при этой атаке пехота не должна наступать сплошными густыми линиями стрелков, но отдельными редкими ударными группами, менее страдающими от орудийного огня, с некоторым эшелонированием в глубину; это даст возможность пополнять потери сзади и захватывать пункты сопротивления, не уничтоженные танками при их прорыве, но не задерживая передних групп в их наступлении, а оставляя им возможность в успешно прорванных местах непосредственно следовать за танками. Придется задним эшелонам пехоты придавать также артиллерию, чтобы облегчить им одоление неприятельских опорных пунктов, может быть еще занятых, и бороться с противотанковыми орудиями.

[1]) *Feuerwalze.* На русском языке нет соответствующего слова. „Под огневым валом“ разумеется подвижной артиллерийский огонь, оберегающий и закрывающий дорогу своей двигающейся пехоты. Французы называют этот вид огня Barrage roulant. *Прим. ред.*

Так как управление танками в бою посредством приказаний почти исключается и во всяком случае очень трудно, надо с места назначать для линии танков определенную цель и участок, до которого она должна довести атакующую пехоту, чтобы затем вернуться в резерв, так как танки, конечно, совсем не годятся для обороны. Только легкие танки могут попробовать продвинуться через взятую позицию в тыл неприятельского боевого фронта, чтобы внести замешательство за фронтом и нанести там как можно больше вреда. Но и их движение должно в некоторой степени быть ограниченным, потому что иначе их возвращение окажется чрезвычайно затруднительным, особенно, если неприятель будет подготовлен к их появлению.

Как атака должна считаться с возможными способами обороны, так, наоборот, защитник должен иметь в виду возможные виды нападения.

Если принять во внимание это основное положение, придется очень скоро притти к заключению, что оборона более, чем когда-либо раньше, должна вестись наступательно. Так как в современной войне постоянно нужно считаться с огнем значительной, в общем сильно превосходящей артиллерии атакующего, то необходимым следствием является то, что обороняющийся, который ограничился чисто оборонительным удержанием определенной линии, подвергнется опасности настолько быть потрясенным на ней артиллерией атакующего, что он уже не будет в состоянии отстоять ее пехотой.

В маневренной войне это обнаружится везде там, где нападающий будет в состоянии планомерно подготовить атаку позиции обороняющегося. Поэтому последний должен думать, как бы суметь устранить такую возможность, что достигается разными способами, но всегда только неожиданными встречными ударами или для взятия обратно захваченного противником участка, или против его флангов. При этом дело сведется к взаимодействию пехоты и артиллерии. Передняя линия все же должна быть в общем занята слабо, чтобы не подставлять слишком много войск под действие неприятельской артиллерии, но за нею должны стоять готовыми сильные резервы для встречного удара и для взятия обратно могущей быть потерянной линии. От этого правила можно отступить только там, где противник не в состоянии собрать превосходную артиллерию для подготовки атаки. Создать такое положение—дело руководителей военных действий.

Если атакующий увидит себя вынужденным из-за контр-атаки перейти к обороне, он прежде всего должен прибегнуть к лопате, чтобы на выгодном месте противопоставить неприятелю преграду; но

затем он не должен применять своих резервов для неподвижной местной обороны, а всегда должен стремиться по возможности так группировать их, чтобы их можно было использовать наступательно, потому что только таким путем может быть, хотя бы отчасти, избегнуто действие неприятельской артиллерии. Тактические формы пехоты при этом будут, как и при атаке, в общем те же, что и до войны, но с той разницей, что у обороняющегося еще больше, чем у атакующего, главным оружием пехоты должно считаться не ружье, а пулемет.

Следовательно, для маневренной войны и при обороне новым будет только то, что приходится считаться с повышенным действием артиллерии, с пулеметами и минометами. Иначе обстоит дело в позиционной войне.

Если нужно во что бы то ни стало удержать за собой определенную линию, то выгодно выдвинуть вперед к неприятелю передовые войска и так повести оборонительные работы, чтобы противник не мог узнать, на какой линии будет оказано ему главное сопротивление. Тогда он не сумеет сосредоточить свой орудийный огонь на этой линии. Фальшивые позиции могут быть тоже выгодны для введения противника в заблуждение. Передовые войска с своей стороны должны оказывать энергичное сопротивление и стараться задерживать противника на сильно укрепленных опорных пунктах и привлекать на себя его разрушительный и уничтожающий огонь. Бой на передовом поле должен быть рассчитан на то, чтобы ввести противника в заблуждение и, с другой стороны, выиграть время, дабы закончить все приготовления к бою и подвести резервы.

На главной линии сопротивления, которую имеется в виду удержать, гарнизон надо расположить по возможности более укрыто от огня, чтобы он при приближении неприятеля мог оказаться возможно сильным. Если есть время, то уместны бетонные блиндажи. В то же время надо приготовить резервы, чтобы встречным ударом тотчас же отбросить назад какого-нибудь ворвавшегося противника. Если такой встречный удар не удастся, надо произвести хорошо подготовленную артиллерией контр-атаку при посредстве вновь подведенных более сильных резервов, одновременно с которыми части гарнизона, удержавшие свои участки, обращаются против ворвавшегося противника и оказывают самое упорное сопротивление всякой попытке занять всю позицию.

Если из-за близости неприятеля или по другим причинам нельзя занять передовое поле головными отрядами (Vortruppen), надо постараться как можно безопаснее расположить гарнизон на главной оборонительной линии, усилить препятствия перед фронтом и впереди

оборонительной линии подготовить сплошной заградительный огонь чтобы в случае атаки дать гарнизону время занять свою позицию и открыть огонь по наступающему в тот момент, когда последний перенесет свой артиллерийский огонь далее в глубь, чтобы очистить место своим штурмующим частям.

Во всяком случае при этом виды на успех атаки очень велики, и потому главный гвоздь обороны должен сводиться к контр-атаке, которая заранее должна быть обдумана и подготовлена. Артиллерия обороняющегося должна быть расположена так, чтобы непосредственно после удавшегося штурма обстрелять уничтожающим огнем свою бывшую позицию и в то же время сдерживать неприятельскую артиллерию. Артиллерия соседних участков должна тоже поражать место прорыва. Под прикрытием этого огня контр-атака своевременно приготовленных резервов должна вернуть утерянную позицию, одновременно с чем артиллерия должна быть готова обстрелять отхлынувшего противника и постараться с удвоенной силой обрушиться на артиллерию отраженного атакующего.

Если при обороне дело идет не об отстаивании определенной линии или позиции, но об обороне определенной полосы, прием будет подобен принятому для обороны позиции с передовым полем, только с той разницей, что главная оборонительная линия при этом не играет той значительной роли, как в рассмотренных до сих пор случаях. За нее будут энергично бороться, но нет необходимости брать ее назад контр-атакой, так как сопротивление с таким же упорством, как на передовом поле, будет продолжаться в тыловой полосе, также укрепленной, в которую и отойдут войска обороняющегося. При известных обстоятельствах будет возможно противника завлечь столь далеко за собой, что его артиллерия для продолжения действия будет вынуждена переменить позиции и вновь определять расстояние, тогда как собственная артиллерия, подготовленная к этому случаю и могущая отойти на измеренные уже позиции, тут-то и может вполне развернуть свою деятельность.

Во время этого момента слабости противника надо будет стремиться сильными резервами под прикрытием могучего артиллерийского огня перейти в контр-атаку, которая, по всем вероятиям, застанет силы атакующего до известной степени распыленными и потому будет иметь большие шансы на успех. Эта контр-атака представит в то же время ту выгоду, что артиллерия бывшего обороняющегося, вынужденная теперь в свою очередь переменить позицию выездом вперед, найдет свою прежнюю позицию с измеренными расстояниями, и потому эта перемена совершится с большой быстротой.

При такой обороне дело тактически тоже будет сводиться к бою, сопротивлению, отходу, контр-атаке отдельных боевых групп, взаимно поддерживающих друг друга, разумно действующих сообща, но не в сомкнутых линиях. А такой бой,—это надо себе представить совершенно ясно,—возможен только тогда, если имеется в распоряжении крепко сплоченная, тактически хорошо вышколенная, совершенно надежная пехота, предводимая вплоть до низших должностей такими офицерами и унтер-офицерами, которые воспитаны в самодеятельности и умеют в труднейших обстоятельствах постоять за себя, сумеют сохранить связь между отдельными боевыми группами,—если будут войска, которых отход никогда не соблазнит на бегство. Если таких войск нет, то лучше сражаться на—и около твердо определенной оборонительной линии.

Также и для успешного отражения атаки танков является необходимым условием пехота с крепкими нервами и самообладанием.

Нападать на самые танки и делать их безвредными для пехоты, обороняющей передовую линию, будет всегда возможно только в ограниченной мере. Она будет стараться, насколько позволят обстоятельства, местами защищаться от них танковыми западнями и танковыми минами; но вообще задача этой пехоты—действовать против пехоты же, следующей за танками или идущей между ними, и задерживать ее.

Чтобы сделать это возможным, пехота должна пропускать танки через свою линию, отходя в сторону, и потому никогда не должна сражаться сомкнутой линией. Она должна быть разделена на группы, чтобы дать дорогу неприятельской боевой повозке, а самой найти закрытие на местности или в атакованной позиции. Огневой вал противника она должна также спокойно пропустить через себя. Пехота обороняющегося должна также быть расчлененной и в глубину, чтобы немедленно обстрелять неприятельских пехотинцев и пулеметчиков, высаженных танками за собственной передовой линией, и по возможности уничтожить их, пока они еще не в состоянии причинить вред и внести смятение. Задние эшелоны имеют в то же время задачу охранять расположенные на местности частью неподвижно установленные, частью подвижные противотанковые орудия и легкие минометы и тем дать им возможность в полной безопасности расстреливать проходящие танки или заставлять их повернуть назад. Кавалерию, следующую, как это часто бывало, за танками, можно будет без труда сделать безвредной.

Следовательно, и здесь мы видим борьбу пехоты опять же группами в теснейшем единении с артиллерией и минометами. Придется даже составлять небольшие самостоятельные группы из этих трех

родов войск в сомкнутых оборонительных позициях—так называемых танковых фортах,—и они окажут танкам неодолимое сопротивление. Часто также надо будет приготовлять подвижные противотанковые орудия для отражения. Если кроме того удастся задержать следующую за танками неприятельскую пехоту группами стрелков и пулеметчиков, пропустивших танки мимо себя, и лишить ее защиты танков, тогда хорошо подготовленная артиллерией контр-атака найдет обстановку, дающую ей самые большие надежды на успех. Главное дело, чтобы пехота не дала себя нравственно поколебать, чтобы противотанковые орудия были правильно распределены и вся местность систематически подготовлена для отражения танков.

Если теперь окинуть взором всю совокупность требований, предъявляемых пехоте при атаке и при обороне, и притом как в маневренной, так и в позиционной войне, то быстро можно убедиться, что в тактике этого рода оружия произошло громадное изменение во всех отношениях и что как организация, так и уставы должны в полной мере учитывать это обстоятельство.

Рота, конечно, всегда будет составлять низшую тактическую единицу этого рода войск, но ее внутреннее деление должно быть совершенно изменено. Разделение на три взвода оправдало себя, но сами взводы должны разделяться на группы, составленные из носильщиков пулеметов и стрелков. Кроме того, при роте должны быть телефонисты и вестовые. В потребных случаях надо выделять ударную часть, как особый резерв ротного командира. Она составит последний резерв в руках начальника для направления в решающее место. Все люди должны быть обучены обращению как с ружьем, так и с пулеметом и с ручными гранатами, как это уже было сказано. Тяжелые пулеметы должны составлять отдельную роту, чтобы возможно кучно назначаться на решительные пункты боя. Только при обороне придется часто применять их повзводно. Бывшая до сих пор сила пехотной роты в 250 человек в современном бое группами оказалась слишком велика. Начальник теряет возможность наблюдать. Состав—150 человек, не считая обозных и необходимых командировочных—был бы подходящим.

Деление полка на три батальона оправдалось. Будет также целесообразным оставить батальоны четырехротного состава, чтобы батальонный командир имел в руках резерв даже и тогда, если он будет вынужден занять относительно широкое пространство, делать тактические перегруппировки или вести бой эшелонами в глубину. Далее, батальону должна быть подчинена рота тяжелых пулеметов и рабочая рота, составленная из менее годных для боя людей, имеющая целью доставить возчиков для войсковых повозок, денщиков, писарей и всех

командировочных, которые постоянно нужны в тылу: для приемки провианта, для работ в различных складах (провиантских, патронных, саперных, вещевых) и для подобных надобностей. Взвод телефонистов тоже должен быть придан батальонному штабу, но не особенно слабого состава. Теперь все эти командировки, большею частью не требующие полной боеспособности, пагубным образом сокращают боевой состав войска.

Наконец, и полковому командиру, должны быть непосредственно подчинены отдельные группы. Здесь на первом месте идет вопрос о телефонах со всеми их ответвлениями и рабочими отделениями. Затем командиру полка должны подчиняться минометчики, сведенные в особые тактические единицы; и, наконец, я считал бы целесообразным постоянно придавать каждому полку батарею из шести пехотных орудий, которые в случае надобности могут быть распределены по батальонам. Эти батареи в техническом и артиллерийском отношениях должны быть подчинены артиллерийскому начальнику, а в тактическом—пехотному командиру полка.

Нужно ли при составе дивизии из трех пехотных полков подчинять последние бригадному командиру,—вопрос очень спорный в войсках. Бригада часто становится исключительно переходной инстанцией. Я все-таки считаю эту должность безусловно нужной, так как сам начальник дивизии не в состоянии так подробно и систематично проверять полки и их тактическую сплоченность, как бригадный командир, которого главная задача заключается именно в этом и в установлении единообразного ведения боя пехотой. К тому же, как в мирное, так и военное время, переходная ступень между командиром полка и начальником дивизии непременно нужна также и с практической точки зрения.

Движения и боевые порядки пехоты должны,—как оно на войне и вышло само собою,—сводиться к наиболее простым, центр же тяжести всей подготовки должен заключаться в телесном и прежде всего в духовном развитии солдат и их начальников. Бой отдельными разделенными друг от друга группами, которые, однако, все должны быть проникнуты единой боевой мыслью, требует от всех младших начальников высокой степени тактического понимания и личной решимости, потому что вести такой бой посредством одних только приказаний невозможно.

Цель боя и его конечная задача должны быть известны всем мелким группам, даже всем отдельным людям, общие правила действия должны они знать, но определенных указаний для способа вести бой, как было для прежней стрелковой атаки, нельзя давать, да и приказания, наверное, не всегда дойдут до отдельных групп. Способ дей-

ствия совершенно отступает на задний план перед духом замысла и кроме того он подвержен постоянному изменению.

Одновременно с таким образом обучения должны действовать строгая дисциплина и определенная муштровка солдата, чтобы сознание долга превратить у него во вторую природу и приучить его к энергичному напряжению всех своих душевных и телесных способностей. Уставы должны считаться с этими обстоятельствами, обучение должно быть направлено строго сообразно с этим положением вещей; везде придется предоставить более широкий простор, чем прежде, самостоятельности начальников вплоть до самых низших ступеней и позаботиться только о том, чтобы она руководилась верными правилами.

Самостоятельность всех, а в особенности непосредственных начальников войск, очень значительно выиграла в значении. Этим должно определяться все обучение, но в то же время надо придать решительное значение и выработке характера каждого отдельного человека. Требования выносливости, мужества и смелости каждого отдельного солдата уже и без того очень увеличились с повышением действительности оружия, но теперь к этому прибавляется еще то, что люди вследствие способа ведения боя гораздо больше прежнего предоставлены сами себе. Их больше не увлекает масса, они часто выходят из под влияния начальников и предоставлены собственному чувству долга и собственному достоинству, и они могут удовлетворить требованиям боя только тогда, когда они внутренно тверды и духовно развиты и когда понятие о дисциплине, этой чисто солдатской добродетели, вошло в их плоть и кровь.

Но все сказанное и к начальникам, которые должны быть воспитателями, учителями и вождями, предъявляет самые высокие требования,—гораздо выше, чем они были до сих пор, а в то же время придает офицерскому званию сравнительно с прежним еще больше благородства и еще более высокий ореол.

II. Артиллерия.

Для артиллерии так же мало, как и для пехоты, может быть речь об однообразной тактике. Ее задачи усложнились и возросли в значении, ее образцы орудий, калибры и сорта снарядов умножились; ныне приходится сражаться еще с противником в воздухе, да и различные способы ведения войны предъявляют артиллерии глубоко различные требования. Кроме того, природа театра войны имеет свое существенное влияние на подвижность и вместе с тем на применимость этого рода войск. В бездорожной России не всегда можно пользоваться теми же орудиями и так же действовать артиллерией, как в богатой

дорожными сооружениями и рельсовыми путями Франции или в гористой местности Альп и Карпатов.

Прежде всего и в артиллерии надо будет различать ее применение в маневренной и позиционной войне, тогда как чистая горная война и в артиллерийском отношении потребует особого рассмотрения. В первом случае, т.-е. в войне, при которой обе стороны оперируют и нападающий не имеет перед собою какой-нибудь прочно связанной, однородной и более или менее укрепленной позиции, которую он безусловно обязан атаковать в лоб,—и теперь еще годятся в общем те же правила, какие были установлены перед мировой войной. Полевая артиллерия, включая тяжелые полевые гаубицы, играет здесь решающую роль. Возможно ли придавать войскам также тяжелые дальнобойные пушки и мортиры, это будет зависеть от состояния дорог страны и от устройства тыловых сообщений. Мне известны случаи в России, когда приходилось бросать 10 сантим. пушки, потому что их нельзя было двинуть дальше. Но орудия для отражения летчиков должны быть всюду приданы дивизиям.

Во всяком случае в маневренной войне артиллерия должна быть представлена по сравнению с пехотой гораздо сильнее, чем прежде, чтобы господствовать над повышенным действием неприятельского оружия и очищать пехоте путь к наступлению. Существенно важно будет, по возможности неожиданно, сосредоточивать массу орудий против той части неприятельских сил, которая должна быть атакована особенно решительно. Для достижения этого будет безусловно необходимо, как я это указывал еще до войны, не распылять всей артиллерии по дивизиям, но собирать сильные резервы в руках командующих армиями или фронтами, а при известных обстоятельствах даже корпусных командиров, чтобы иметь возможность сосредоточить артиллерию в решительных пунктах. То же относится и к запасам снарядов.

В остальном способ действия будет приблизительно тот же, что и прежде. Артиллерии в бою в сущности придется производить стрельбу, корректируемую или земным наблюдением, или наблюдением с помощью привязных шаров и летчиков. Значение приемов светового и звукового измерения расстояний, так же как обстреливание площадей отходят более на задний план, потому что почти всегда будет невозможно в нужное время добыть для этого необходимые данные. Пользование самыми большими дальностями при этих условиях тоже ограничивается. Артиллерия в большинстве случаев будет выступать большими группами и без особенного распределения в глубину,—частью из-за трудности наблюдения, частью для того, чтобы при ограниченном времени на подготовку обеспечить единство руководства и действия.

При этом надо иметь в виду, что бой в большинстве случаев разовьется с похода и время на подготовку к атаке только в том случае окажется более достаточным, когда одна сторона решится перейти к обороне на укрепленной позиции. Но и тогда будет выгодно по возможности ускорить атаку, дабы не дать противнику времени устроиться на избранной позиции.

Рядом с главной артиллерией, задача которой состоит в том, чтобы сбивать артиллерию противника и громить неприятельскую пехоту до момента осуществления штурма, отдельные части полевой артиллерии должны непосредственно сопровождать пехотную атаку, потому что и в полевой войне надо считаться с тем, что на пути наступления могут встретиться неприятельские опорные пункты и пулеметные гнезда, не замеченные или недостаточно разбитые главной артиллерией, которые теперь, в решительную минуту, неожиданно проявляют силу своего огня. Они должны быть быстро и основательно расстреляны, чтобы уберечь атакующую пехоту от тяжелых потерь. Эта задача выпадает на долю постоянно придаваемых пехоте батарей пехотных орудий и легких минометов или отданных собственно для этой цели из главной артиллерии сопроводительных батарей. Все эти батареи должны быть в состоянии не только выступать в полном составе, но и действовать по-взводно и даже отдельными орудиями. Это, конечно, относится к тем же батареям и в позиционной войне и требует особенно хорошей тактической подготовки от младших начальников. В остальном приложение артиллерии в позиционной войне совершенно иное, чем в маневренной.

В этом случае артиллерия, широко раскинутая на длинных фронтáх, должна во всякое время быть готовой к обороне, в случае неприятельской атаки; затем, она обязана постоянно вредить расположенному напротив противнику беспрерывным обстреливанием его артиллерии и пехоты, угрозой его сообщениям и закрытиям и повреждением его оборонительных построек. Наконец, на ней будет лежать задача по возможности затруднять неприятельскую воздушную разведку и охранять от воздушных нападений важные места—вокзалы, склады, места штабов, закрытия. Для этой цели зенитные орудия должны быть распределены не только позади всего фронта, но и далеко в тылу на пунктах, удобно расположенных для достижения этой цели. Их придется сосредоточивать то здесь, то там в большем числе, смотря по требованию и важности намеченных операций.

Всем батареям, насколько возможно, придаются пулеметы, обязанные защищать их от воздушных нападений, а при неприятельском прорыве—от подступающей пехоты.

Затем, как самая важная задача для артиллерии, прибавляется еще требование в случае собственной атаки в такой мере разгромить неприятельскую артиллерию, чтобы она больше не могла вредить пехоте, идущей на приступ, разбить для осуществления штурма неприятельские позиции и оборонительные сооружения и, наконец, так забить закрытия и так потрясти нравственно неприятельскую пехоту, чтобы она была не в силах больше оказать серьезного сопротивления.

Обычные повседневные задачи требуют вообще равномерного распределения главной артиллерии по всему фронту и некоторого эшелонирования в глубину, во-первых, чтобы использовать дальность выстрела, а затем также, чтобы не представлять для неприятельской артиллерии благоприятной цели, какой служат при слишком большом скоплении тесно скученные гнезда батарей.

Чтобы быть готовыми к отпору, надо так распределить собственную артиллерию, чтобы она обстреливала неприятельские пути подхода тяжелым и самым тяжелым настильным огнем, а на более близких расстояниях полевыми пушками; места сосредоточения неприятельской пехоты осыпала бы уничтожающим огнем (Vernichtungsfeuer), а местность, которую атакующая пехота должна пройти, чтобы приблизиться к нашим позициям, возможно гуще покрывала бы и заградительным, и разрушительным огнем. Против неприятельских пунктов осредоточения вообще употребляют орудия с навесным огнем, потому что цели приходится большею частью искать за закрытиями и при этом требуется выводить из строя пулеметы противника; значит, будут применять легкие и тяжелые полевые гаубицы и мортиры. Те же орудия употребляются и для обстреливания неприятельской артиллерии. На дальних расстояниях для этой цели также могут быть полезны и дальнобойные настильные орудия.

Для заградительного огня перед собственным фронтом в первую очередь применяются все легкие полевые орудия. Если имеются в распоряжении надежные шраннели, что при массовом изготовлении снарядов бывает не всегда, употребление этого снаряда особенно уместно там, где заградительный огонь может быть направлен в косом направлении, т.-е. фланкирующем. Однако род снарядов и характер разрывов зависят от местности, от расстояния между обеими сторонами и от вида нравственного воздействия, которого желают достигнуть. Вообще же будет предпочитаться граната A. Z. [1]). Можно также для придания заградительному огню характера уничтожающего— привлечь в него тяжелые полевые гаубицы, так же, как для фланго-

---

1) Т.-е. граната, снабженная ударной трубкой A. Z. — сокращение слова Aufschlag-Zünder (ударная трубка). *Прим. ред.*

вого огня соседних фронтов применить средний настильный огонь (10 сантим.).

Напротив того, мортиры не следует ставить близко перед своим фронтом, потому что их далеко рассеивающее действие может быть опасным для собственных войск. Они—самое подходящее орудие для разрушения оборонительных построек, где их действие прекрасно. Впрочем, к этим задачам будут привлекаться и тяжелые полевые гаубицы, чтобы собрать возможно большее число орудий для разрушительной стрельбы; для целей с более слабым перекрытием будут применяться легкие полевые гаубицы.

Согласно с этими соображениями и происходит распределение артиллерии и размещение ее в глубину, но при этом надо особенно иметь в виду одну возможность. Много раз случалось, что при неожиданной или вообще успешной атаке неприятеля большая часть артиллерии обороняющегося захватывалась, потому что она стояла слишком близко за собственной линией пехоты и не могла избежать нападения неприятельской пехоты. Следовательно, надо будет отодвигать артиллерию обороняющегося как можно дальше за главную оборонительную линию пехоты, обеспечить ее препятствиями и особенно укрепленными опорными пунктами (оборонительная артиллерийская позиция) и притянуть пехотные резервы в непосредственную близость к ней, чтобы она не могла быть захвачена с налета.

Расстояние для удаления назад определяется требованием, чтобы масса артиллерии могла направить свой уничтожающий огонь с самых действительных расстояний на сборные пункты и места наступления неприятельской пехоты, всеми средствами успешно бороться с атакой танков и хотя бы особенно дальнобойными орудиями доставать до неприятельской артиллерии. Следовательно, уничтожающий огонь должен во всяком случае достигать передних позиций неприятеля, в которых может организоваться подготовка к атаке; орудия же с наибольшей дальностью будут стоять как можно ближе к артиллерийской оборонительной позиции, чтобы быть в состоянии поражать и далеко расположенные цели; наконец, батареи, назначенные для уничтожающего и заградительного огня, вообще будут держаться дальше.

Если при таком удаленном расположении артиллерии невозможно с успехом разрешать обыденные задачи против дальних целей, придется выдвигать вперед дежурные орудия или батареи, на которые и будет возложено разрешение этих задач. Для отражения неожиданного нападания танков таким же путем постоянно привлекается на главную оборонительную линию возможно большее число скорострельных орудий, которые устанавливаются таким образом, чтобы по возможности

держать под своим огнем всю местность, удобную для атаки танков. Для всех работающих батарей надо устраивать запасные позиции, чтобы они могли уклониться от неприятельского огня, как только противник приступит к планомерному их обстреливанию.

Вся артиллерия, входящая в дивизию, управляется единолично начальником артиллерии и делится на отдельные группы, из которых каждой даются особые задачи. Но при этом невозможно составлять отдельные группы из однородных орудий, так как каждой из них приходится обстреливать самые различные цели. Часто придется в одной и той же группе применять полевые орудия с легкими полевыми гаубицами или орудиями 10 сантим. Легкие и тяжелые орудия будут также часто соединяться под одной командой. Мортиры, пушки 13 сантим., а в известных случаях и 15 сантим. пушки будут придаваться группам смотря по надобности. Затем каждой из них указывается определенный участок местности, занятой неприятелем, для обстреливания всех появляющихся на нем целей. Часто надо будет различать группы ближнего и дальнего боя и группировать батареи по этому признаку. Самостоятельно употребляются вообще только самые тяжелые настильные орудия, железнодорожные орудия и тому подобные, которые большею частью подчиняются непосредственно корпусам, армиям и фронтам, под начальством одного командира группы.

При таком положении, повидимому, следует дивизиям, которые представляют настоящие боевые единицы, постоянно придавать орудия, которые понадобятся им при всех обстоятельствах,—значит, полевые пушки и легкие гаубицы, пехотные орудия, тяжелые полевые гаубицы и 10 сантим. пушки; мортиры же, более тяжелые полевые гаубицы и тяжелые настильные батареи только тогда командируются из армейского или фронтового резерва, когда в них ощущается специальная нужда. При известных обстоятельствах может также понадобиться и усиление полевыми орудиями.

Такие особые условия выступят на сцену, когда в обычной позиционной войне поднимется вопрос о решении особых задач, но прежде всего эти условия будут налицо тогда, когда стало известным предстоящее большое наступление противника или когда собственная армия намечает таковое наступление.

Первый случай касается вообще всего фронта, так как повсюду—там больше, здесь меньше—отыщутся особые задачи, ожидающие решения, таковы: разрушение особенно крепких неприятельских опорных пунктов, обстрел дальних неприятельских закрытий, лежащих в тылу промышленных заведений, далеко стоящих и оказывающихся неудобными неприятельских батарей, железнодорожных линий и тому подобное. Поэтому, вероятно, придется ко всем дивизиям, работающим

на позиции, добавить несколько мортир и тяжелых настильных батарей, сверх положенной им артиллерии.

Когда же имеется в виду выдержать большое неприятельское наступление и отбить таковое, то в этом случае потребуется сосредоточить сильную артиллерию, по возможности превосходящую неприятельскую.

Так как атака предопределяет приемы и характер обороны, мы должны сперва рассмотреть первую. Применение артиллерии при таковой может быть чрезвычайно различным.

При атаке следует, как мы уже знаем, для целей последующего штурма сокрушить огнем неприятельские заграждения, опорные пункты, окопы и другие оборонительные сооружения, заставить неприятельскую пехоту укрыться, чтобы она не могла плодотворно использовать свое оружие, и, наконец, по возможности привести к молчанию неприятельскую артиллерию еще до наступления пехоты. Раз удастся решить последнюю задачу, это будет иметь существенное значение, так как боеспособная артиллерия обороняющегося может сделать атаку невозможной. Во время самой атаки артиллерия должна добиваться, чтобы вновь не ожила артиллерия обороняющегося, затем должна прикрыть свою наступающую пехоту огненным валом, который движется перед ней и по скорости приноравливается к ее продвижению, и, наконец, при дальнейшем ходе атаки постоянно провожать пехоту уже и за пределом дальности огневого вала, чтобы и там расчищать путь для ее наступления.

Пред нами—длинный ряд задач, трудно выполнимых. Первое затруднение сводится к тому, чтобы скрыть от противника приготовления к наступлению и сосредоточение артиллерии. Позиции батарей должны быть разведаны, размерены и отмечены на местности устройством каменных оснований. Дороги, ведущие из тылу в район батарей, должны быть устроены и улучшены. Снаряды должны быть подвезены в больших количествах частью на батареи, частью в ближние склады и защищены от влияния погоды, и тогда-то, наконец, должна появиться сама батарея.

Точно так же минометы (тяжелые, средние и легкие) должны быть установлены, если только обстоятельства позволят, вплотную за собственными передовыми линиями и снабжены снарядами, чтобы расстрелять передовые неприятельские линии до степени возможности их штурма и тем облегчить собственную артиллерию.

Все это потребует движений, которые лишь с трудом удастся скрыть от неприятеля. Если даже принять за правило работать только ночью и по возможности все укрывать от глаз летчиков, все-таки трудно будет скрыть столь огромное передвижение в его целом. Не-

приятельские летчики все-таки что-нибудь заметят, неприятельские агенты кое-что разведают, пленные из собственных войск часто станут предателями. Им, т.-е. собственным войскам, намеченное предприятие также должно быть, по возможности, неизвестно, потому что неожиданность—очень существенное условие для обеспечения успеха. Если неприятель осведомлен о предстоящем наступлении, он сумеет принять действительные меры обороны.

Второе большое затруднение состоит в том, чтобы с успехом и решительно побороть неприятельскую артиллерию, а также и ее далеко стоящие батареи. С этим соображением, как еще будет указано, должна сообразоваться группировка артиллерии атакующего. Во многих случаях для одоления артиллерии окажется пригодным обстрел газами. Если он наступит неожиданно, то в начале, конечно, вызовет потери и уж во всяком случае,—как уже выше говорилось,—заставит противника надеть маски, а при них всякая деятельность на батарее, так же как и подвозка снарядов, чрезвычайно затрудняется. Вообще работать в маске продолжительное время невозможно. Поэтому, если газовый обстрел начинается довольно рано перед приступом и густота газа поддерживается, по возможности, долго, часто удастся заставить неприятельскую артиллерию замолчать или принудить ее к отступлению. Так как этот огонь направлен на пункты, куда позднее должна вступить собственная пехота, то, конечно, для этого обстреливания нельзя употреблять ядовитого газа.

Смотря по обстоятельствам, можно вместе с газовыми снарядами стрелять и разрывными, чтобы причинить противнику потери людьми, уничтожить его артиллерийские снаряды и повредить его материальной части. Далее, артиллерия атакующего должна быть настолько сильна, чтобы одновременно с обстреливанием газами и подбиванием неприятельской артиллерии она могла справиться и с остальными своими задачами и во время дальнейшего исполнения последних могла бы продолжать достаточным числом батарей обстреливать газами артиллерию обороняющегося.

Эти дальнейшие задачи сводятся к тому, чтобы возможно сильнее разрушить оборонительные работы неприятеля в целях создания свободного пути для продвижения штурмующей пехоты, как можно дальше провожать ее атаку огневым валом и таким путем предоставить ей возможность наступать без слишком тяжелых потерь.

Огневой вал образуется из огня возможно сильной полевой артиллерии и тяжелых полевых гаубиц (вал разрушительный или газовый) и идет по заранее определенным промежуткам времени, соразмеренным с предполагаемым продвижением пехоты от участка к участку, чтобы непосредственно перед штурмом своих частей загонять

неприятельскую пехоту в закрытия, увеличивать ее нравственное потрясение и таким образом, по возможности, уберечь свои войска от тяжелых потерь.

Тяжелые мортиры могут также по участкам содействовать образованию огневого вала, но должны стрелять в голове последнего в сторону неприятеля, чтобы их рассеивающее действие не было опасно для собственной пехоты. Они направляют свой огонь против сильнейших гнезд сопротивления и укреплений неприятеля, которых пехота вслед за валом достигнет первыми. Этот вал, с самого начала строго определенный по времени и месту, было бы желательно сделать гибким, чтобы он мог непосредственно приноравливаться к более медленному или к более быстрому движению пехоты, но это встречает почти преодолимые затруднения. Этот вопрос будет еще рассмотрен впоследствии.

Если имеется в распоряжении довольно значительная артиллерия, то можно усилить действие огневого вала, давая ему известную глубину. Наши противники, располагавшие бесчисленными орудиями, иногда давали ему глубину в несколько километров. Тогда обороняющемуся придется не относительно быстро переживать огонь вала, представляющего собою линию, напротив он вынужден будет выдерживать его в течение того длинного промежутка времени, какой понадобится валу, глубиною в километр, чтобы пройти мимо. Перспектива атакующего сделать пехоту обороняющегося неспособной к бою при таких условиях будет, конечно, гораздо больше, чем при обыкновенном вале, если густота глубокого вала хоть до некоторой степени будет соразмерна с густотой линейного вала. Поэтому масса имеющихся орудий является решающим фактором, но подготовка их будет труднее.

Из отодвинутого назад расположения артиллерии в обыкновенной позиционной войне эти задачи вообще не могут быть решены в полной мере, так как оттуда невозможно использовать полностью дальнобойность орудий, как этого требует наступление. Значит, хотя бы с риском быть неожиданно атакованными, но придется те батареи, которые должны бороться с дальше стоящей неприятельской артиллерией, разрушать оборонительные работы неприятеля в глубине его тыла и участвовать в огневом вале, придвинуть как можно теснее к исходным пунктам атаки, насколько это допустимо в видах соблюдения тайны. Наоборот, батареи, на которые возлагаются ближайшие задачи, будут расположены дальше назад. С другой стороны, передовые батареи, если возможно, будут установлены на позиции только в ночь перед штурмом. От пристрелки придется вообще отказаться. Стрельбу надо будет вести по точно установленному на плане положению батарей и по способу Шулковского, а потом возможно шире пользоваться наблюдением летчиков.

Дальнейшее, очень существенное затруднение состоит в том, чтобы сопровождать пехоту артиллерийским огнем до крайних пределов дальнобойности орудий и поддерживать ее и дальше. Ее борьба, безразлично, удалась ли неожиданность или нет, будет становиться все труднее и труднее по мере того, как она дальше подвигается вперед, потому что теперь начнут появляться и становиться перед наступающей пехотой, может быть, уже изнемогающей, неприятельские резервы, которые или были эшелонированы в глубину, или подведены издалека и которых до сих пор не могла еще тронуть артиллерия атакующего. Тем более пехота будет нуждаться теперь в поддержке артиллерии. Поэтому артиллерия должна сделать все, чтобы следовать за пехотой и с новых позиций продолжать огонь, по возможности, без ослабления и без перерыва. Достигнуть этого чрезвычайно трудно. Какая роль при этом выпадет на долю сопровождающих батарей и батарей из пехотных орудий, уже было сказано в отделе о тактике пехоты. Они первые двинутся за штурмующей пехотой, следуя за ней непосредственно и на ближайшем расстоянии.

Они встретят серьезное препятствие уже в непроходимости местности, разрушенной позиционной войной. Между позициями врагов, боровшихся некоторое время друг с другом, находится обыкновенно нейтральная зона, изборожденная во всех направлениях артиллерией обоих противников, на которой все дороги и шоссе будут разрушены и воронки от снарядов будут лежать одна около другой. Чтобы сделать эту местность проходимой для артиллерии, непосредственно за наступающими войсками должны следовать колонны рабочих с готовым материалом для восстановления дорог, постройки мостов через рвы и воронки и чтобы непроходимые места сделать проходимыми. Это не редко будет, особенно в местах с высокой подпочвенной водой, чрезвычайно тяжелой, требующей много времени работой, которая должна быть хорошо подготовлена и энергично исполнена. Особенно для массы артиллерии, для тяжелых орудий и зарядных ящиков надо устроить прочные дороги. Чем скорее артиллерия может быть перевезена, тем лучше. Где позиционный бой продолжался перед сражением недолго и потому нейтральная полоса меньше пострадала, там затруднения, естественно, будут меньше. Но всегда будет стоить очень большого труда сделать неприятельские позиции и рвы, разгромленные артиллерией атакующего, проходимыми для движения артиллерии.

Чтобы возможно раньше иметь в распоряжении артиллерию для движения вперед, не ослабляя в то же время стоящей на позициях артиллерии атакующего, рекомендуется ставить за этой вторую волну орудий, которые не участвуют в стрельбе и тотчас же могут быть дви-

пути вперед, как только проходимость местности будет в некоторой степени восстановлена.

За этими батареями следуют стоящие в более глубоком тылу батареи боевой артиллерии, как только они из-за расстояния больше не смогут стрелять. Все-таки надо остерегаться сразу бросать вперед слишком много артиллерии и загромождать ею дороги, так как она не может действовать без соответствующего подвоза снарядов. Батареи и снаряды должны подвигаться вперед в соответствующем количестве. Двинутые батареи будут следовать за пехотой насколько возможно далеко и постараются действовать сперва при помощи земного, а, если возможно, то и воздушного наблюдения.

Способ их деятельности будет соответствовать тогда требованиям, предъявленным в маневренной войне. Но так как в этом случае не будет заблаговременного единоличного управления артиллерией, то сделают хорошо, если первую подходящую артиллерию распределят по пехотным полкам, и притом как легкие, так и тяжелые батареи, и таким образом образуют отдельные возможно самостоятельные боевые группы. Тогда каждый пехотный полк укажет своей артиллерии подлежащие обстрелу цели, соответствующие его дальнейшему плану наступления. Постепенно прибывающие батареи будут сводиться в группы, и только когда масса артиллерии присоединится к пехоте, начальник артиллерии вновь примет единоличное управление батареями и группами, насколько их подчинение пехотным начальникам уже не окажется дальше нужным. Если существовала вторая волна артиллерии, то и теперь образуется таковая,—конечно, из других батарей, чем те, из которых она состояла сначала,—и таким образом подготовляется следующая перемена позиции вперед.

Если есть достаточно времени и вообще обстоятельства позволяют, конечно, желательно измерить расстояния от новых артиллерийских позиций в первый же день наступления и снабдить их планами, чтобы артиллерия и там, где ни земное, ни воздушное наблюдение будут уже невозможны, могла бы стрелять по плану. Но этому требованию можно будет удовлетворить только тогда, когда будет налицо большое число топографов, по крайней мере по одному на две батареи, которые вместе с артиллерийскими офицерами, разведывающими и отыскивающими новые позиции, будут итти непосредственно за резервами штурмующей пехоты и будут иметь с собой достаточный запас карт для составления планов батарей. Но так как это может быть только редко исполнимо, придется в большинстве случаев предварительно отказаться от измерения новых артиллерийских позиций. Во всяком случае важнее следовать за пехотой как можно скорее и как можно

скорее обеспечить ей широкую поддержку артиллерии, как только дальность от первых позиций атакующей артиллерии исчерпана.

Чтобы сделать это возможным, будет иметь большой смысл независимо от быстрого восстановления проходимости местности, возможно скорее перетянуть вослед привязные шары и тотчас пустить в дело артиллерийских летчиков под прикрытием летчиков-истребителей Антены для связи с летчиками-наблюдателями должны вестись немедленно вместе с артиллерией. Все дело сводится к тому, чтобы артиллерийское наступление также поддерживать в непрерывном движении и не давать огню ни на минуту ослабевать или прекращаться.

Если выше я обсуждал применение артиллерии, как особый вид атаки, все же надо указать, что способы наступления могут быть очень различны. Много раз случалось, что наступление, благоприятствуемое местностью или скрытое от взоров противника искусственным или естественным туманом, вообще обходилось без артиллерийской *подготовки*, чтобы действовать совершенно неожиданно, а затем шло вперед только под прикрытием густого и глубокого огневого вала. Такой прием особенно можно рекомендовать тогда, когда имеется достаточное число танков, которые, двигаясь впереди пехоты, валят неприятельские заграждения и перекатываются через рвы и валы закрытий. Моральное впечатление от такового наступления может быть очень значительным.

В противоположность к этому приему неожиданности противник может тоже попробовать для подготовки штурма вести обстрел целыми днями, громя при этом неприятельскую артиллерию, стараясь сделать для защитника пребывание в атакованном пространстве совершенно невозможным и стремясь без остатка разорить все его оборонительные постройки применением тяжелых орудий. Вызванная этим приемом разрушительная и уничтожающая стрельба вызовет громадный расход снарядов. Этот последний прием можно также связать с возможно неожиданным нападением танков. Таким образом задача артиллерии нападающего складывается очень различно, но трудности продвижения артиллерии остаются все те же, как и необходимость, при удавшемся наступлении, вести собственные батареи следом за прошедшей вперед штурмующей пехотой. Эти трудности после многодневного ураганного обстреливания далеко вглубь расположения противника окажутся даже особенно большими.

Те или иные приемы наступления обусловливают встречные мероприятия артиллерии обороняющегося. Ее обязанность, конечно, сведется к уничтожению в первую очередь наступающей пехоты на ее исходных позициях или, раз это не удастся,—к расстрелу ее во время

ее движения вперед еще перед позициями собственной пехоты. Но эту задачу она может выполнить только тогда, когда она сама заранее не разбита артиллерией атакующего.

Следовательно, первая обязанность обороны так оперировать своей артиллерией, чтобы она не была разбита неприятельской. Если известно заранее о намерении неприятеля атаковать и если имеется достаточно собственных артиллерийских резервов, надо стремиться в такой мере усилить артиллерию угрожаемого фронта, чтобы она сравнялась с неприятельской, а, буде возможно, и превзошла ее. Обороняющийся тоже может применять стрельбу газами. Так как не предвидится район неприятельских артиллерийских позиций занимать войсками обороняющегося, он может отравить ядами это пространство и заставить артиллерию атакующего его покинуть. Конечно, это потребует громадного расхода газовых снарядов.

Обороняющийся всегда будет вынужден к такому решительному состязанию с артиллерией атакующего, если позиции обеих сторон расположены тесно друг против друга, а по местным или оперативным соображениям первая линия должна быть удержана. Если при такой обстановке атака будет неожиданной, а чрез это достаточное усиление позиционной артиллерии окажется невозможным, и если при этом передовая линия не очень крепка, не способна оказать сопротивления самому тяжелому огню, а сверх того еще возможна атака танков,— в таком случае шансы на успех атаки будут очень велики.

Для обороны обстоятельства сложатся более благоприятно в том случае, когда она имеет перед своей главной оборонительной линией довольно глубокое передовое поле. Благодаря таковому, обороняющийся, во-первых, заставит неприятельскую артиллерию дольше задержаться, а затем пехоту неприятеля он принудит сначала преодолеть передовое поле под огнем своей артиллерией, прежде чем она дойдет до главной линии сопротивления.

Артиллерию обороняющегося надо поставить так, чтобы она могла весь свой уничтожающий огонь направить впереди своего передового поля, успешно бороться с неприятельской артиллерией и в то же время часть собственной артиллерии все-таки уберечь от огня неприятельских орудий. Это отчасти явно противоречивые задачи, с которыми можно справиться только тогда, когда имеется в распоряжении очень сильная артиллерия. Если же артиллерия противника так же сильна или более могуча, тогда придется, смотря по обстоятельствам, удовлетворить одно требование больше или меньше другого, и искусной группировкой различных видов орудий хоть до некоторой степени добиваться намеченной цели.

В артиллерийском отношении самыми блестящими условиями для обороняющегося будут такие, когда боевая обстановка позволяет ему внушить противнику мысль, что он намерен удержать за собою передовую линию, в действительности же он постарается уклониться от удара и встретить таковой на позиции, лежащей значительно дальше назад. В этом случае он может всю свою артиллерию, исключая нескольких дежурных орудий, выдвинутых для обмана неприятеля, убрать из сферы орудийного огня противника большею частью на собственную заднюю оборонительную линию, на последней действовать огнем всей своей артиллерии и таким образом сделать всякую атаку невозможной.

Наступающий в этом случае может подвигаться только перебатами и, заняв переднюю фальшивую позицию, он должен вновь перераспределить артиллерию, прежде чем он может продолжать наступление. Тогда уже ни в каком случае ему нельзя рассчитывать напасть на обороняющегося неожиданно, а благодаря этому для наступающего пропадает очень существенная, часто решающая выгода.

Если же его артиллерия настолько сильна, что он целыми днями может осуществлять ураганный огонь по всему пространству атакованной позиции, обороняющийся должен вывести свою артиллерию,—как впрочем, и массу собственной пехоты, если она не укрыта в безопасном от обстрела месте,—из сферы неприятельского огня и поставить так, чтобы она могла самым гибельным образом обстреливать подвигающуюся вперед атакующую пехоту. Неприятельскую артиллерию тогда будут стараться тревожить только самыми дальнобойными орудиями, пока не соберется достаточно артиллерийских резервов, чтобы успешно с ней бороться. Сохранение позиции за собой будет в этом случае зависеть от успеха контр-атаки.

Особые задачи для артиллерии представляет атака танков. Для отражения их нужно в начале, во время их по большей части скрытого дымом движения, направить на танки сильный уничтожающий огонь, а потом, как только они вышли из дыма, их надо расстреливать многочисленными, расставленными для этой цели по местности противотанковыми орудиями, применяя прямой выстрел при непосредственном наблюдении. Чтобы иметь возможность сделать уничтожающий огонь действительным, здесь тоже на первый план выступает требование поставить назначенную для этой цели часть артиллерии так далеко назад, чтобы неприятельская артиллерия не могла разбить ее раньше времени; напротив того, противотанковые орудия, которые должны обстреливать штурмующие повозки с близкого расстояния, так же как и мелкие минометы на плоских лафетах, служащие для той же цели, важно держать возможно ближе за позицией, на

которой можно было задержать наступление противника, и которое поэтому будет пробиваться танками.

Здесь трудность заключается в том, чтобы сохранить боеспособность орудий и прислуги во время разрушительного огня неприятельской артиллерии, и перекатывающегося через них огненного вала. Это будет возможно только в том случае, когда расположение их осталось неизвестным неприятелю, и когда по крайней мере прислуга возможно надежно укрыта от обстрела.

Особенные затруднения это представит для маневренных орудий, потому что тут надо сохранить целыми и запряжки. В общем это, пожалуй, будет возможно только тогда, когда удастся несколько угрожать артиллерии атакующего так, чтобы она была вынуждена часть своих орудий постоянно обращать против артиллерии обороняющегося; но это в свою очередь существенно затрудняется тем, что немалая часть полевых орудий с самого начала должна быть назначена для борьбы с танками и потому не сможет участвовать в борьбе с артиллерией.

Следовательно, и здесь мы стоим перед противоречивыми несовместимыми, повидимому, задачами, которые никогда не могут быть все разрешены полностью. Из этого вытекает только одно, но безусловное требование, что и в этом случае, как и всегда, артиллерию обороняющегося никогда нельзя считать достаточно сильной. Если известно предстоящее наступление, то должны быть привлечены все артиллерийские резервы, какие только можно достать. Позиции для добавочной артиллерии должны быть предусмотрены на всех оборонительных флангах, т. е. обмерены, забетонены и снабжены планами.

Что касается самого боя артиллерии, конечно, важно, раз это возможно, вести огонь только с наблюдением. Только такой в некоторой степени обеспечивает достаточную действительность. Поэтому всегда надо стремиться к наблюдению с земли или с шара, или через летчиков, но ясно, что не всегда будет возможно удовлетворить этому требованию. Ночью или при сильном тумане наблюдение за огнем вообще исключается, а между тем и в этом положении пехота не может обойтись без огневой защиты артиллерии, и неприятель не должен оставаться в покое.

Более крупные цели могут быть обстреливаемы и без наблюдения, но при учете влияния погоды и других условий, вызываемых стрельбой по планам; всю местность, занятую неприятелем, можно беспокоить таким образом, поливать огнем (abstreuen) шоссе и железные дороги, обстреливать закрытия и вокзалы. Но особенно возможным такое обстреливание без наблюдения становится при более обширных боевых действиях.

Оно может применяться всюду, раз требуется обстреливать большие площади или определенные участки, но только не отчетливые, узко ограниченные цели. Но равным образом при газовом обстреливании неприятельских батарейных гнезд или значительной части неприятельских позиций и мест подготовки атаки придется стрелять без наблюдения уже потому, что такая стрельба лучше всего производится ночью. Здесь тоже центр тяжести исключительно состоит в том, чтобы подробно учесть дневные и особые влияния.

Далее, без наблюдения производится заградительная, а также часто и уничтожающая стрельба. Заградительный огонь состоит в том, что перед собственным фронтом устраивают, по возможности, густую огневую завесу, через которую противник обязан пройти при наступлении. Этот заградительный огонь только тогда будет действителен, когда артиллерия будет настолько сильна, что огонь окажется исключительной густоты и притом, по возможности, будет фланговым, так как иначе,—раз огонь выйдет с промежутками,—его слишком легко пробегает атакующий. Шрапнель, если она действует надежно, часто будет желанным снарядом для этого рода огня, как уже замечено выше, особенно при заградительном огне с фланга; такой же будет при одинаковых условиях и граната В. Z. Батареи, назначенные для этой стрельбы, должны предварительно точно пристреляться. Во время самой стрельбы поправки невозможны, так как заградительный огонь обычно открывается тотчас же по требованию и притом с полным напряжением.

Где нельзя достигнуть нужной густоты, заградительный огонь полезно заменять уничтожающим. Хотя последний не покрывает всего фронта, но он сильнее действует против намеченных или предполагаемых пунктов подготовки противника, на которых он может быть сосредоточен. В общем он ведется, как наблюдаемый огонь по замеченному противнику. Если он должен заменить заградительный огонь без возможности наблюдения, он ведется против предполагаемых мест приготовления противника, по которым соответствующие батареи должны предварительно пристреляться. В этом случае он не должен быть неподвижным, раз навсегда направленным огнем, как заградительный, но должен давать возможность передвигать его как в стороны, так и в глубину. Часто понадобится переносить его назад скачками, чтобы поражать противника, прорывающегося из своих исходных линий. Огонь должен быть подготовлен так, чтобы неприятель никогда не мог с уверенностью предвидеть его направление и сообразовать с этим свои распоряжения.

Разрушительный огонь против более мелких предметов, батарей, отдельных опорных пунктов, командных пунктов и наблюдательных

будет успешен только тогда, когда его можно точно наблюдать. Чтобы, по возможности, уберечь собственную артиллерию от разрушительного огня неприятеля, батареи должны часто предпринимать перемену позиций, как только создается предположение, что их расположение противником замечено.

Здесь следует еще упомянуть, как об оружии для подготовки атаки, о газометах, которые хотя в известном смысле и представляют самостоятельное оружие, но по существу все-таки принадлежат к артиллерии. Это—приборы, неподвижно установленные на земле и могущие метать газовые или бризантные бомбы на расстоянии до 3000 м. Так как воспламенение производится электричеством, так что все приборы стреляют одновременно, нравственное и реальное воздействие их—при сосредоточении достаточного числа—очень значительно. На пространстве, впрочем ограниченном, образуется очень густой газ, могущий вызвать тяжелые потери, если он появляется неожиданно. Поэтому установка газометов должна держаться в тайне самым тщательным образом и быть замаскирована.

Если стреляют бризантными бомбами, желательно, чтобы атака пехоты следовала непосредственно за взрывом, дабы в полной мере использовать громадное нравственное впечатление от их действия. Огневой удар таких приборов может, конечно, на том же месте произойти только один раз, потому что неприятель тотчас же начнет обстреливать установку метателей, а заряжение их вновь потребует долгого времени.

Большое затруднение во всех этих обстоятельствах представляет правильное управление огнем. С одной стороны, особенно в позиционной войне, надо требовать, чтобы артиллерия при ее массовом употреблении была в состоянии, без всякого наблюдения, только на основании тщательных вычислений и точных планов и с учетом всяких влияний, в минуты большого сражения приложить всю свою силу в духе единой, все проникающей идеи. В этом случае потребуется самое строгое управление из одного центрального пункта, причем уже наперед все цели должны быть намечены, снаряды распределены и установлены сроки времени. С другой стороны, всем начальникам, вплоть до орудийного фейерверкера, частью приходится развивать величайшую самодеятельность, быстро схватывать показывающиеся на мгновение цели и нередко действовать без приказания (оно к тому же часто и не может дойти до отдельных лиц), а на собственный страх, в смысле и духе целей боя.

Эти требования представляют из себя крайние полюсы, которые при известных условиях могут создаться. Но между этими крайними случаями лежит широкая область самых разнообразных артиллерийских

задач, при которых постоянно приходится сочетать требования единодейного (einheitlich) управления, по крайней мере, мелкими частями с необходимой самостоятельностью младших же органов, которая может быть вызвана особыми обстоятельствами. Это требует высокой степени понимания тактики всеми, вплоть до орудийных фейерверкеров.

Если окинуть взором всю совокупность условий, при которых работает теперь артиллерия, тотчас же станет ясным, что организация мирного времени, на которой строились перед войной обучение и тактическое употребление артиллерии, для современных условий больше не годится. Батареи в четыре орудия во всяком случае оправдали себя. Только в батареях пехотных орудий надо иметь шесть орудий, так как эти батареи придется разделять по-взводно между тремя батальонами полка. Но деление на полевую артиллерию и осадную оказалось ошибочным [1]). Целый ряд типов орудий, причислявшихся до сих пор к осадной артиллерии, стал теперь полевым и употребляется таким же образом, как прежняя полевая артиллерия. Артиллерийские офицеры должны быть одинаково знакомы как с одними, так и с другими. Оба рода часто должны употребляться в одном тактическом соединении под общей командой. К полевой артиллерии относятся теперь не только полевые пушки и легкие гаубицы, но и тяжелые полевые гаубицы и длинные 10-см. пушки, до известной степени даже 21-см. мортиры.

Отдельную категорию составляют только тяжелые настильные и навесные орудия, значит 13-, 15-, 21-, 30- и 38-сантиметровые пушки и тяжелые мортиры с калибром в 28, 30 и 42 см. Эти орудия в особых случаях назначаются для специальных задач и вообще совершенно исключаются из маневренной войны. Может явиться вопрос, не относится ли к этой категории и 21-см. мортира, так как она при известных обстоятельствах, как, например, на русских дорогах, неприменима для маневренной войны. А между тем во Франции эти мортиры проделали всю войну и в позиционной войне употреблялись часто в соединении с полевой артиллерией. Поэтому можно было бы рекомендовать и 21-см. мортиры, сведя их в особые батальоны, причислять к полевой артиллерии и в тылу оставлять их только при особенно трудных дорогах.

В остальном было бы целесообразно составлять полевые артиллерийские полки из отделений полевых пушек и полевых гаубиц и кроме того придавать каждому из полков отделение из тяжелых полевых гаубиц и 10-см. орудий с тем, чтобы все офицеры и солдаты

---

[1]) Подразделение, сохранившееся от времен Фридриха Великого и совершенно утратившее смысл в минувшую мировую войну. *Прим. ред.*

были одинаково обучены при всех этих орудиях. Составленные таким образом полки следовало бы включать в состав дивизий. Другие полки, которые были бы составлены из длинных тяжелых пушек и тяжелых полевых гаубиц, следовало бы придать, как корпусную артиллерию корпусам, которым должны быть отданы и мортирные батальоны.

Батареи для отражения аэропланов будет всего полезнее распределить между дивизионной и корпусной артиллерией и все батареи снабдить пулеметами, частью для отражения летчиков, частью для обороны вблизи. Надо считать, что для позиционной войны потребуется гораздо более сильная артиллерия, чем для маневренной. Для этой последней также будут нужны артиллерийские резервы в распоряжении корпусов и армий, и они должны иметься в виду при организациях мирного времени. Для позиционной же войны требуются значительные артиллерийские резервы в распоряжение армий, фронтов и высшего командования, чтобы иметь возможность, смотря по обстоятельствам, перемещать центр тяжести действия артиллерии. В составе этих резервов должны быть также полки полевой артиллерии и орудия для отражения летчиков. Для этих резервов надо припасти материальную часть и подготовить состав солдат и офицеров. Поэтому, может быть, надо будет придавать дивизиям больше артиллерийских полков, чем это им бы понадобилось в обыкновенных условиях и в маневренной войне, чтобы в случае войны создавать из этих войсковых частей нужные резервы. Во всяком случае против прежнего времени теперь требуется весьма значительное усиление артиллерии действующей армии по сравнению с пехотой.

Из тяжелой настильной артиллерии и самых тяжелых мортир, пожалуй, лучше всего, как из особого рода орудий, подчиненных генерал-инспектору, составлять смешанные батальоны и придавать их корпусам и дивизиям только для особых упражнений.

Особой тактики для этой тяжелой артиллерии не требуется. Ее надо обучить маршировать, становиться на позиции, стрелять и действовать совместно с другими родами войск, прежде всего с пехотой. В последнем отношении до войны было сделано почти достаточно. Для полевой артиллерии тактические формы могут быть также ограничены самыми простейшими. Для маневренной войны, конечно, требуется, чтобы батареи и отделения уверенно и сноровисто двигались на местности и становились на позиции. Впрочем, главное дело заключается в хорошей стрельбе. Внимательно также должна изучаться стрельба с непосредственным наблюдением и на короткие расстояния в тесной совместной работе с пехотой и притом не только батареями пехотных орудий, которые постоянно придаются к пехотным полкам, но и всеми пушечными батареями.

Наконец, во всех артиллерийских частях следует придать гораздо большее значение самодеятельности младших начальников, чем это было до сих пор. Все взводные и орудийные фейерверкеры должны уметь самостоятельно вести стрельбу и должны быть настолько подготовлены по тактике, чтобы быть в состоянии каждую минуту беззамедлительно занять следующую по рангу служебную обязанность.

Материальная часть должна быть, по возможности, упрощена. Запросы войны привели к введению многочисленных новых орудий, которые не всегда соответствовали изменившимся обстоятельствам. Проходимость и подвижность, а значит легкий вес, большая дальность и скорострельность при простейшем устройстве и самой большой прочности,—вот самые существенные свойства, требуемые от всех орудий. Зарядные ящики должны соответствовать тому же. Было бы хорошо пользоваться возможно бо́льшим числом автомобилей, построенных подходящим образом.

Снаряды требуют также нового изучения и должны при возможной простоте все-таки удовлетворять всем потребностям войны с ее меняющимися задачами. Шрапнель в течение этой гигантской войны была почти совсем вытеснена гранатой, потому что, как я говорил, невозможно было при быстром массовом производстве поставлять надежные дистанционные трубки. При нормальном производстве она скоро опять выиграла бы в значении. С другой стороны, для отражения танков надо будет изготовлять гранаты особенно сильной пробивательной способности.

III. Кавалерия и воздушный флот.

Если я рассматриваю кавалерию и воздушные боевые средства в одном общем отделе, то это зависит прежде всего оттого, что задачи первой в известной степени перешли к последним. Конница существенно изменила свой характер. В позиционной войне она почти совсем исключена, как конница. Против укрепленных непрерывных линий неприятеля в конном строю она бессильна. Тут ее можно употреблять только в тылу для полицейской работы. Разведка, не считая пехотных дозоров, почти целиком перешла к летчикам, деятельность которых, конечно, дополняется тайными агентами и шпионами, но имеет то большое затруднение, что она может работать только при мало-мальски благоприятной погоде, а ночью и при сильном тумане почти совершенно прекращается.

В крайнем случае ночью можно определить в общих чертах движение по железным дорогам и при известных обстоятельствах

занятие войсками местностей и места бивуаков. Освещение наблюдаемой местности возможно только при очень низком полете и на короткое расстояние. Наоборот, при благоприятной погоде воздушная разведка дает часто больше, чем может дать кавалерия. Вся местность, занятая неприятелем, может быть сфотографирована с аэроплана. Благодаря этому возможно установить во всех подробностях расположение и последовательность неприятельских укреплений. Движение железнодорожных поездов, занятие станций подвижным составом, аэродромы и чем они заняты, размеры и приблизительную вместительность бивуаков, магазинов, артиллерийских складов, позиции неприятельских батарей, присутствие танков (частью непосредственно, частью по распознаванию следов от танков на дорогах),—все это можно наблюдать с воздушного аппарата и снимать фотографически.

Противник, конечно, постарается скрыть все свои сооружения от глаз летчиков, но все-таки при тщательной и систематической воздушной разведке будет часто возможно определить приготовления к неприятельскому наступлению, умножение или уменьшение неприятельской артиллерии, усиление его резервов и тому подобное, и таким путем оказать командной инстанции самые существенные услуги.

Но как конница встречала поле для разведки свободным только после того, как она выбивала оттуда неприятельскую кавалерию, так часто и воздушная разведка будет в состоянии работать успешно только тогда, когда наши воздушные боевые силы добьются превосходства в воздухе. Противник не только будет нападать, где возможно, на наши рабочие аэропланы, но часто будет преграждать пути над своими линиями, чтобы вообще воспрепятствовать прорыву наших аэропланов, и будет действовать наступательно с нужными силами, чтобы самому добыть требуемые сведения о противнике.

Как уже было упомянуто в другом месте, задача летчиков-истребителей сводится при этом к борьбе с воздушными силами неприятеля и к очистке пути для рабочих аэропланов. Для этой цели они сводятся в тактические единицы, сила которых, впрочем, правилами не установлена. Высшую единицу составляет эскадрилья, могущая состоять из 4—6 групп [1]) и идущая под начальством общего командира. Группа, состоящая нормально из 14 аэропланов, разделяется в свою

[1]) Наименования воздушных единиц приведены по установившейся терминологии в русской армии. В современных армиях еще не наблюдается единства ни в названиях, ни в размерах единиц. Напр., эскадрилья у французов зовется бригадой, группу англичане называют эскадроном. Размеры единиц разные. *Прим. ред.*

очередь на звенья, по 6—8 аппаратов. Посылка эскадрильи имеет всегда целью уничтожить возможно большее число неприятельских аэропланов.

Задача командиров состоит в том, чтобы всю эскадрилью подвести к неприятелю в виде построения, расчлененного на тактические единицы. Командир, летящий всегда ниже всех, чтобы быть видимым со всех аппаратов, приказывает, например, чтобы справа и слева от него летело по группе, одна следовала бы сзади, а четвертая шла бы над всеми. Определенные тактические образцы здесь еще не выработались. Сила отдельных тактических частей тоже будет очень различна, смотря по числу имеющихся машин и команд.

Когда эскадрилья встречает неприятельскую, сражение, которое всегда ведется наступательно, разрешается единоборствами. При этом существенно важно подняться выше противника, нападать на него, имея солнце в спиной, и стрелять только с того ближайшего расстояния, на которое безусловно надо приблизиться, чтобы быть уверенным в выстреле. После победоносного боя эскадра снова группируется в первоначальном порядке вокруг командира, который для сбора частей кружится над местом боя.

Если эскадрилья встречает неприятельскую часть, летящую выше, она должна стараться привлечь противника к бою вниз и затем искусным подъемом выиграть над ним высоту. При встрече эскадрильи с отдельными летящими ниже неприятельскими аэропланами, только один летчик должен кинуться на противника и в случае нужды быть поддержан самое большее вторым. Сама же эскадрилья остается на достигнутой высоте и не дает себя заманить к спуску, потому что иначе она может очутиться в невыгодном положении перед встречающимися потом боевыми группами неприятеля.

При единоборстве всегда важно напасть сзади на противника, который с своей стороны должен сделать все, чтобы избежать такого нападения. При хорошо поднимающейся машине, какою обладают наши новейшие фоккеры[1]), можно с выгодой атаковать и снизу, и сзади. Против неприятельских шаров действуют всего вернее сомкнутым порядком и в соединении с тяжелой артиллерией таким образом, что целые группы шаров атакуются сразу, а место их подъема обстреливается тяжелым огнем по площадям, чтобы помешать заблаговременному спуску шаров. Но часто также отдельные летчики, искусно пользуясь облаками, сумеют неожиданно атаковать шар и покончить с ним.

[1]) Представляют ли они еще к теперь самый новый тип,—я не могу сказать. *Прим. автора.*

Те же правила, которые установлены для эскадрильи, относятся конечно, и к меньшим самостоятельно выступающим группам. Атака во что бы то ни стало должна во всех случаях быть руководящей мыслью тактики летчиков, летают ли они в больших отрядах или по одиночке. От этого зависит успех еще больше, чем при условиях боя на земле. Война достаточно доказала это. При этом часто будет нужно стягивать на определенное пространство более значительное число групп,—даже с соседних фронтов,—чтобы на решающем пункте на всякий случай обеспечить господство в воздухе.

Особенно для оборонительного боя должно быть обеспечено такое сосредоточение; в наступательном бою оно естественно всегда будет иметь место, ибо в этом случае господство в воздухе на всех высотах перед атакой пехоты и особенно после атаки должно безусловно иметь место. Поэтому нужно иметь в запасе резервные группы истребителей, чтобы иметь возможность встретить контр-атаку неприятеля. Единоличное управление воздушными боевыми силами необходимо при всех обстоятельствах. Победа в воздушном бою даст возможность произвести разведку подробнее и достовернее обыкновенного и в большей мере выполнить остальные задачи летчиков. Последние еще и в другом отношении приняли на себя роль конницы, так как в позиционной войне одни летчики в состоянии это исполнить, именно—создать расстройство тыловых сообщений противника.

Кавалерия при таком характере войны не может нигде проникнуть за неприятельский фронт, а аэропланы могут перелететь через него и частью сбрасыванием бомб, частью пулеметным огнем атаковать сообщения противника, двигающиеся в тылу войска, бивуаки и аэродромы, станции и железные дороги. Эти атаки могут производиться даже гораздо успешнее и много глубже за фронтом неприятеля, чем когда-либо могла это сделать конница. Для таких нападений большею частью составляются эскадрильи бомбовозов, которые имеют очень большой радиус деятельности и обыкновенно исполняют свои предприятия ночью, а против более близких неприятельских целей могут высылаться даже и днем и в этом случае большею частью под прикрытием летчиков-истребителей.

В боях позиционной войны, пока таковые не приведут к полному прорыву, кавалерия не может принять участия, как таковая. Но с помощью боевых летчиков могут быть осуществлены если и не способ действия, то, по крайней мере, ее неожиданное появление. Такие аэропланы, особым образом, как мы видели, снаряженные для борьбы с земными целями могут—также и под прикрытием летчиков-истребителей—неожиданно спускаться с высоты, на самом близком расстоянии обдать пулеметным огнем неприятельские окопы, сражающиеся вой-

ска, походные колонны и стреляющие батареи и направлять такие налеты не только против передних боевых линий неприятеля, но и против его задних поддержек и подходящих резервов. Таким приемом они очень существенно могут поддерживать пехоту в ее тяжелой борьбе и часто способствовать решению дела. Но только они должны, не считаясь с неприятельским встречным огнем, снижаться во что бы то ни стало до небольшой высоты, чтобы успешно использовать свое оружие и внести ужас и смятение в ряды неприятеля.

Броневое прикрытие важнейших частей значительно облегчит им эту задачу. Они могут тогда бросаться в атаку до известной степени, как воздушные кирасиры. Для этой цели известное сосредоточение сил в боевые эскадрильи особого назначения будет представлять решительные выгоды. В таком тактическом соединении их будут направлять туда, где при атаке или при обороне ищут исхода дела.

Кавалерия во время позиционной войны может участвовать только в пешем бою. Тогда она употребляется точно так же, как пехота, и сообразно с этим должна быть снаряжена и сформирована. Лошади оставляются в безопасных закрытиях, люди распределяются по полковым группам, в которых эскадроны образуют тактические единицы. Организация мирного времени должна предусмотреть эту службу пешком, потому что она и в полевой войне будет играть решающую роль. Впрочем, маневренная война, наступающая или тотчас по открытии кампании, или после достигнутого прорыва неприятельского фронта, предъявляет к этому роду войск совсем другие требования, чем позиционная война, и снова дает обнаружиться вполне ее настоящей сути. Конечно, бой в конном строю сведется только к немногим исключительным случаям, как я уже до войны предсказывал это и, конечно, втуне. Только разъезды обеих сторон будут чаще вступать в рукопашную схватку.

Зато оперативная деятельность этого рода войск выступает решительно на первый план. Быстрота коня будет использована уже не для атаки, а для скорых оперативных передвижений. В этой области правильно руководимая, самостоятельная конница может достигнуть больших и стратегически важных успехов. Ее главной задачей будет во время сражения обрушиться на фланги и тыл противника, а во время операций прерывать его тыловые сообщения и расстраивать движение в тылу неприятельского фронта. При этом в бою она будет большею частью пользоваться пешим строем и приданными ей вспомогательными боевыми средствами. До конного боя дело дойдет только тогда, когда неприятельская конница бросится ей навстречу, в конном же строю, или если она сама неожиданно наткнется на дрогнувшие неприятельские войска или на обозы, идущие без прикрытия. Но это,

конечно, будут все исключительные случаи, а общим правилом останется пеший бой как при атаке, так особенно при обороне.

Эти соображения должны быть в виду при тактическом применении конницы и как следствие этого, и при организации этого войска. Тактическая пешая единица, какая требуется боем, должна составлять основание всей организации. Следовательно, два эскадрона, которые, спешившись, могут выставить, за вычетом коноводов и разъездов, приблизительно 150 стрелков, должны составить тактическую единицу под командой старшего эскадронного командира или штаб-офицера; кавалерийский же полк должен иметь по крайней мере 10 эскадронов, кроме запасного, чтобы быть в состоянии выставить пеший батальон силою приблизительно в 750 человек. Более крупные части должны быть также соответственной силы. Бригада должна состоять из двух или трех полков, чтобы выставить два или три пеших батальона, дивизия—из трех бригад, так чтобы при откомандировании одной бригады оставалась все же значительная боевая сила.

Бригады и дивизии должны быть также обильно снабжены вспомогательным оружием и притом так, чтобы каждая бригада представляла тактически самостоятельную часть. Прежде всего конным частям надо придать пулеметные эскадроны, по возможности, по одному на каждый полк. Они в этом случае особенно важны и должны представлять значительную силу огня, так как легкие пулеметы, плохо перевозимые верхом, отпадают. К снаряжению кавалерийской части принадлежит далее сильная артиллерия, если возможно,—специально сконструированная легкая полевая гаубица, потому что гаубицы имеют гораздо более разностороннее применение, чем пушки. Достаточное число снарядов должно везтись сзади при помощи широко сорганизованного транспорта. Одна батарея на каждую бригаду, постоянно приданная ей, и дивизион из трех батарей в руках начальника дивизии могут понадобиться при всех обстоятельствах.

Далее надо позаботиться, чтобы на случай применения кавалерии в позиционной войне она была также снабжена и легкими пулеметами. Следовательно, многие солдаты должны быть обучены обращению и с этим оружием, хотя оно в маневренной войне и не возится постоянно с собой. Надо предоставить части обширный обоз для возки за собой нужного фуража и запасных материалов, и будет полезно сформировать особые конвойные эскадроны, назначенные прикрывать движущиеся обозы и в то же время вести ближнюю разведку. Только таким путем всему этому роду войск будет обеспечена достаточная свобода движений.

На эти конвойные эскадроны может выпасть и реквизиция имеющихся в стране провианта и фуража. Так как в большинстве

случаев нельзя будет рассчитывать на подвоз сзади, неослабное использование средств страны приобретает особенную важность. Поэтому конвойные эскадроны не должны быть слишком слабы, но зато могут быть обучены, как ездящая пехота, так как бой в конном строю едва ли им понадобится. Если бы захотели взвалить на боевую часть все эти обязанности, а особенно реквизиции и прикрытие обозов, то ее боевая сила очень скоро была бы ослаблена до непозволительных пределов.

То же самое относится и к дальней разведке, которая, согласно опыта, требует очень больших сил и несоразмерно утомляет конский состав. От этой тяготы, буде только возможно, кавалерия должна быть избавлена. Но для этого опять-таки подходящим средством представляются воздухоплавательные части. Для дальней разведки к кавалерии должны прикомандировываться отряды летчиков, сосоставленные и распределенные так, чтобы и отдельным бригадам могли быть приданы нужные аэропланы, вообще же в целях однообразного применения они подчиняются дивизиям. При быстроте воздушных аппаратов это почти всегда будет возможно, так же вероятно, что под защитой войск всегда найдутся удобные места для подъемов. Эти летчики должны разведать местность настолько далеко впереди и по сторонам кавалерии, чтобы она имела уверенность ни на походе, ни на отдыхе не подвергнуться неожиданному нападению более значительных сил или даже встретиться с ними.

Такой отряд летчиков, чтобы иметь возможность постоянно следовать за кавалерией, должен, конечно, быть сделан особенно подвижным, тогда он сможет также разрешить и задачи пристрелки приданной артиллерии. Это достигается соответствующей придачей грузовых автомобилей.

При начальнике кавалерийской части должен следовать начальник отряда летчиков или офицер-летчик для связи. Затем, за частью должны непосредственно двигаться: несколько грузовиков с бензином, палатками, инструментами, искровыми станциями для подачи и приемки депеш и мастерскими для починки аэропланов, далее легковые автомобили и мотоциклетки. Эти грузы должны будут оставаться на тех местах, где кавалерийские части (корпуса, дивизии или бригады) устанавливают свои штабы.

На этих пунктах, выбранных по соображению с необходимой работой летчиков, следовало бы уже наперед разведать возможные места для спусков и обозначить их отличительными знаками, которые должны быть известны для отдельных конных частей. По меньшей мере, у старшего кавалерийского начальника должно быть место для спуска, но желательно, чтобы можно было спускаться и в дивизионных

и бригадных штабах. Впрочем, дальнейшая передача приказаний и донесений должна совершаться посредством искрового телеграфа и сбрасыванием. Передвижение отряда летчиков будет совершаться перелетами, по приказанию начальника отряда по мере движения вперед и согласно намеченной заранее оперативной задачи соответствующего конного отряда. Воздушная разведка, конечно, не освобождает конницу от сторожевой службы и ближней разведки, но дальнюю разведку кавалерии она ограничит теми днями, в которые из-за погоды служба летчиков невозможна. Но и этим уже многое будет выгадано.

Наконец, для усиления кавалерии может быть ей придан батальон самокатчиков или пехота на повозках или на автомобилях. Назначать пехоту или егерей для сопровождения ее пешком неразумно, потому что этим существенно была бы ограничена оперативная подвижность конницы; хотя в общем кавалерия и не обязана делать постоянно слишком больших переходов, чтобы сохранить оперативную работоспособность, но в критические минуты она все же должна быстро преодолевать значительные расстояния.

Может показаться, что предлагаемый состав самостоятельных кавалерийских дивизий сильно затруднит их оперативную способность, так как, очевидно, трудно такой сильный отряд снабдить всем необходимым. Но я не разделяю этого взгляда. Раз при современных массовых армиях требуется достигать значительных результатов, всегда нужно будет назначать и большую боевую силу; слабые силы разбиваются о теперешнюю силу сопротивления даже маленьких отрядов, а при задачах, вроде вышеизложенных, силы расходуются вообще довольно быстро. В смысле же снабжения провиантом и фуражем войска могут рассчитывать на большие запасы, заготовленные и подвезенные в тыл неприятельских армий, ибо без них никакая современная армия не сможет оперировать. Жить вообще на средства страны можно только в первые периоды войны или только в особых исключительных случаях.

Вероятно, многие, под впечатлением позиционной войны, считают обширные операции конницы при современных условиях невозможными Этим скептикам мне достаточно будет указать на наши походы в России и в Румынии и на деятельность нашей армейской кавалерии в походе 1914 г., когда именно самостоятельная кавалерия совершила великое, а могла бы совершить еще больше, если бы была в более сильном составе. Как на пример, можно указать на прорыв у Злочова летом 1917 г., где, без сомнения, представлялась возможность почти уничтожить неприятельскую армию, если бы,—как это и намечалось,—

можно было бросить сильный кавалерийский корпус в тыл неприятеля. Таких случаев можно привести несколько.

К сожалению, обстоятельства вынудили нас значительное количество нашей кавалерии превратить в пешее войско и этим очень чувствительно ослабить даже дивизионную кавалерию. Ее в конце концов оставалось по слабому эскадрону на дивизию. Это почти слишком мало даже для позиционной войны, при которой на ее долю выпадает полицейская служба в тылу и ординарческая; в маневренной же войне, где кавалерия должна вести ближнюю разведку, ординарческую службу, нести службу донесений, выполнять реквизиции и подобные задачи и где от нее еще требуется охрана флангов, а при известных обстоятельствах и участие в бою, одного эскадрона никоим образом не достаточно.

Было бы также ошибочной затеей стараться заменить кавалерию ездящей пехотой, исключая указанных выше конвойных эскадронов. Для дальних переходов и толковых дозоров безусловно необходимы отличные, расторопные всадники. Точно также только они могут надолго поддерживать конский состав в годном для работы виде. Формирование ездящей пехоты будет чаще всего полумерой; оно мало оправдалось еще в бурской войне, когда англичане пользовались такой пехотой в широких размерах.

Боевая работа спешенной кавалерии должна быть построена совершенно так же, как и в пехоте. Неприятельский огонь заставит кавалерию так же наступать группами; здесь так же придется сильные неприятельские оборонительные гнезда атаковать не с фронта, но обходить сбоку и брать охватом; здесь так же будут стараться прорываться в местах наименьшего сопротивления, предъявляя следующим эшелонам задачу по овладению более крепкими пунктами. Здесь так же за наступающими стрелками должны будут следовать батареи, чтобы сломить орудийным огнем упорное в некоторых местах сопротивление. Эшелонирование в глубину потребуется здесь такое же, как и в пехоте.

Особенно в позиционной войне порядок ведения боя кавалеристами-стрелками будет происходить в тех же условиях, как и в пехоте; в маневренной же войне будет иначе, так как конница здесь редко будет применена для открытой атаки в лоб, плечо к плечу рядом с пехотой. Скорее постараются использовать подвижность этого войска, направляя его в конном строю со своих флангов против флангов и в тыл противника, чтобы этим путем ударить последнего самое чувствительное место.

Во время самого боя представляется разумным одновременно вести фронтальное и фланговое наступления и таким путем достигать

того же, что при чисто фронтальном бое достигается эшелонированием в глубину. И в этом случае можно ограничиться меньшим числом эшелонов в глубину, чем при чисто лобовом ударе. В то же время фланги и тыл атакующей кавалерии должны быть обеспечены от неожиданного подхода неприятельских резервов далеко выдвинутыми вперед разведывательными эскадронами; впрочем, такое применение конных масс можно вообще иметь в виду лишь в том случае, когда заблаговременной воздушной разведкой установлено, что вблизи нет неприятельских резервов. Если же подход таковых замечен, задача кавалерии—повернуть на них и либо стать перед ними, либо ударом во фланг помешать их дальнейшему движению на поле решительного сражения.

При таких предприятиях кавалерия должна по правилам работать совместно с воздухоплавательными частями не только в разведке, но и в самом бою. Боевые летчики могут очень успешно завязывать и поддерживать ее атаку на двигающегося противника. Эскадрильи бомбовозов могут действовать против неприятельских батарей, поставленных за передовой линией или приближающихся к ней, или против складов снарядов и двигающихся обозов. В маневренной войне планомерное содействие кавалерии и летчиков во всяком случае окажется выгодным.

Если в какой-нибудь будущей войне еще раз дело дойдет до крупных конных боев, что не представляется совсем исключенным, то, понятно, не может быть больше речи о так называемой тактике трех линий с готовыми формами и со сменою линий. Уже до войны эти построения для боя и движения считались совершенным пережитком. Но развитие конницы происходило под какой-то несчастной звездой и, несмотря на все предостережения, оно шло по ложному пути.

Теперь, в виду действительности артиллерийского и пулеметного огня, и в конном бою не может быть речи об употреблении дивизии, как тактической единицы. Скорее надо пытаться сначала артиллерией задавить неприятельские батареи и пулеметы, а бригадам и полкам дать отдельные назначения и в таком духе, чтобы они фланговыми движениями, по возможности, выходили из сферы неприятельского огня и тогда только шли в атаку. При оперативном наступлении надо подвигаться отдельными колоннами и только на поле сражения сближать их для концентрического действия. Охват неприятеля и здесь будет самым подходящим приемом, ибо он один приведет к цели, между тем как фронтальное сомкнутое наступление наведет прямо на неприятельский огонь и представит последнему самую благодарную цель. Одновременность действия отдельных колонн может быть

достигнута назначением скорости движения и связью, поддерживаемой летчиками.

При самой атаке, которая вообще поведется только против неприятельской конницы, кавалерия, насколько позволяют обстоятельства, должна ударить двумя уступами, более сильным передним и более слабым в роле поддержки. Она ни в коем случае не должна дать противнику охватить свой фланг. Начальник, если обстановка только позволит, должен держать в своем распоряжении резерв и во всяком случае позаботиться о поддержке артиллерии, стараясь оперировать так, чтобы самого себя не подставлять под неприятельский огонь, а противника дать обстрелять собственной артиллерией раньше, чем он сам пустит в дело холодное оружие.

Вот то учение, которое я еще до мировой войны старался проводить практически и теоретически[1]). К несчастию и ко вреду конницы, я проповедывал глухим. Тактика атак и массовых действий, особенно в начале войны, стоила нашей коннице тяжко-кровавых и — увы! — совершенно бесполезных потерь людьми и лошадьми. Война показала, что я был прав по всем пунктам. Теперь же является опасение, как бы не пошли слишком далеко в обратном направлении, т.-е. к совершенному обесценению конницы, как таковой, к потере всяких надежд на ее оперативную деятельность только потому, что на войне ее часто применяли неверно. Большое было бы горе, если бы такой взгляд получил распространение.

IV. Инженерное дело, саперы и железнодорожные войска.

Инженерное искусство стало столь необходимой частью современного боя, что оно может рассматриваться, как часть тактики всех родов войск. Собственно говоря, нельзя себе и представить сражения без употребления лопаты или других саперно-технических средств. В позиционной войне все роды войск должны освоиться с саперным делом. Батареи должны уметь устраивать себе проволочные заграждения и стрелковые окопы, чтобы защищаться от прорвавшейся неприятельской пехоты или танков. Кавалерия в позиционной войне сражается, как пехота, и потому нуждается в тех же технических познаниях. Последняя же должна уметь самостоятельно оборудовать свою позицию и может только для трудных технических работ, как бетонирование, постройка штолен и т. п., требовать сапер в качестве руководителей

[1]) Автор разумеет несколько своих трудов, посвященных кавалерии, из которых последний по времени „Reiterdienst“, Berlin, 1910, 397. *Прим. ред.*

рабочими. В крайнем же случае пехота должна уметь исполнить все так же, как она строит обыкновенные окопы и заграждения.

Для сапер остаются особенно трудные технические работы, требующие специальной подготовки. Постройка более значительных мостов как при помощи саперных средств, так и из сподручного материала может быть исполнена только ими; все подрывные работы, какие часто встречаются на войне, предпринимаются так же только ими и железнодорожными войсками. Минная война будет уже специальной службой саперных войск, как и наводка собственно понтонных мостов, тогда как постройке обыкновенных мостов должны быть обучены все саперы, как и войсковые саперы в пехоте, т.-е. пехотинцы, специально обученные нужнейшим саперным работам.

Если фортификационное искусство стало теперь до известной степени общим достоянием войск, все же саперно-технические задачи полевой войны в такой мере возросли в числе и в значении, что саперные войска ныне приобрели гораздо бо́льшую цену. Они должны теперь по сравнению с прежним значительно возрасти по отношению к другим родам войск, чтобы снять с пехоты многие саперно-технические работы и освободить ее, как боевую силу, для ее настоящей службы. И рядом с этим можно считать, что постройка крепостей в собственном смысле в будущем уже не будет иметь места.

Даже самый большой и притом укрепленный город атакующий может теперь расстрелять дальнобойной артиллерией, не прибегая к организации настоящего обложения. Огонь дальнобойных настильных орудий может быть усилен сбрасыванием бомб эскадрильями бомбовозов, которые смогут атаковать крепость с больших высот, и никакие бороните льные меры, зенитные орудия и собственные летчики не будут в силах обеспечить город от таких нападений. Далеко выдвинутые форты так же не могут уберечь город от обстрела дальнобойных орудий. Эти форты представят скорее наиболее выгодные цели для артиллерии атакующего, так как даже самые крепкие железобетонные постройки и бронированные башни артиллерии обороняющегося не могут выдержать действия тяжелых навесных орудий. Форты будут расстреляны в кратчайшее время и неизбежно откроют доступ в средину города.

Антверпен, до войны сильнейшая крепость Европы, мог сопротивляться только двенадцать дней. Но ведь в таком случае крепость теряет свое настоящее назначение: быть убежищем для склада военных припасов и центральных управлений и на продолжительное время защитить от всякого нападения хотя бы важные стратегические пункты, переправы через реки, железнодорожные узлы и т. п. и защитить даже в том случае, если армия временно предоставит крепость

ее собственной судьбе. Никогда Париж и Мец не могли бы удержаться так долго, как в действительности было в 1870—1871 г.г., если бы они были атакованы современной артиллерией, будь у них в распоряжении даже те же средства обороны, как у Антверпена в эту войну. Теперь Париж, как крепость, имеет только то значение, что он заставит стянуть сильную артиллерию. Но чтобы он был в силах ныне обороняться хотя бы некоторое время без связи с полевой армией, когда будет сосредоточена противником артиллерия, это совершенно невероятно.

Против такого мнения, пожалуй, приведут Верден, как доказательство противного,—крепость, которая во всяком случае удержалась. Но этот пример не может служить доказательством. Во-первых, Верден никогда не терял связи с армией; он всегда составлял часть общеармейской позиции. А затем, не укрепления уберегли город от завоевания, но исключительно благоприятная местность, ставившая защитников в чрезвычайно выгодные условия обороны, и безопасные убежища в подземных туннелях, а в связи с этим и общая обстановка войны сделали оборону города возможной. И все же, несмотря на это, Верден не смог исполнить своей задачи в качестве безопасного складочного места.

Не Верден защищал армию или гарнизон, как можно было ожидать по прежнему представлению о крепости, но его самого защищала и оберегала полевая армия. Это—громадная разница, и ею значение Вердена, как крепости, сводится собственно к нулю. Сами форты и крепостные сооружения очень скоро были уничтожены артиллерией атакующего и во всей обороне играли сравнительно второстепенную роль.

Крепость перед современными средствами нападения потеряла всякое значение, в этом нельзя теперь сомневаться. Впрочем, я еще до войны предсказывал неизбежность этого [1]).

Железнодорожные узлы, переправы через реки и тому подобные важные стратегические пункты при теперешних условиях защитить вообще невозможно ни против артиллерии, когда она подошла на дальность выстрела, ни против летчиков, потому что зенитные орудия представляют всегда лишь крайне условную защиту.

Реально охранить такие предметы можно только *наступательными действиями* как на земле, так и в воздухе, отбрасывая неприятельские наступающие колонны так далеко, чтобы они не могли уже достать своей артиллерией до предметов, намеченных к разрушению,

---

[1]) Во всяком случае, в своем предпоследнем труде Бернгарди говорит о крепостях с достаточным почтением. См. „Современная война“, том I, стр. 234—245. *Прим. ред.*

и энергично атакуя неприятельские эскадрильи бомбовозов прежде, чем они могут появиться ночью над целью своего нападения. Важные склады могут быть так же охранены только таким путем, а кроме того еще и тем, что их устраивают на местах, о которых противник не догадается и где они, по возможности, будут скрыты от глаз летчиков.

В будущем место крепостей всюду, где оборона необходима или намечена, займут участки земли, защищенные полевыми укреплениями, которые будут подобны оборонительным линиям в позиционной войне, но при известных обстоятельствах могут быть доведены до степени долговременных, как это и делалось всюду в позиционной войне, раз представлялись к тому время и возможность.

Потребуется ли уже в мирное время укреплять части границы по правилам долговременной фортификации постоянными сооружениями и, по возможности, предохранять их и от тяжелой артиллерии, это будет зависеть от политических, военных и местных условий. Такое укрепление во всяком случае заставит предполагаемого противника потратить много времени на сосредоточение и группировку артиллерии.

Что касается самой постройки позиций, то она в течение войны подвергалась разнообразным и коренным изменениям. Когда пробовали обобщать приемы по устройству позиций, которые были бы пригодны при известных условиях, то создавали не один раз такие правила, которые при других обстоятельствах оказывались совсем непригодными. В действительности и вообще-то нельзя создать каких-нибудь общих правил, и потому при всех распоряжениях необходимо постоянно руководствоваться особыми условиями, имеющими место в каждом отдельном случае. Поэтому можно набросать разве только самые общие основания: практическое исполнение будет зависеть от рода почвы, в которой работают, от уровня почвенной воды и водных условий вообще, от размеров обзора вперед и в тыл избранной позиции, от имеющихся в распоряжении материальных средств и рабочих рук, от ожидаемого рода и силы неприятельской артиллерии и прочих средств атаки, наконец, и от цели всего сооружения: должно ли оно служить целям временной обороны, или должно отстаиваться более долгое время.

По этим данным и должен быть составлен план работы. Если есть время, надо привлечь к совещанию геологов, чтобы с самого начала принять во внимание строение почвы и условия воды. Сохранение рвов сухими посредством устройства правильных стоков воды имеет особенно важное значение. Это мне самому пришлось констатировать как в России, так и во Франции. В местностях с высокой почвенной водой нельзя врезываться слишком глубоко в почву, и часто

придется брустверы насыпать. В позициях, расположенных на склонах, вода часто проникает во рвы сверху; в этом случае должны быть приняты соответствующие меры для осушки. Если возможно, надо привлечь для совета людей, знакомых с водяными сооружениями. Рвы надо всегда устраивать так, чтобы, попавши, артиллерийский снаряд не мог их легко разрушить или засыпать; это условие определяет профиль и род одежды, так как попадание снаряда не должно вызывать расщепления, как это, например, бывает при обшивке досками.

Прикрытые окопы, из которых стреляют через бойницы, как часто это применяли русские, при нынешней артиллерии должны быть совсем заброшены. Затем важно как можно дольше укрыть окопы от взора неприятеля и прежде всего от летчиков; обстрел должен быть достаточным; стрельба должна вестись поверх густых проволочных заграждений перед фронтом, иначе в них огонь рассеивается; наконец, в окопе, если только возможно, люди должны быстро и удобно выходить на линию огня. Но под безопасностью от огня следует во всех случаях понимать только такую, которая обезопасит от огня орудий не свыше 15 см., так как защита от более тяжелых калибров достигается только при особенно благоприятных условиях. Еще, насколько это возможно, надо иметь безопасное сообщение назад. Чем сильнее предполагается неприятельский орудийный огонь и чем больше все сооружения на виду у противника, тем более выступает на первый план вопрос об обеспечении себя непробиваемыми постройками.

При известных обстоятельствах может потребоваться постройка позиции не в виде непрерывного окопа, а в виде опорных пунктов. Тогда, с одной стороны, надо позаботиться о безопасном сообщении между отдельными опорными пунктами, хотя бы только при посредстве масок, укрывающих от взора противника, с другой стороны, необходимо за промежутками отдельных опорных пунктов в шахматном порядке построить другие опорные пункты второй линии, чтобы прорвавшийся как-нибудь противник снова встретил сопротивление.

За непрерывными окопами, если есть время и рабочие силы, тоже надо строить тыловую непрерывную линию или систему опорных пунктов, в которых можно дать отпор неприятелю, ворвавшемуся в переднюю линию, сломить порыв его удара и задержать его настолько, чтобы могла начаться контр-атака резервов. Эти окопы или опорные пункты служат в то же время для помещения частных резервов.

Подобным же образом поступают, когда дело идет об укреплении глубокой оборонительной полосы, по которой при известных условиях желают медленно отойти с боем на другую, лежащую дальше позади линию.

Часто также рекомендуют позиции на противоположном скате, которые не могут быть непосредственно видимы и наблюдаемы со стороны неприятеля. Но эта незначительная выгода, на мой взгляд, не уравновешивает больших невыгод такого расположения. Во-первых, ясно, что тогда и обороняющийся не может видеть противника и потому легко может быть застигнут врасплох. Значит, во всяком случае надо на впереди лежащую высоту выдвигать посты, т.-е. ставить их в очень невыгодное положение. Выгода же укрыться от непосредственного наблюдения очень, как мне кажется, не велика, потому что с аэроплана, а часто, вероятно, и с воздушного шара, укрепления на указанных склонах будут и наблюдаться, и подвергаться обстрелу.

Но как бы ни были устроены оборонительные сооружения, всегда надо так проектировать окоп и так располагать опорные пункты, чтобы была возможна взаимная поддержка фланговым огнем, главным образом, пулеметным. Непрерывные линии должны быть так применены к местности и получить такой излом, чтобы возможность флангового обстрела являлась сама собой, опорные пункты должны быть так расположены и иметь такой план, чтобы местность впереди каждого из них была под огнем соседних укреплений; наконец, задние опорные пункты не только должны обстреливать промежуток между передними, но иметь возможность держать под огнем и местность впереди передовой линии.

Форты против танков (Tankforts) лежат обыкновенно, буде возможно, командуя над местностью, непосредственно за главной оборонительной линией и таким образом, чтобы они могли поверх этой линии или после случившегося прорыва успешно обстреливать танки. Вся местность, на которой вообще возможна атака танков, должна ими вся обстреливаться. При известных условиях должны стоять наготове для помощи подвижные противо-танковые орудия.

Особенную важность представляет устройство заграждений. Вообще для них употребляется колючая проволока. Местность впереди позиции покрывается проволочными заграждениями на возможно большее пространство, чтобы возможно дольше задержать на них и подвергнуть огню обороняющегося атакующую пехоту. Но способы устройства заграждений могут быть очень различны. Строят или обширные горизонтальные заграждения из густо сплетенной колючей проволоки, которая привязывается к множеству рядов столбов поперек и накрест, или так называемые фландрские заборы; последние состоят из многих отстоящих довольно далеко друг от друга, высоких, но только редко заплетенных проволочных заборов, железные или деревянные столбы которых растянуты в стороны так же проволоками.

Горизонтальные заграждения представляют самую большую задержку для движения вперед, но легко узнаются с аэроплана и потому легко выдают положение всей позиции. Они также являются удобною целью для артиллерии и минометов. С другой стороны, фландрские заборы гораздо менее заметны и труднее разрушаются неприятельским огнем, но зато они представляют гораздо меньшее препятствие, чем горизонтальные заграждения. Поэтому, какой образец будет принят, всегда будет зависеть от тех или иных обстоятельств. Где возможно скрыть заграждение от взора неприятеля—даже из воздуха,—скорее, конечно, выберут горизонтальные. Между отдельными полосами или зонами заграждений помещают, наконец, еще капканы,—проволоки или петли, натянутые по самой земле или прикрепленные к ней, которые имеют целью заставить упасть атакующего противника, который не может их видеть.

Важен также способ расположения заграждений. Уже было указано, что особенно при часто переплетенных горизонтальных заграждениях надо иметь возможность стрелять поверх их. Далее важно так расположить заграждения и так их изломать, чтобы они могли обстреливаться вдоль пулеметами и чтобы повсюду имелись широкие проходы как для пропуска передовых постов при их отходе, так, с другой стороны, для возможности наступательных движений вперед через заграждения.

Эти проходы должны быть легко заметны для своих войск и возможно труднее заметны для неприятеля и должны быстро закрываться заранее приготовленным материалом (рогатками и переносными заграждениями). Они должны быть расположены под надежным (даже ночью) огнем собственных пулеметов. Пулеметы на всех оборонительных позициях должны быть, по возможности, совершенно укрыты от огня, а для стрельбы их нужно выставлять открыто, чтобы иметь свободный обстрел по всем направлениям.

Особенно затруднительно устраивать перед позициями заграждения против танков, так как они гладко укатывают проволочные заграждения, а через брустверы и рвы переходят без затруднения. Поэтому оборона против них основывается, в сущности, на обстреле из противотанковых орудий и на том, что пехота обстреливает их особыми противотанковыми ружьями с усиленными зарядами и пулеметами с особыми снарядами. При решительном нападении со стороны танков не легко сделать их неспособными к бою. Можно применять против них и местные преграды. Широкие и глубокие воронки, в которых почвенная вода собирается по крайней мере на 1 м. глубины, танки большею частью не могут преодолеть, так же трудна для них очень болотистая почва и рвы шире 4 м. при соответствую-

щей глубине. Шоссе против танков можно загородить крепкими бетонными глыбами, если их нельзя объехать. При этом допускаются отверстия для пропуска обыкновенных повозок и артиллерии. Наконец, можно на большие расстояния закладывать мины для танков, устроенные так, что для обыкновенной езды они безопасны, а при нажатии тяжелыми танками взрываются. Такие сооружения лучше всего построят саперы, или по крайней мере они будут руководить работами и проверять таковые.

Таким образом для специалистов получается масса задач, и если специальная служба в крепостной войне для них, по моему мнению, кончилась, зато деятельность их нашла теперь несравненно более широкие рамки, требующие гораздо больше сил, чем прежде. Если прежде они назначались для решения особых задач, то теперь они должны постоянно работать совместно со всеми родами войск и прежде всего в позиционной войне, но точно также и в маневренной, особенно в наступательных операциях.

Отсюда, как уже упомянуто, вытекает необходимость значительно усилить саперные войска, сравнительно с другими родами войск, но в то же время и обучить всех сапер одинаково всем их задачам, даже самым трудным, которые во всех углах обширных театров войны могли бы встретиться у каждой отдельной части. Но при этом не нужно одинаково обучать всех сапер всем специальностям, так как это не подсказывается необходимостью. Закладка мин и обслуживание огнеметов являются, например, такими службами, для которых в каждой роте нужно подготовить только отдельные группы специалистов, тогда как наводка мостов, трассировка укреплений и заграждений всякого рода, подрывные работы, бетонные, отвод воды и т. п. должны быть общим достоянием всего этого войска.

Постройка дорог по непроходимым местам относится тоже к работам полевой войны, которые должны быть хорошо знакомы саперам. Очень часто потребуется, при помощи заготовленных мостов и других вспомогательных средств, в самое короткое время местность, изрытую воронками, сделать проходимой для тяжелой артиллерии и зарядных ящиков. Вся рабочая сила для этого должна быть, конечно, доставлена из других источников, но руководство постройкой, и в особенности техническая сторона, должны быть в руках сапер.

С этой точки зрения безусловно необходимо придать каждый дивизии сильный саперный батальон в 3 или 4 роты, который постоянно находился бы в ее распоряжении. Но кроме того у военного командования должны быть еще особые саперные части, которые оно может распределять по отдельным фронтам и армиям для особых целей, которые не везде придется удовлетворять одинаково: постройка

тыловых позиций, наводка мостов через большие реки, быстрая постройка позиций и заграждений, которые одним дивизионным саперам не под силу. Наводка моста на Висле у Ивангорода и постройка зигфридской позиции служат примерами такой особой деятельности, для которой дивизионные саперы недостаточны, или к которой их нельзя привлекать.

Эти армейские саперы должны, конечно, существовать уже в мирное время. К началу мировой войны для этой цели служили тогдашние крепостные саперные батальоны, назначавшиеся первоначально для атаки крепостей. Так как в будущем такие уже не понадобятся, то было бы желательно кроме дивизионных сапер формировать еще корпусные саперные батальоны, которые в случае войны будут назначаться для особых задач.

Железнодорожные войска, значение которых также значительно увеличилось, должны подчиняться на войне исключительно верховному командованию, как в мирное время они подчиняются начальнику генерального штаба или особому инспектору. Восстановление взорванных путей, постройка новых железных дорог нормальной колеи и прокладка полевых достигли теперь, по сравнению с прежними войнами, неожиданных размеров. Все войска, особенно в позиционной войне, должны быть соединены с большими артериями подвоза широко развитой сетью полевых железных дорог, чтобы постоянно получать свое питание. Это обусловливает значительную, крайне увеличенную против прежнего, силу строительных и эксплоатационных рот, постоянное содержание которых едва ли вызовет особенно большие издержки, так как роты и в мирное время применяются для стройки и эксплоатации железных дорог и в этом смысле получат свое лучшее обучение.

Для их комплектования, как и сапер, уже в мирное время призываются преимущественно люди таких профессий, мирная работа которых уже составляет подготовку к их военной службе. Конечно, для пехотного боя в его простейших формах саперы и железнодорожные войска должны быть тоже обучены. Они при всех обстоятельствах остаются солдатами и никогда не должны делаться общегражданскими рабочими.

Одно только надо себе представлять совершенно ясно: хотя случаи применения сапер и подобных им войск значительно увеличились и число их заметно возросло, но все же этот род войск одного лишь не может исполнить, что до сих пор составляло его главную задачу, а именно: защитить укреплениями границу от действий неприятеля. Конечно, саперы в соединении с другими родами войск могут некоторое время задержать вторжение неприятеля, но вообще

обезопасить страну от неприятельских предприятий они не могут. Дальнобойные орудия, стреляющие теперь уже дальше 120 километров, разрушают местность на громадное расстояние и несут пагубу глубоко в неприятельскую страну. Поэтому теперь нет выбора: наступать или обороняться; остается только наступать, раз желают защитить свою страну от вторжений неприятеля.

Конечно, обороняющийся тоже может выставить дальнобойные орудия и таким образом до известной степени свести дело к прежнему положению; но все это будет не то. Очевидно, тот, кто хочет вести войну у своей границы, может уже в мирное время установить здесь орудия или, по крайней мере, подготовить их установку,—это конечно, может сделать и противник,—и эти орудия никогда нельзя будет разгромить в такой степени, чтобы они уже не были в состоянии сильно вредить стране врага, пока они не будут открыты и так задавлены, что не смогут больше стрелять; особенно их трудно открыть, если они стреляют с переменных позиций, которые даже летчикам нелегко сыскать, но тем не менее они едва ли когда-нибудь задержат самое наступление, и в результате их действие всегда останется сравнительно ничтожным.

Следовательно, кто не перенесет войну от собственной границы, всегда обречет широкую полосу своей страны на опустошение неприятельской дальнобойной артиллерией; кто хочет этого избегнуть, тот должен незамедлительно перенести войну в неприятельскую страну. Это значит, что все войны на будущее время должны быть наступательными, и тот, который опоздает с наступлением или потерпит в нем неудачу, тем самым отдает свою страну неприятелю; а противник *не может* поступить иначе, как постепенно обратить ее в пустыню, ибо таково следствие позиционной войны, являющейся теперь неизбежной. Горе тому, кто с самого начала не сумел бы перебросить войну от собственных границ; он лишился бы даже возможности отвратить от своей страны последствия войны и надолго навлек бы гибель на родные места.

Итак, если саперные войска и приобрели большее значение и влияние на приемы борьбы других родов войск, они, с другой стороны, все-таки уступают артиллерии и предоставляют больший простор атаке, чем можно было бы думать с первого взгляда. Их тактическое значение возросло, но стратегическое может выявляться только косвенно. Поэтому следует во всех случаях не забывать наступательной тенденции и обдумывать именно ее.

Такое ограничение имеет значение и в политическом отношении. Время маленьких государств, прикрывавшихся искусными укреплениями, прошло. В военном отношении они могут как-нибудь суще-

ствовать, но только примыкая к большим государствам, а нейтралитет их могут уберечь только политические данные. Какая-нибудь Бельгия возможна не иначе, как в теснейшем общении с одним из больших соседних государств, а какая-нибудь Голландия, Швейцария и Польша будут жить до тех пор, пока это будет в интересах более крупных и могущественных соседей.

Наступление, оборона и инициатива.

Клаузевиц в своем бессмертном труде „о войне“ провозгласил оборону более сильной формой боя. Этим он, конечно, не хотел отрицать больших материальных и нравственных преимуществ, представляемых инициативой и наступлением на войне, но хотел просто сказать, что при тогдашних условиях вооружения, предполагая одинаковые силы на обеих сторонах, обороняющийся оказывался в более выгодном положении [1]), что без сомнения верно. Это правило остается в силе и теперь. Но совсем иначе приходится ответить на тот же вопрос, когда дело касается ведения войны. Тут уже и во времена Клаузевица вопрос решали совсем другие факторы, чем одно чисто теоретическое преимущество обороны.

Доказал же Фридрих Великий в своей, и до сего времен непревзойденной, героической борьбе, как слабейший путем постоянного наступления и решительного сохранения за собой инициативы, заставляющей врага итти на поводу и вызывающей к бытию невесомые силы, может победоносно господствовать даже над исключительным превосходством сил. В этом смысле теперь, пожалуй, даже больше, чем когда-либо раньше, наступление если и не будет преимущественной формой боя, то, несомненно, явится преимущественной формой ведения войны и притом в такой степени, что пассивная оборона без всякой активности возможна будет разве только в исключительных случаях. Средства обороны, конечно, сильно возросли, но далеко не так сильно, как средства наступления.

Артиллерия ныне превосходит всякие оборонительные рессурсы; раз ей будет предоставлено достаточное время обстрелять позицию сосредоточенным уничтожающим огнем, никакая пехота в мире не сможет удержаться на этой позиции: она будет просто уничтожена. Пехоте ничего не останется делать, как спасать свою жизнь в непро-

[1]) Клаузевиц, создавая свое основное положение, был, несомненно, под сильным гипнозом нашей отечественной войны, что автор упускает из виду. *Прим. ред.*

биваемых закрытиях, пока последние не будут расстреляны; и только тогда пехота будет в силах употребить в дело оружие, когда неприятель свой огонь перенесет с обстреливаемой позиции в ее тыл, чтобы очистить дорогу своей штурмующей пехоте и помешать подходу неприятельских резервов.

Но могут заметить, что ведь и обороняющийся располагает такой же действительной артиллерией, и он скорее может разгромить наступающие войска, чем сделает это наступающий с обороняющимся, залегшим в устроенных позициях. Это, конечно, верно; но выгода наступающего состоит в том, что, захватив в свои руки инициативу, он тем выигрывает очень много во времени и потому может неожиданно собрать *превосходную* артиллерию против фронта, на который наступает; в результате он забьет артиллерию обороняющегося раньше, чем она успеет усилиться, и кроме того так разгромит его позицию, что она станет неспособной к сопротивлению. Возможность собрать для атаки многочисленную артиллерию и пехоту, а также танки, и с ними неожиданно напасть на врага,—вот что в первую голову обеспечивает атаке ее преимущество.

К этому присоединяется расчет преодолеть неприятельские заграждения танками, скрыть от неприятеля наступающие войска дымовой завесой и, наконец, большое нравственное превосходство, которое с собою несет наступление. Для солдата нет ничего тяжелее, как находиться в бездействии, видя вокруг себя уничтожающий огонь и, сидя сложа руки, каждый миг смотреть смерти в глаза. Тут заговорят все слабые стороны характера; страх закрадется и в храбрые сердца.

С того момента, как можно начать действовать, сражаться, стрелять и бросаться вперед, внутреннее напряжение переносится уже легче, и за душевным облегчением нередко следует беззаветное геройство. Это преимущество активности является прежде всего уделом наступающего, но оно так значительно, что и обороняющийся должен стараться использовать его, хотя бы частью. Так как *неподвижная* (starr) оборона против противника, особенно сильного артиллерией, скорее всего будет достаточно безнадежной, если к тому же обороняющийся не укрыт от огня, то последний обязан за своими передними линиями держать наготове сильные резервы, чтобы встречным ударом отбросить назад прорвавшегося неприятеля.

Этим резервам, конечно, придется в этом случае проходить сквозь неприятельский уничтожающий огонь или через огненный вал противника, и они, естественно, понесут при этом тяжелые потери, но, во-первых, в таком огне им не придется быть долго, да кроме того они сами почувствуют потребность быстро итти вперед, чтобы выбраться из сферы этого огня. Тут-то при обороне как раз и уместна

деятельность танков; атакующий в минуту своего прорыва может иметь под рукою немного орудий, опасных для танков, поэтому, несомненно, они будут в силах помочь пехоте в ее встречном ударе. Все-таки задача и в этом случае остается трудной, так как приходится считаться с превосходной артиллерией атакующего, могущей расстрелять танки и издалека.

Если в позиционной войне атакующий таким образом имеет уже тактическое преимущество только благодаря неожиданности и танкам, то в маневренной войне это может случаться еще чаще, так как здесь не только будет иметь место неожиданное сосредоточение больших сил под прикрытием завесы, но рядом с этим возможны подготовка и проведение внезапных, охватывающих и тому подобных маневров. Захваты врасплох тут возможны гораздо чаще.

В маневренной войне возможность разведки во всяком случае гораздо больше, чем в позиционной, потому что где ведут бой отдельными группами войск, там они подставляют свои фланги для разведки, и значит разведывательная работа конницы может в этом случае дополнять воздушную разведку, между тем как в позиционной войне кавалерия, как таковая, совершенно исключается и всегда приходится довольствоваться наблюдением только того, что происходит позади линии неприятеля. И несмотря на это, преимущество остается все же на стороне наступающего.

В маневренной войне возможные оперативные передвижения многочисленны, очень разнообразны и часто с трудом разгадываются, к тому же оперативное движение, приводящее к бою, протекает сравнительно быстро и потому лишает обороняющегося возможности вовремя принять свои меры, если бы он даже отгадал наступательные движения врага. Наконец, в маневренной войне надо обходиться имеющимися налицо путями сообщения, а непредвиденные переброски войск (снарядов и снабжения) большею частью гораздо труднее исполнимы, чем в позиционной войне, когда за позициями находится обыкновенно собственная, приспособленная и построенная, согласно с местными условиями, сеть сообщений, полевых железных дорог, артиллерийских, интендантских и инженерных складов, что чрезвычайно облегчает все передвижения войск.

Еще большим, чем на самом поле сражения, оказывается преимущество наступающего при рассмотрении стратегического положения в целом.

На длиннейшем фронте, как, например, между швейцарской границей и Ламаншем или между Балтийским и Черным морями, наступающий может наметить пункт, где он решит атаковать. Он всюду может производить демонстрации и тем вводить противника

в заблуждение относительно пункта атаки, а обороняющийся принужден быть везде готовым к отражению. При выяснении обстановки для обороняющегося могут служить указанием только наиболее вероятные операционные направления врага и очертание его железнодорожной сети. А затем к его услугам останутся лишь сведения агентов, показания пленных и перебежчиков, подслушанные переговоры и воздушная разведка. Но последней приходится разрешать чрезвычайно трудную задачу, так как все оперативные движения совершаются ночью, а все расположения батарей и позиционные постройки, по возможности, прикрываются маскировкой от взоров из воздуха.

Сверх того почти невозможно отличить ложные приготовления от настоящих. Только по усилившемуся железнодорожному движению в тылу неприятельского фронта часто можно будет заключить о наступлении противника, но и в этом случае демонстративные движения могут ввести в обман. И на самом деле, как нам, так и нашим противникам не раз удавалось скрыть намеченные наступления, хотя были и такие случаи, когда намеченное наступление из-за недостаточной маскировки отгадывалось верно, а затем благодаря своевременно принятым мерам терпело крушение.

Следовательно, в то время, как наступающий точно знает наперед, где он соберет свои силы и наметит подготовительные меры к атаке, обороняющийся вынужден держать свои войска, запасы снарядов, а в известных случаях и продовольствие, собранными в центральных пунктах. Он должен также иметь наготове подвижной состав железных дорог и автомобили, чтобы перевезти эти запасы, как только наступательные намерения противника будут узнаны точно. Ошибочная переброска сил может оказаться роковой. Она заставляет прибегать к вынужденным мерам, импровизированным передвижениям войск, расчленению высших войсковых единиц и им подобным, часто пагубным вспомогательным приемам. Такие распоряжения слишком легко расстраивают планомерность передвижения войск и подвоза, без которой вообще нельзя управлять массами современной войны, и слишком скоро подрывают моральную силу войск, которая, как мы еще увидим, теперь более, чем когда-либо, является решительным фактором.

Наконец, превосходство наступательного образа действий заключается еще в том, что *он один* может принести решительный исход. Одной обороной победить нельзя. Даже успешная оборона только тогда может дать перевес, когда она позволяет перейти к атаке, ищущей решения. Победа при обороне останется всегда только половинной победой, и надежда побудить противника к миру утомлением, т.-е. тем, что заставляют его силы истощаться, по существу своему фальшива и ошибочна; никто путем обороны не заставит врага расходовать свои

войска, если он с своей стороны не станет искать решительного исхода в атаке и тем опять-таки не докажет, что только наступательный способ войны может привести к победе.

Если надеяться достигнуть такого разгрома врага, чтобы он в силу истощения увидел себя вынужденным к миру, опять-таки надо его вновь и вновь атаковывать, чтобы заставить расходовать свои силы. Пока же предоставляется на добрую волю врага, желает ли он, и в какой мере желает, жертвовать своими силами, нечего, конечно, думать о конце войны, так так решение этого вопроса тем самым предоставляется усмотрению неприятеля.

Профессор Ганс Дельбрюк[1]), известный гражданский стратег изобрел для этого отрицательного способа ведения войны название „стратегия изнурения“ (Ermattungsstrategie) и думал сказать этим что-то очень остроумное. На самом деле, конечно, такой стратегии нет которая стала бы избегать атаки, чтобы достигнуть победы изнеможением противника. Затяжное ведение войны скорее означает только то, что решение дела оружием хотят отсрочить, и е чувствуя себя в силах для такого решения, но отказываясь временно от победы, тем самым предоставляют противнику решить, как долго ему угодно будет продолжать свои усилия. Исхода войны в этом именно случае,—если вообще он имеет место,—ожидают от обстоятельств, не обусловленных самым существом войны.

Войны Фридриха Великого дают только кажущееся доказательство правильности учения Дельбрюка. Противники Пруссии боялись, конечно, решений боем и старались выиграть войну утомлением неприятеля, в действительности же они ее проиграли. Они утомились раньше, чем король. Последний воспользовался этой боеобязнью и давал сражения только тогда, когда видел себя к этому вынужденным Война давно кончилась бы победоносно для австрийцев и их союзников, если бы они имели решимость добиваться результатов путем боя

Следовательно, наступление во всех случаях будет необходимым условием для победоносного решения войны, если только это решение вообще ожидается от того или иного способа ведения войны, а не от какой-либо перемены в политических и экономических условиях, господствовавших при начале войны. Даже в случае стратегической обороны наступление составляет всегда решительный момент. Оно является вообще душой войны, и все военное искусство должно в конце

---

[1]) Историк, автор многих трудов, соприкасающихся с военным делом напр., „Geschichte der Kriegskunst“ (в 3 томах), „Die Perserkriege“, Leben..... v. Gneisenau и т. д. Бернгарди и Дельбрюк—горячие литературные враги. *Прим. ред.*

концов свестись к тому, чтобы привести к решительному удару при благоприятных условиях. То обстоятельство, что, несмотря на это, иногда все же приходится оставаться в чисто оборонительном положении, по крайней мере стратегически, конечно, ничего не изменяет в этом основном законе войны. В этом случае именно и ведут затяжную войну, но только для того, чтобы в другом месте или другим способом создать обстановку, выгодную для наступления.

О „законе числа", который я в другом месте развил подробнее [1]), мне приходится здесь только упомянуть. На войне выигрывает не число само по себе, но решающей является возможность собрать на решительном поле сражения или театре войны численное—духовное и нравственное—превосходство. Где это является достижимым, война, понимая ее под чисто военным углом, имеет свое оправдание, в остальных случаях придется ожидать благоприятных решений только от обстоятельств, стоящих вне зависимости от военных успехов.

Надо, следовательно, дабы к началу войны быть правым в военном смысле, иметь вероятность одержать над врагом столь решительную победу, чтобы он не имел более силы в свою очередь еще раз доводить дело до боя с надеждою на успех. Такая победа вообще может быть добыта только атакой, а для закрепления достигнутого успеха она должна быть по крайней мере использована посредством атаки.

Этот закон, конечно, сохраняется и в условиях мировой войны, и притом в том виде, как он сложился в истории; он намечает соотношение между обороной и наступлением в сфере наиболее высокого обобщения. Возможность перейти к необходимому, каковы бы ни были обстоятельства, наступлению дает меру для оправдания обороны. Это надо иметь в виду на протяжении всего ведения войны и притом теперь больше, чем когда-либо, так как наступление как стратегически, так и тактически, без сомнения, стало ныне более сильной формой и ведения войны, и ведения боя.

Таким образом наступление является душой всякого ведения войны, и хотя его и нельзя достигнуть при всех положениях, но даже и при обороне атака остается всегда руководящей задней мыслью, а отсюда получается то логическое следствие, что на войне всегда надо стремиться сохранить за собой инициативу. Это, конечно, общеизвестное правило военного искусства, и я не говорю ничего нового, когда снова высказываю его. Инициатива представляет выгоду, которую никогда нельзя переоценить и которая сводится к тому, что противнику навязывается закон собственных действий, а не приходится принимать таковой от неприятеля. Никогда не впадая в пассивное ожидание, всегда что-нибудь предпринимая, создавая все новые

[1]) Современная война, т. I, стр. 53—67.

условия, можно заставить противника считаться с нашими предприятиями и постоянно менять собственные планы, привязанные к той обстановке, которая меняется под влиянием инициативы. Таким путем при всех операциях можно сохранить за собою перевес и всегда иметь выигрыш во времени и пространстве.

При этом между инициативой и наступлением надо все-таки делать существенную разницу. Захватить или удерживать инициативу —это еще не значит всегда иметь в виду наступление.

При обороне также можно и должно стараться сохранить за собой инициативу или стремиться вновь захватить ее, если она утеряна. Я уже указывал на то, что неподвижная оборона никогда не может привести к положительному результату, часто не приводит даже и к успешному отражению. Поэтому каждая оборона потребует соответствующего наступления, в целях ли удержания за собою или взятия обратно атакованного неприятелем фронта, или в целях атаки в другом пункте, где неприятель ослабил себя, или где мы сами, может быть, решили добиться успеха. В этом и проявится одно из средств вернуть в свои руки потерянную инициативу и снова предписывать законы противнику.

С другой стороны, ведь никто не заставит во что бы то ни стало принимать атаку на той позиции, которую избрал противник. Если не особенно важно потерять известную местность, можно ведь с успехом отойти на лучшую тактически, может быть, уже заранее устроенную и укрепленную позицию, и тем поставить неприятеля в тактически невыгодное положение; или можно такой отход соединить с преднамеренным наступлением, подготовляя на позиции, куда отходят, контр-атаку и затем производя ее неожиданно против неподготовленного тогда противника. Самое главное сведется к тому, чтобы быть всегда господином пространства и времени и неожиданным для врага образом заставлять его сообразоваться с нашими мерами и признавать закон деятельности, нами ему навязываемый. В конце-концов, конечно, результатом инициативы должен быть всегда решительный бой, т.-е. наступление или оборона, но с последующей контр-атакой.

Чисто пассивная оборона уместна только в том случае, когда на местности, особенно удобной для отпора, с обеспеченными флангами, приходится бороться с превосходными силами противника для выигрыша времени. Такие случаи возможны, например, когда имеется расчет на позднейшее вмешательство сильного союзника или на освобождение своих наступательных сил на другом театре войны. Подобные случаи будут встречаться довольно часто. На тех же театрах, где добиваются решительного исхода, они немыслимы или они возможны и осуществимы, но только в самом небольшом масштабе для частных боев.

Принципы наступления.

Наш старый прусский устав считает одновременную атаку с фронта и с флангов обороняющегося самой выгодной формой тактического наступления. Эта мысль верна только в мелких случаях, когда огонь с фронта и с флангов дает одновременный результат против обороны на всем ее протяжении. В остальных случаях она неправильна в основе.

Когда устанавливают какое-либо правило, естественно предполагают на обеих сторонах одинаковые силы и вообще одинаковые условия. В указанном случае обороняющийся, благодаря его более прочному положению в центре, может с успехом оборонять его более слабыми по сравнению с наступающими силами и в то же время может сгруппировать *превосходные* силы для обороны своих флангов А поэтому в бою на флангах, решительном по своему направлению, он будет иметь перевес и значит—ceteris paribus [1])—выйдет победителем. Это математически верно. Выгода, представляемая наступлением даже в современной войне, не достаточно велика, чтобы уравновесить эту выгоду обороны. Неправильное учение нашего устава предполагает в себе фальшивую предпосылку, что у атакующего будет превосходство сил числом или боевою годностью.

Единственное формальное правило наступления, которое мы имеем в области тактики, оказывается таким образом неверным, а в области стратегии нет вообще никаких правил. И это вполне понятно, потому что условий, при которых стратегическое наступление может или должно производиться, так много, что для него, повидимому, невозможно установить какой-нибудь общей нормы. Да и тактически теперь повидимому, тоже невозможно дать определенный рецепт, после того как война приняла столь разнообразные формы, с одной стороны, в маневренной войне и с другой—в позиционной. И тем не менее могут быть намечены некоторые основные положения, пригодные как

[1]) „При равенстве прочих условий". *Прим. ред.*

тактически, так и стратегически: из них в каждом частном случае можно вывести форму наступления, принимая во внимание все специальные условия.

Одно правило высказал Фридрих Великий; оно гласит: „Кто хочет прикрыть все, не прикрывает ничего“. Другое фельдмаршал Гинденбург выразил словами: „Никогда не следует сражаться без решительного пункта удара (ohne Schwerpunkt)“. Оба выражения дополняют друг друга и по духу являются одним и тем же.

Выражение Фридриха Великого по звуковому смыслу слов с первого взгляда кажется чисто оборонительного свойства. Но при ближайшем рассмотрении можно скоро узнать его вполне наступательный характер. Только если понимать „прикрытие“ в смысле наступления, фраза будет иметь стратегический разум. Если длинный фронт хотят защитить пассивной обороной, а часть его оставят незащищенной, неприятель, конечно, сюда ворвется, зайдет во фланг и в тыл занятого им фронта и таким путем достигнет решительных успехов. Если бы, например, король Фридрих, которому надлежало прикрывать Восточную Пруссию и Силезию, решился покинуть Восточную Пруссию, чтобы со всей своей армией оставаться в Силезии в оборонительном состоянии, он, без сомнения, проиграл бы войну, и притом в кратчайшее время. Когда же он, не раздробляя своих сил на обе охраняемые провинции, решительным наступлением сперва разбил своего противника в Силезии, чтобы потом также наступательно повернуться на Восточную Пруссию и там тоже выиграть сражение, прежде чем его противник успел собраться с силами в Силезии, тогда он сумел прекрасно прикрыть обе провинции, хотя временно и оставлял одну из них; и тогда его выражение: „кто хочет прикрыть все не прикрывает ничего“, находит свое полное оправдание.

Если бы он с самого начала разбросал свою армию по двум провинциям, он, по всем вероятиям, нигде не одержал бы победы, потому что везде был бы слишком слаб. Отсюда мы видим, что смысл слов великого короля в точности тот же, что и фельдмаршала. Теперь формулировали бы эту мысль так: я сперва решительный удар наношу в Силезии и отказываюсь на первое время обеспечивать Восточную Пруссию достаточными силами, чтобы после победы, одержанной в Силезии, перенести мой удар в Восточную Пруссию. То же мы видим и при начале мировой войны: Силезия и Познань почти совсем лишены полевых войск и охраняются только слабыми пограничными частями, между тем как настоящая боевая армия сосредоточивается в Восточной Пруссии, чтобы отсюда действовать наступательно, совсем в смысле фридриховского выражения: „кто хочет прикрыть все, не прикрывает ничего“ и гинденбурговского учения о решительном пункте удара.

В том же духе к началу войны была сгруппирована германская армия. На востоке были оставлены для обороны только слабые силы главная же масса армии была сосредоточена против Франции, чтобы здесь нанести первый решительный удар. Конечно, позволительно задать вопрос, не слишком ли рано войска были переброшены с запада в Восточную Пруссию, прежде чем был достигнут положительный результат во Франции. Задача освободить Восточную Пруссию от врага и защитить остальные восточные провинции была, правда, вполне достигнута, но зато в решительном сражении на Марне мы были слишком слабы, чтобы стратегически использовать уже отчасти добытую тактическую победу, и в этой неудаче, как можно видеть теперь, уже заключался отчасти исход всей войны.

Как долго можно оставлять одну часть театра войны беззащитной или занятой только слабыми, оборонительными силами, чтобы в другом месте добиться победы, это раз навсегда определить невозможно. Это зависит от самых разнообразных обстоятельств: от наступательных намерений и сил противника, от того значения, которое имеет для всего ведения войны оставленная в начале область, и от возможности быстро и целесообразно перебросить войска в угрожаемую местность. Можно установить правилом: ту или иную область можно отдать на такое продолжительное время, чтобы неприятель не успел извлечь из нее столь большую выгоду, которую потом никакая решительная победа не могла бы окупить в другом месте.

Тут иллюстрацией может служить также начало мировой войны Если бы мы не поддержали с запада армию в Восточной Пруссии, мы, конечно, не выиграли бы сражения у Мазурских озер и должны были бы постепенно отойти за Вислу; но русских мы могли бы и потом задерживать еще долго, до появления серьезной угрозы Берлину, который, как центральный пункт всей нашей обороны, надо было удерживать во что бы то ни стало. Но зато мы, вероятно, блестяще выиграли бы сражение на Марне, окончательно разгромили бы Францию раньше, чем Англия могла выставить свою миллионную армию. и, вероятно, добились бы скорого мира. С чисто военной точки зрения мы и после сражения на Марне могли прибыть во-время, чтобы спасти Берлин, выгнать обратно русских из страны и победоносно окончить войну на востоке. Этого, конечно, нельзя доказать математически, и высказанная мысль не должна быть рассматриваема, как критика нашего ведения войны, на которую может дать право только подробное знакомство со всеми обстоятельствами; мы привели только пример, чтобы иллюстрировать военное правило. Здесь имеет место закон дей-

ствия по внутренним операционным линиям, и пред нами только отдельный случай ученья о решительном пункте удара [1]).

Это учение имеет свое значение и в стратегии, и в тактике. Оно есть или должно быть *основной мыслью каждого наступления*. Фридрих Великий, как некогда Эпаминонд при Левктрах и Мантинее довел ее до окончательного результата в форме косого боевого порядка, примененного Фридрихом при Лейтене и Россбахе. Тут он перенес весь центр тяжести на атакуемый фланг и в этом отношении пошел так далеко, что совершенно „рефюзировал" другой фланг, т.-е. совсем оставлял его без внимания, по своей фланговой атакой заставлял противника переменять фронт и начинать новое движение; разбивши же атакованный фланг, король бросался на другие части в момент их перестроения и наносил поражение.

Конечно, нельзя употреблять этот рецепт при всех случаях, Фридрих Великий тоже не делал этого. Но как бы ни велось наступление, оно постоянно должно намечать решительный пункт удара. В маневренной войне дело сравнительно просто. Надо только не упускать из виду возможности отхода. В остальном всегда будут стараться направить главную силу удара туда, где успех больше всего может повредить неприятелю.

Если, например, приходится наносить фронтальный удар, то там, где дело касается длинных фронтов, будут стремиться к победе посредством прорыва и направят главный удар или туда, где более всего вероятен быстрый успех, или в такую часть занятого неприятелем пространства, откуда всего легче опрокинуть остальной неприятельский фронт или угрожать его путям отступления.

Если возможно атаковать неприятельское крыло с охватом, то постараются выбрать и уже издалека наметить удар против такого из них, с которого легче всего отжать противника от его тыловых сообщений. В эту-то сторону и направляется главная боевая масса. То же самое относится и к двойному охвату, какой, например, был исполнен в сражении при Таннеберге. При этом всегда важно быть особенно сильным там, где пролегают сообщения противника, и направлять главные силы туда, где противник больше всего постарается избегнуть охвата. При Таннеберге таким был правый русский фланг.

---

[1]) „Современная война", т. II, стр. 63—66. Автор относительно действий по внутренним операционным линиям держится среднего вывода; с одной стороны, он критикует Жомини, видевшего в таких действиях главный секрет военного искусства, но с другой, он восстает и против тех, которые при современных условиях считают действия по внутренним линиям почти невозможными.

Прим. ред.

Конечно, при таких распоряжениях не всегда будут достигнуты полные результаты. И Фридрих Великий мог дать сражение при Лейтене и Россбахе только благодаря особенно благоприятному стечению обстоятельств, потому что сражение в маневренной войне создается в процессе развития операций, и в ней не всегда можно предвидеть, как сложится обстановка к моменту боевого столкновения. При нынешних массовых армиях предвидеть обстановку еще более трудно, чем прежде, когда даже на поле сражения можно было импровизировать перегруппировку войск, что теперь уже невозможно. Тем более полководец должен теперь уже издалека по общей обстановке стараться разгадать, как сложатся обстоятельства, и согласно с этим распределить свои силы, наметить операционное направление и организовать тыл, чтобы тогда, когда дело дойдет до решительного боя, быть в силах направить свой решительный удар в самое решительное место.

Иначе обстоит дело в позиционной войне. Здесь, во-первых, всегда дело идет о чисто фронтальном ударе даже в том случае, когда хотят охватить какую-нибудь выдающуюся часть неприятельской позиции. В этом случае точка решительного удара является определенной. Главный удар при этих условиях направится не против выдающейся дуги, но против той части неприятельского фронта, где дуга примыкает к остальной позиции, так что в случае удачи части противника, расположенные в самой дуге, окажутся взятыми во фланг и в тыл, а при известных условиях могут быть и отрезаны. В остальном главный пункт удара должен сообразоваться с местностью, с перспективами действия неприятельского оружия и с задачей операции, подсказанной общей обстановкой. Но всегда следует наступающую массу сил сгустить в определенном направлении, а не направлять их на врага равномерно распыленными по всему фронту.

Ближайшие распоряжения, которые должны быть отданы при этом, будут рассмотрены позднее, когда пойдет специальная речь о прорыве.

Источники силы.

Число играет на войне исключительно важную роль и является при условии, что остальные данные для боя одинаковы и одинаково искусно использованы,—силой, решающей бой и войну. Но такие предпосылки, на которых основывается громадное значение числа, фактически никогда не встречаются.

Рядом с числом имеются другие данные, так же влиятельные и в этом смысле очень различные между собою. Тактическое достоинство войск, различие вооружения, искусство вождения, руководящие силы, определяющие вообще войну, изменчивое влияние местности, характер воюющих народов—все это—данные или усиливающие, или понижающие значение численности и при известных условиях делающие численное превосходство даже опасным. Но влияние численности в разные эпохи бывает различно, и потому является существенно важным уяснить, в чем при нынешних обстоятельствах следует искать истинные источники силы. Многолетняя война научила нас отличать кажущееся от существенного, и в вихре сменяющихся явлений выделять действительно руководящие элементы.

Кто не знает из истории, в какой мере великий полководец способен увлечь свои войска на самые необычные подвиги? Какому прусскому офицеру не известен факт, что дух и моральная сила войска более ценны, чем простая масса? Кому не известно из наших войн за освобождение и из подъема 1914 г., какие громадные силы может вызвать к жизни идея вообще, что может дать воодушевление, которое вело наши молодые войска в бой, на смерть и к победе, под пение немецких патриотических песен? Однако, и эти, повидимому, чисто духовные и нравственные ценности чрезвычайно много зависят от внешних обстоятельств. При этом дело сводится большею частью к массовому внушению, потому что самостоятельные, коренящиеся в глубине души, нравственные силы свойственны всегда только немногим людям; масса же определяется внешними условиями и всецело

зависит от них. Сердце масс вообще способно к воодушевлению; этому нас очень внушительно научила война.

Но при этом прежде всего вспомним слова Гете: „Воодушевление не селедочный товар, который можно поддержать в цене на много лет". Оно может вскипеть моментально, охватить массы и увлечь их, но оно редко выдерживает тяжелые и опасные обстоятельства, если только оно не создано успехом и не поддержано крупными, властными личностями. Только немногие богом одаренные люди способны на прочное, не поддающееся даже несчастью самостоятельное воодушевление.

Кто, например, считал бы возможным, чтобы тот самый народ, который в 1914 г., полный воодушевления, спешил к знаменам и казался способным на всякие жертвы, чтобы он после нескольких лет войны, не выстрадав даже тяжести вражеского вторжения в родные пределы, кроме Восточной Пруссии, в своей громадной массе стал руководиться только чисто личными желаниями и интересами, чтобы у него исчезла всякая патриотическая гордость,—словом, чтобы он упал до того низкого уровня бессознательности, до которого он опустился в 1918 г.? Военные стяжатели и рабочие, оплаченные много свыше своей продуктивности, роскошествуют в материальных наслаждениях и потеряли всякое чувство государственной чести и забыли о будущем родины, а гидра партийной политики подымает свою отвратительную голову и старается на огне общественной нужды изготовить свою жалкую стряпню.

Воистину, никогда нельзя было доказать более ярко, что патриотическое воодушевление не есть прочная и здоровая почва для гордого растения военной силы. Как бы ни велика была идея, как бы ни охватывала она будущее, она не в состоянии надолго поднимать массы, по крайней мере немецкого народа, на военные подвиги. Конечно, есть еще тысячи гордых сердец, не желающих преклоняться перед общим позором, но у них нехватает смелости действовать, и их желание остается мертвой силой, последними судорогами умирающего.

Нравственная сила всего народа теперь гораздо больше, чем прежде, определяет нравственные силы армии. Во времена Фридриха Великого армия была до известной степени посторонним телом в государстве, и война в своих проявлениях не была делом всего народа. Военное счастье только там затрогивало самих жителей, где неприятель вторгался в родную территорию: настроение населения, скажем его малодушие, не могли непосредственно влиять на армию, потому что связь между нею и массой народа была очень слабая; переписка солдат равнялась нулю. Теперь совсем иное. Миллионами писем на-

строение народа из родины переливается в душу войск и либо укрепляет, либо расшатывает их волю к победе и их солдатскую уверенность.

Поэтому население страны в высокой степени ответственно за дух борющейся армии и вместе с тем за ее способность на военные подвиги. Но настроение родины—шаткий элемент, могущий действовать на войско как подымая и укрепляя его, так и вредя и принижая. Поэтому это колеблющееся влияние надо, по возможности, регулировать. Всеми средствами надо стремиться сделать дух войска независимым от пагубных влияний, но не отнимая у него силы, которую ему может придать героическая воля родины. Эта же воля сильно зависит от военных успехов и от степени страданий и лишений, причиняемых населению войной.

Самые благородные, самые истинные идеи теряют свою власть над толпой, раз их не сопровождает победа и раз они связаны до некоторой степени с личными лишениями. В этом случае дурные элементы народа, политические подстрекатели, приносящие общественную беду в жертву личным целям, и люди слабые духом, стремящиеся передать собственную трусость толпе, чтобы успокоить собственные нервы, слишком легко приобретают руководящее влияние, и их учение заглушает голос долга и чести, „ибо человек и собака одинаково жалкие твари“[1]). Как этот акт разыгрался в Германии к концу войны, у всех перед главами.

Солдат, как идеал, должен быть, по возможности, независимым от результатов войны. Даже при тяжелых неудачах он не должен колебаться в своем чувстве долга и желании победить; он должен даже вырастать после испытаний, как пруссаки после Гросгершена и Бауцена. Чем тяжелее задача, чем больше опасность и, может быть, нужда, тем тверже должна быть воля, тем больше должно быть напряжение, тем крепче исполнение долга. Солдат не должен поддаваться телесным страданиям и лишениям, не должен колебаться в исполнении своих нравственных и военных обязанностей, хотя они порой и превосходят пределы выносимого. Воля к победе должна быть сбережена! Она сама по себе—неисчерпаемый источник силы, ведущей к окончательному успеху, несмотря на всевозможные несчастия.

Конечно,—ведь все человеческое несовершенно,—не всегда не вполне возможно будет достигнуть этой независимости солдата особенно при условиях всенародной войны, когда все способные носить оружие должны быть призваны, и когда так трудно во вновь сформированных полках, составленных из самых разнородных элемен-

[1]) Гете.

ов, развить ту внутреннюю спайку, которая отличает кадровые части. Все-таки имеются средства влиять на дух солдат в желаемом направлении, если таковые применять сообразно с положением и обстоятельствами.

Во-первых и прежде всего, здесь придется назвать дисциплину, т.-е. привычку солдат к приличию, порядку, подчинению и послушанию, которые должны стать их второй натурой. Она должна действовать, как гипнотическое внушение, она должна представляться солдату, как неустранимая власть, как господствующий над ним железный закон. Но она будет действовать тем более властно, если в душе подчиненных одновременно с привычным повиновением будет жить доверие к начальнику, убеждение, что последний—их лучший друг, который непрестанно о них заботится, всюду идет во главе их добрым примером, а в тяжелых и опасных положениях прекрасно умеет рассудить что надлежит делать.

Эти две данные, самовнушаемое (autosuggestive) подчинение и непоколебимое доверие к начальникам, составляют основание дисциплины. Они должны быть цементом, скрепляющим армию в самых тяжелых условиях; на товарищеской верности солдат друг другу и на искренней преданности начальнику держится в крайнем случае оперативная ценность войска, если они связаны с соответствующей военной подготовкой. Одновременно с подчинением и доверием к начальнику солдат, чтобы быть в состоянии побороть все опасности и удовлетворить всем требованиям, должен вполне владеть своим ремеслом и приобрести известные тактические понятия, касающиеся возможного круга его деятельности; эти познания сделают его способным действовать самостоятельно, когда его начальники падут и когда он будет предоставлен только собственным силам, чтобы справиться с боевой задачей данной минуты. Из этих умения и знаний вырастает потом солдатское самосознание, которое становится могучим рычагом на путях боевой работы, каким оно и должно быть.

Где в одной части окажется возможно большее число сознательных, одновременно же хорошо дисциплинированных и верных солдат, там будут данные для высшего проявления силы. Но эти свойства недостаточны, чтобы предохранить армию от разлагающих влияний родины. Конечно, влияние начальников, пользующихся доверием боевой массы, много может сделать и в этом направлении, но все-таки необходимо, чтобы армия в известном смысле внутренно отгородилась от родины и чувствовала себя, как нечто к ней противоположное, хотя она и есть настоящее народное войско.

В армии должно развиваться гордое сознание солдатского звания по сравнению с населением на родине. И на это армия имеет полное

право. В то время как на родине, где она непосредственно не задета войной, население должно претерпевать только некоторые, хоть и тяжелые лишения, солдат ставит на карту свою жизнь и подвергается бесчисленным опасностям, часто при самых тяжких физических страданиях и лишениях. Он, покинувший семью, часто в нужде и заботах, лежит одиноко в поле, в сыром окопе или в открытой воронке, далеко от друзей и знакомых, которые могли бы поддержать его, но которые вместо этого часто терзают и тревожат его своим малодушием и своими преувеличенными опасениями. И он, конечно, имеет право чувствовать себя чем-то особенным, считать себя единственным *истинным представителем* народа и родины и с гордостью смотреть сверху вниз на людей своей страны, которые, им охраняемые, живут в безопасности и все-таки слишком часто только ноют, стонут и вместо дел платят одними словами.

Начальники должны все делать для того, чтобы взрастить у солдат такое сознание собственного достоинства и выявить армии ее собственную цену. Где дело касается старых знаменитых полков, имеющих великие традиции, это сравнительно легко, ибо там можно ссылаться на славную историю. Но на войне, как последняя, которая призвала к оружию весь народ, которая заставила создать множество новых полков, которая разорвала старые, крепко спаянные кадры офицеров и заполнила их молодыми неопытными офицерами запаса, которая всюду нарушила старый привычный порядок, держала постоянно все войска вперемежку и нигде не дала возможности создаться крепким и сжившимся высшим соединениям,—на этой войне дело обстояло уже значительно труднее. Тут нужно, чтобы старшие офицеры, которые все-таки все имеют за собой более длительный стаж действительной службы, а с нею и богатый опыт, неутомимо занимались наставлением своих подчиненных и помогали им правильно влиять на войсковые массы.

Особенно важно и унтер-офицерский состав сделать носителем солдатского духа. Но решающей личностью во всяком случае является командир полка. Каков командир, таков и полк; это и в этой войне, когда батальонными и ротными командирами подчас были молодые неопытные офицеры, обнаруживалось на каждом шагу. Но заботу о материальном благосостоянии войск можно и должно требовать и от самых младших офицеров. Она немало помогает начальникам приобрести доверие своих подчиненных. Удивительно, например, в какой степени организация продовольствия действует на дух войска. Долгое в отсутствие картофеля не раз отражалось вредно на готовности итти в бой таких дивизий, которые были на счету храбрых.

Важно также в нужную минуту дать части действительный безопасный отдых, а не вытягивать из нее последних соков. Если в этом направлении слишком натянуть струны, можно сделать часть на долгое время небоеспособной, между тем как отдых, хотя и краткий, но предоставленный в нужную минуту, часто творит чудеса, восстановляя полную боевую мощь и притом часто в удивительно короткое время. Особенно высшим штабам, которые слишком склонны с легкостью передвигать дивизии взад и вперед, как шашки, нужно настоятельно рекомендовать в полной мере считаться с этими психологическими моментами. Человек в своем духовном поведении много зависит от состояния его тела: голод, переутомление, долгое пребывание в беспрерывной опасности для жизни, под оглушительным для нервов воздействием грома орудий и падающих и лопающихся кругом гранат производят впечатление, которое не проходит бесследно и которое в конце-концов парализует нравственные силы.

Наконец, надо еще указать на влияние, которое полководец может оказать на всю армию. Как дух полка зависит от духа полкового командира, так дух армии зависит от сердца полководца, хотя он и не всегда проявляется в результатах. Есть какие-то таинственные нити, которые душу полководца единят с сердцами его подчиненных. Их нельзя доказать, но они действуют с удивительной силой. В этом проявляется бессознательная сила внушения великого человека. Это таинственное влияние основывается сначала на успехе, а раз оно укоренилось, оно переживает и тяжелые неудачи. Фридрих Великий после Коллина и Кунерсдорфа был так же любим своими войсками, как и после своих первых блестящих побед, а ореол славы Наполеона, добытый на полях сражений 1796 г., пережил в его армии даже катастрофу 1812 г. и поражение под Лейпцигом.

При теперешних условиях эта властная мощь крупных личностей тоже чувствуется, но ее уже не так легко поддерживать, как прежде, потому что теперь слишком много вредных влияний с родины обуревают душу солдата противоречивыми чувствами. Гинденбург, благодаря сражению при Таннеберге, сделался героем армии, и остался им вопреки всем победам, одержанным другими вождями, ибо солдату доступно исключительное, хотя и полусознательное понимание силы личности и ее подвига. Но и к Гинденбургу теперь дерзают подбираться пошлое самолюбие и зависть родины, стараясь подорвать его обаяние в войсках и тем свалить один из столпов военной власти.

С этой точки зрения также необходимо воспитать в войсках солдатский корпоративный дух, который в нападках на полководца почувствует нападки на самую армию и даст отпор таким течениям.

В войсках боевой линии приведенное выше в общем достигается без труда, но вредные настроения развиваются преимущественно в области тыловых сообщений и этапов. В войсковых частях, сюда назначенных, служат большею частью более пожилые люди, давно уже покинувшие школу военной дисциплины и попадающие здесь под начальство офицеров, которые определены в эти части, как менее годные для строя, и которые не всегда стоят на высоте своей задачи.

Офицеры действительной службы, составляющие всегда ядро всего офицерского корпуса, тут редки, так как те немногие, которые окажутся предназначенными в мирное время на такие должности, слишком недостаточны, чтобы укомплектовать те многочисленные новые формирования, которые должны быть созданы при мобилизации для обслуживания армий. Таким образом во всей этой области у начальников очень часто будет недоставать привычки командовать и понимать потребности своих людей.

Вследствие этого такие части часто являются рассадниками антидисциплины, а с этим и всех дурных свойств армий. На это обстоятельство надо будет обратить самое серьезное внимание в мирное время. Надо сделать гораздо больше, чем делалось до сих пор, чтобы всех этих начальников действительно воспитать способными военными командирами, дабы им не приходилось приобретать эту способность самим уже в походе. Ибо надо ясно себе представить следующее: как от дисциплины зависит, главным образом, боевая годность войск, так сама дисциплина основывается на боевой годности и опытности начальников, и прежде всего офицеров, но, может быть, в немельшей мере и унтер-офицеров, которые составляют естественное связующее звено солдатской массы с корпусом офицеров.

Ответственная задача всех этих органов сводится к созданию основ, на которых базируется сила армии: безусловная, само собой разумеется, дисциплина; хорошее обучение, развивающее сознательную самостоятельную деятельность всех отдельных людей в общей работе; истинная солдатская гордость, вырастающая из сознания собственной мощи и исполненного долга и охраняющая войско от всех внешних вредоносных влияний; самопожертвование всех начальников на благо своих подчиненных и неограниченное доверие последних к старшим; наконец, настоящая любовь к родине, делающая войско способным биться за великие общие идеи и даже с радостью жертвовать собою за короля и отечество.

В этом отношении мы сделали большую ошибку, обусловленную сравнительной краткостью всех предыдущих войн: мы начали войну с сверхкомплектом офицеров в действующих частях. Они все стремились в войска передовой линии, так как думали, что война, подобно

прежним, продлится только неделю, и они во всяком случае хотели быть при этом. К несчастью, их пало много, и они очень недоставали нам в позднейшие годы борьбы.

В будущих войнах надо будет быть осторожнее в этом отношении и с самого начала принять меру, к которой пришли, к сожалению, слишком поздно: образование резерва начальников. Этим с первого начала войны сберегут бесконечно много бесполезно пролитой крови, достигая свежими войсками не меньших результатов, чем прежде, а впоследствии будут иметь в распоряжении гораздо лучший и более способный корпус офицеров. Тогда будет легче, чем до сих пор, поддержать, даже на этапах, дух войска и то, что заключает в себе все остальное и что одно может вести к длительному успеху: безусловную, одушевляющую всех отдельных людей, волю к победе.

Влияние политики и хозяйственной обстановки.

Война, как она теперь осуществляется, не ведется лишь одним оружием, но в ней участвуют как политика, так, конечно, и хозяйственная сторона жизни, но в большей мере, чем в войнах минувших лет. Нет сомненя, политика и раньше оказывала свое влияние и притом в том же смысле, как и ныне, а косвенно и хозяйственный фактор проявлялся в войне многоразлично, но теперь оба эти фактора сознательно применяются, как прямые средства войны; по крайней мере это было проведено нашими противниками, но, к сожалению, не нами. Враг не только пытался заморить нас голодом, но он напрягал все усилия и старался взорвать все мины, чтобы и внутри нашей страны создать нам новых врагов.

По всей видимости, мы в течение долгих лет позволяли совершаться всему этому, не прибегая решительно ни к каким средствам противодействия. Но если мы сознавали или хотя бы предполагали возможность последующих событий... наша политика заслуживает тогда еще более жестокого осуждения, чем это вышло. Во всяком случае мы допустили полный обман самих себя. Спокойно мы взирали, как Италия была сделана для нас чуждой; беззаботно мы приняли, что Англия, Франция и Россия соединились против нас и Северная Америка перешла на сторону врага. Мы совершенно переоценили устойчивость тройственного союза, внутреннюю прочность Австрии, способность сопротивления Турции и Болгарии. До войны мы ровно ничего не сделали, чтобы обеспечить за собою оба эти государства. Не заботясь о совершаемом у других народов, не задумываясь над их чисто лихорадочною деятельностью, продолжали мы вести спокойно нашу мирную политику и питать ничем не оправдываемые надежды, что нам удастся достигнуть с Англией мирного соглашения и этим упрочить мир в Европе.

А об Америке вначале мы вообще и совсем не думали. Нашей систематической уступчивостью мы вселили противникам веру в нашу слабость и тем самым скорее вызвали войну, чем ее предупредили

Когда же намечалась возможность примирения с Россией, прежде чем там вспыхнула революция, мы отклонили этот случай в полнейшем непонимании наших победных рессурсов.

Таким образом, хотя мы и заслужили со стороны приговора истории славу людей, ведущих исключительно честную политику и следующих нравственным заветам христианства, но в политическом мире мы оказались чудовищно обманутыми.

Также и во внутренней политике мы просчитались. Необходимый прогресс мы *не учли* должным образом. Немецкому народу мы приписывали такую силу сопротивления, каковой в действительности он не имел, а разрушительные элементы, которые в нем действуют, мы слишком слабо расценивали до самого последнего времени. В результате мы были вовлечены в войну без всякой политической подготовки. Бисмарк перевернулся бы в гробу, если бы он увидел эту бедность прозорливости; в нашей политике обнаружилось беспримерное идейное худосочие.

В хозяйственном отношении мы поступили точно так же необдуманно. К надвигающейся войне мы подошли без всякого анализа; даже наши суда, находящиеся за границей, мы не известили своевременно как об этом раз я уже сказал, несмотря на то, что мы обязаны были бы собирать запасы и соответствующим образом конструировать наше сельское хозяйство. В этом отношении мы совершенно были застигнуты врасплох.

Таким образом является настоятельно необходимым, ввиду доказанной неудовлетворительности нашей дипломатии, подвергнуть исследованию все законы, по которым таковая и само военное искусство должны выполняться, если государство захочет закрепить свое положение среди других. Но точно также важно создать определенное представление о хозяйственной обстановке, в какой мере на нее может оказать влияние война.

Кто несет на себе обязанность руководить большим государством, тот прежде всего должен точно знать, чего он сам желает и чего желают другие государства. Он должен об этом судить чисто деловым образом, а не по предвзятым желаниям и взглядам; точно так же он должен правильно расценивать те средства, которые находятся в его распоряжении, и те вспомогательные источники, которыми располагают другие государства. Но прежде всего он должен при этом *учесть* военные рессурсы, так как от военной мощи государства безусловно зависит и его политическое значение.

Это—обычная, слишком часто повторяемая ошибка думать, будто политика может сама по себе достигать чего бы то ни было, что она—самодовлеющая сила.

В действительности она может только тогда чего-либо достигнуть, если она может пустить в ход силу, действия которой страшится неприятельское государство. То обстоятельство, что политика иногда достигает результатов, не соответствующих ее действительной силе, приходится приписать только тому, что противник или относительно их ошибается, или он сам то дело, о котором идет речь, считает недостойным войны.

Искусство дипломатии и состоит, главным образом, в том, чтобы, блюдя свои собственные интересы, постараться или создать обман, или умело применить собственные силы. При этом безразлично, идет ли вопрос о собственной силе или о силе другого государства, нападения которого или боятся, или ожидают. Поэтому обман дипломатии, который считают результатом ее собственных рессурсов, покоится просто или на ошибке, или на нежелании противника. Оттуда и стремление дипломатии вызвать подобного рода ошибки. Это нужно представлять себе совершенно ясно, и тогда часто удастся достигать с соседними государствами единодушия.

Если не держаться крепко этой точки зрения, а фактически не удастся обмануть противника относительно реального состояния сил, придется не раз и притом неожиданно становиться лицом к лицу пред войною, как это и случилось с Германией перед началом мировой войны. Поэтому необходимо, прежде чем начать политическую игру, ясно себе поставить вопрос, желают ли и готовы ли в нужном случае защищать с оружием в руках то, к чему стремятся. Если этого нет или если во время переговоров положение изменится в пользу противника, нужно одуматься и спасать то, что можно спасти.

Это общий принцип и лишь, видимо, безнравственный. Во всяком случае, раз вы сразу не располагаете преобладающими силами, прежде всего, придется прибегнуть к обману противника или к предупредительной войне (Präventivkrieg), но и то и другое будет нравственно оправдываемым. Первая обязанность, лежащая на человеке, это—обязанность по отношению своих соотечественников; этого никогда нельзя забывать. Необходимый же обман можно вызвать и не сказавши ни одного неверного слова. В этом именно и состоит искусство дипломатии, чтобы осуществлять такой ход вещей. Князь Бисмарк был мастер в этом искусстве. Потому-то и стоит он на недосягаемой высоте в ряду великих дипломатов, и никому не придет в голову осудить его действия, как безнравственные. Точно так же и превентивная война является оправдываемой, ибо жертвы, требуемые войной, *которую нельзя было избежать*, так как ее *хотели* враги,—ничто по сравнению с теми, которые потребуются, если такая война окажется проигранной. По крайней мере мировая война достаточно нам это доказала.

Князь Бисмарк в своих „Думах и воспоминаниях“ высказался против превентивной войны. Но эту книгу он написал уже в старости, а поступал он прямо противоположно этому учению; более того, его собственное величие сказалось в этом противоположении. Поэтому не нужно бояться различать между состарившимся Бисмарком и человеком действий, ибо лишь то, что сделал последний, является указанием для преемников великого человека.

Впрочем, многое может быть достигнуто дипломатическим путем потому именно, что фактически силы оказываются равными. А отсюда естественно успех выпадает на долю того, кто сумеет представить свои силы наиболее ценными. Но в глубине лежит всегда реальная сила и она при этом всегда разумеется. „Переговоры без оружия это— что ноты без инструмента“—говорит Фридрих Великий, и он, без сомнения, прав. Таким образом игра дипломатического искусства вращается вокруг реальной или кажущейся силы, и тот, кто верует в достижение чего бы то ни было с помощью мещанских идеалов, тот рано или поздно будет горько обманут.

Обычный человек по своей природе думает лишь о собственной выгоде и совсем не склонен уступать чего-либо потому, что это будет актом справедливости или может послужить к выгоде другого. И мировая война в своих проявлениях это доказала и доказала с такой очевидностью, что можно назвать прямо преступлением думать иначе,

Война именно и есть продолжение политики, но только с иными средствами. Всегда все сводится исключительно и единственно к расценке действительных или кажущихся средств как собственных, так и таковых же противника, к обману вашего партнера в игре, или к тому, чтобы быстрым началом или угрозой войны спутать налаженную игру противника или выиграть собственную. Благородству в этой игре нет места, и оно было бы даже преступлением пред своим народом. Где выявление настоящей силы недостаточно, или где обман по отношению к ней не удается, там должна наступать сама война, если хотят достигнуть своей цели, и тут поднимается вопрос, в каком отношении станет дипломатия к войне, если приходится прибегать к этой последней,—к ultima ratio regis.

Само собою разумеется, что при каждом политическом вопросе должно быть ясно выявлено, не грозит ли война появлением на сцену в том случае, когда не удастся сомнительный вопрос решить мирным способом и решить так, чтобы сохранить при этом собственные интересы; затем, желательно ли выступить с оружием в руках по этому поводу, т.-е. придается ли вопросу та ценность, которая делала бы необходимым такое крайнее средство; и, наконец, убеждены ли мы что противник решился поступать подобным же образом. Решая этот

вопрос, необходимо политически быть приготовленным к войне и, по возможности, так, чтобы противник этого не заметил.

Военные мероприятия, которые будет признано необходимым осуществить и которые должны соответствовать размерам политической цели, вероятно, нельзя будет скрыть, но, конечно, эту последнюю скрыть необходимо. Во всяком случае желательно по отношению к первым избегать всякой половинчатости и не оставлять противника в сомнении относительно того, что вы решились в случае нужды пойти на крайность.

Оба последних военных проекта[1]), проведенные в Германии пред войною, являлись полумерами, которые не могли внушить противнику никакой тревоги и были им легко распознаны, как полумеры; к ним с успехом может быть приложима поговорка о сытых волках и целых овцах. Это было тогдашнему правительству указано достаточно ясно но этим ничего не было достигнуто, кроме запрета дальнейших подобных указаний.

Если поэтому военная подготовка должна проводиться с наглядной энергией и потому именно, что каждая полумера в этом отношении способна лишь приподнять дух противника, в это же время политическая подготовка должна вестись в полной скрытности, как это и старались сделать наши враги, впрочем, без внушительного результата для тех, которые хотели видеть. Конечно, нельзя было с точностью уразуметь, что́ собственно имелось в виду, но можно было все же осознать, что вопрос сводился к общему и серьезному походу против Германии. А при таких обстоятельствах было, конечно, настоятельно необходимо учитывать войну, хотя бы как возможность, и поступать сообразно с этим.

Война должна быть подготовлена не только в военном отношении но и в смысле организации союзов. Надо стремиться при посредстве концессий, предлагаемых тайным образом, так связать отдельные государства, чтобы они, по возможности, не приняли участия в наступающей войне. Так, например, Германия обязана была в рассматриваемом случае заключить союзы с Турцией и Болгарией, что было недоступно кому-нибудь другому; точно также мы были обязаны попытаться вступить в единение с Северной Америкой, что отнюдь не являлось чем-либо невозможным. И с Японией, Италией, Румынией можно было бы поступить в таком же духе.

Естественно, можно было применить и другие политические средства, но здесь, по незнакомству с общей обстановкой, они не могут быть подвергнуты суждению. В нужном случае, конечно, необ-

---

[1]) Разумеются проекты усиления германской армии, принятые в 1913 г. и проведенные за счет двухмиллиардного чрезвычайного налога. *Прим. ред.*

ходимо было решаться и на предупредительную войну, раз казалось, что без таковой подвергается опасности самое существование государства.

Если потому в предвидении войны все должно сводиться к тому, чтобы ее подготовить, по возможности, наивыгоднейшим образом, или придется совершенно сознательно пойти на сильные уступки, раз не удастся обмануть противника в вопросе о соотношении сил,—задача дипломатии становится совершенно иной, коль скоро война в действительности возгорелась. Задача воспрепятствовать другим государствам принять в ней участие остается, конечно, прежней и им должны делаться уступки сообразно с приростом военной силы, которую они придадут противнику, вступив с ним в союз. Но и это, однако, должно совершаться в согласии с военным командованием. В остальном же дипломатия имеет единственную задачу: возможным образом поддержать ведение войны и обязательно в том духе, как его разумеет военное командование. Дипломатия должна всецело следовать желаниям последнего и совершенно должна отказаться от возможности предпринимать что-либо, не считаясь с ним. Конечно, это правило применимо и к той обстановке, которая может привести к войне, ибо политическое искусство должно всегда стоять в истинном взаимоотношении с военной силой, но нарушение этого правила никогда не обнаружится так быстро и непосредственно, как во время самой войны; за политическими ошибками здесь тотчас же последует военное наказание. Поэтому политическое искусство должно ограничиться или подготовкой военного успеха, или его использованием, и все это оно обязано сделать согласно указаний, исходящих от *военной* стороны. Где этого *не* будет, там военно-политические средства, хотя и будут преследовать одну и ту же цель, но могут оказаться применимыми в совершенно разном духе, а это может привести к совершенно разному конечному результату.

Потому, раз только возможно, политическое и военное руководство должно быть объединено в одном лице, а для этого необходимо, чтобы военные и политические способности были соединены в *одном* человеке. Так и было в лице Фридриха Великого, который умел политическое и военное влияние на ведение войны объединить в удивительной гармонии. Это так ясно при непосредственном ознакомлении с фридриховскими войнами, хотя об этом нет ни одного слова в официальной истории этих войн, изданной генеральным штабом. Генеральный штаб совершенно просмотрел политическую часть фридриховского ведения войны и все излагает в том духе, как будто все дело короля покоилось на чисто военных соображениях и результатах. Но не всякому дано то, что принадлежало великому королю. Где этого не будет, там правительственная власть (в старой Пруссии—король) должна поступиться своими правами, и решение о том, что

надо делать, передать руководителю военными операциями. Ему же должен будет безусловно подчиниться и политический деятель, так как гармония политических и военных действий будет главной задачей, к которой придется стремиться, и так как военные требования будут обусловливать политические. Отсюда понятно, что руководитель военными операциями должен быть выбран в соответствующем духе; если такого не будет, то все же будет предпочтительнее, чтобы политикой в ее высоких сферах руководил более слабый знаток дела, чем если политическое и военное искусство будут работать, противореча одно другому.

И пока протекает война и нет надежд на соответствующий мир, нужно думать только об одном военном успехе и все должно быть подчинено этой одной задаче. Раз же намечается возможность мира, то опять-таки только солдат должен решать вопрос, будет ли более разумно достигать этого мира подъемом военных успехов, или более соответственным будет достигать его дипломатическими путями, т.-е. концессиями. Судить об этом может только солдат. Несчастие Германии в значительной мере сказывалось в том, что не следовали этим совершенно простым правилам.

При этом совершенно глупым является пожелание, чтобы политическое искусство постоянно играло с открытыми картами. Совершенно с таким же правом можно было бы требовать, чтобы руководитель-стратег всегда заранее сообщал врагу, какие операции он намерен предпринять. Само собой разумеется, что дипломатия должна вести свое дело тайно, и не по причине только деловых оснований, лежащих в основе этого, но уже просто потому, что в противоположном случае, т.-е. если бы все дипломатические переговоры решено было осуществлять *публично*,—никогда нельзя быть уверенным, что противник или противники также честно поведут дело, как мы сами. Этому по крайней мере мы должны научиться из нашего разгрома. Противник и посегодня не обнаружил своих карт, а мы, немцы, считаем долгом нашей чести ничего от него не скрывать. С этим принципом мы должны покончить, если мы желаем в будущем еще что-либо значить на белом свете. На столько-то еще должно быть сохранено доверие к *разумному* правительству, и вполне естественно желание, чтобы народ сделал этот очевидный вывод и взял бы на себя результаты тайной политики.

Пресекая возможность тайной дипломатии, рассчитывают этим обеспечить так называемый народ против случаев войны, которых он в целом обычно не может предвидеть, но при этом совершенно упускают из виду, что этим путем рубят тот сук, на котором сами сидят. Конечно, таким путем себя не обеспечивают ни с какой стороны, а противнику предоставляют полный простор для ориентировки.

Во внутренней политике точно так же нельзя предаваться никаким иллюзиям. Надо точно знать, чего вы можете ждать от своего народа и что превосходит его силы. Нужно сознавать совершенно отчетливо, что большая масса никогда не представляет себе благо целого во всех его последствиях, что она, хотя и способна на временное воодушевление во имя идеальных целей, но она никогда не в силах сохранить его с сознательным упорством; она еще может принести известную жертву, но вообще-то она имеет ввиду только личные материальные выгоды. Тот государственный муж, который имеет в виду общее благо, не будет понят большой массой, и он должен будет поэтому при некоторых обстоятельствах прибегать к насильственным мерам, чтобы осуществить свою волю. Для этого нужна высокая степень чувства долга и силы воли, и только успех сможет оправдать этот видимо безответственный образ действий. Так насильственно поступили французские государственные люди, когда забунтовало [1]) около 70-ти полков, и все же их образ действий для блага целого в дальнейшем оказался правильным. Хотя я так же хорошо знаю, как и другие, что во всей французской политике дело шло прежде всего об интересах крупных денежных магнатов, но в этом случае—раз уж война началась—такие интересы совпадали и с интересами всей нации.

Политический руководитель обязан поэтому иметь мужество при известных обстоятельствах беспощадно выступить против собственного народа. Но чтобы быть в состоянии сделать это, он должен быть точно осведомлен о том, что́ совершается в лоне этого народа, дабы он мог выступить своевременно, и тех коноводов, которые при подобных обстоятельствах всегда найдутся, во-время сделать безвредными. Относительно внутренней обстановки он в такой же мере должен быть осведомлен, как и относительно тайных замыслов и средств соседних государств, и только та непреклонная воля, которую он проявит против собственного народа, докажет в нем истинно великого государственного деятеля.

Точно так же обстоит дело и в отношении хозяйственных вопросов. Здесь также в случае необходимости надо будет действовать насильственно. Само собой разумеется, нельзя постоянно оказаться готовым на все возможные военные случаи, но можно и нужно решительно взглянуть в глаза вероятному, не уповая особенно на добросовестность противника. Насколько ошибочно питать такие упования, мы можем теперь судить по поведению наших врагов, которые совсем о

---

[1]) В мировую войну французскому командованию пришлось два раза прибегать к самым решительным и притом очень крутым мерам по водворению в войсках дисциплины: в начале войны, когда немцы наступали через Бельгию, и весною 1917-го года. Автор, видимо, разумеет первый случай. *Прим. ред.*

том не думают, чтобы держаться их же собственных обещаний. В какой степени глупо рассчитывать вообще на честность и воодушевление людей, мы можем судить по нашим собственным внутренним делам. Еще никогда так много не воровали, так много не было танцев, как теперь, несмотря на большое национальное несчастье.

Естественно, при всех принимаемых мерах должно быть принято в расчет, будет ли страна—в целом или частью—отрезана от внешнего мира или нет. В случае Германии, повидимому, это имеет место. Если Италия, Франция и Россия закроют свои границы, нейтральные страны сперва будут под контролем Англии, а на востоке бездорожье Турции и властное влияние Англии отрежут всякий подвоз,—Германия, естественно, окажется предоставленной своим собственным средствам, так как, очевидно, в этом случае ее торговые суда не будут иметь хода. Совсем иначе обстоит дело с Англией. Ввоз и вывоз у нее, как и у Франции, свободны, почему она и снабжает половину мира каменным углем, Франция же, главным образом, рассчитывает на ввоз.

Против обоих государств может иметь силу подводная война, которая по крайней мере ввозу и вывозу каменного угля может воспрепятствовать в значительной мере.

В таком же положении находится Италия, которая относительно жизненных средств, как и относительно каменного угля, должна рассчитывать на ввоз, и без него вообще не может существовать. Указанные государства и должны сообразоваться с этим обстоятельством, если война имеется в виду.

С другой стороны, Россия не может быть отрезана от Азии, но ее международная торговля может быть прервана, так как таковая, главным образом, ведется через Балтийское море. Наконец, Турция и Греция почти всецело зависят от Англии, которая еще долго, насколько можно предвидеть, будет главенствовать над путями по Средиземному морю и путями, ведущими во внутреннюю Азию.

Государства, которые более или менее зависят от ввоза, все внимание должны будут направить к тому, чтобы таковой обеспечить против подводных лодок. Что касается Германии, то так как она может быть лишена всякой морской связи, она сверх сказанного должна будет в предвидении войны ввезти еще множество предметов, которых нет в стране, и должна будет все свое хозяйство видоизменить соответствующим образом. Здесь не место рассматривать, какие предметы могут быть созданы внутри и какие нет. Это составит задачу правительства—в единении с представителями хозяйства выяснить этот вопрос; мировая война дала в этом отношении нужные указания. Здесь достаточно только указать на необходимость позаботиться о необходимых жизненных средствах и о том сырье, которое необходим.

В остальном политика должна попытаться сохранить открытыми торговые пути, что ныне мыслимо разве лишь после полного преобразования теперешней системы союзов. И в этом отношении со временем должны создаться те или иные шансы. Наконец, несмотря на теперешние условия мира, подводный флот все же, по возможности, должен развиваться. Что это, как и развитие армии, осуществить возможно, доказывают годы, следовавшие за 1806, когда на глазах французских гарнизонов вместо разрешенных 42.000 людей получили военное образование 200.000.

Этот пример вновь доказывает, как и кое-что другое, что всякая политика, которая желает чего-либо достигнуть, всегда должна быть, так сказать, наступательная. Само собой разумеется, она не должна исключительно стремиться к войне, наоборот, она никогда не должна терять из виду возможность сохранения мира, но она постоянно должна быть активной, постоянно чего-то желать, к чему-то стремиться, если она не желает терпеть фиаско.

Отсюда политика подлежит тому же закону, как и война: никогда не должно терять инициативы, никогда не нужно предоставлять своим партнерам полную свободу в их стремлениях; всегда и всюду надо вторгаться с собственными намерениями, стараясь расстроить намерения соперника. Таким образом сохранение за собой инициативы является в политике руководящим правилом; нечто подобное относится также и к государственному хозяйству. Всегда надо быть готовым ко всяким возможностям, никогда не нужно позволить себе быть пораженным неожиданностью „Toujours en vedette“ является здесь правилом.

Впрочем, было бы большой ошибкой постоянно обеспокоивать торговлю опасением войны, например, при всякой ее возможности отзывать назад свои торговые суда; это значило бы событие приносить в жертву предположениям. Но нужно самому определенно знать, чего он хочет, как я уже сказал в начале этой главы. С места нужно себе ясно представлять, имеется ли в виду вызвать войну; нужно заранее учитывать, достаточно ли для противника велика ставка, чтобы с своей стороны он мог рискнуть на войну. И если после всего война будет признана вероятной, тогда нужно иметь решимость как в политике, так и в области хозяйственных функций государства принять необходимые меры, т.-е. в области политики сделать последние усилия в сфере военных приготовлений, а в нужном случае прибегнуть и к предупредительной войне, в хозяйственной политике поступать точно также и притом своевременно, а кроме того так, чтобы противник, и возможности, этого не заметил.

Запасы в стране должны быть пополнены и обеспечены на долгое время; суда, находящиеся в иностранных гаванях, должны быть отозваны, сельскому хозяйству должны быть сделаны нужные указания.

Отсюда видно, что подготовительные работы нужно начинать заблаговременно, если хотят подойти к войне незаметно от противника и во-время, и что невозможно все необходимое произвести публично или из-за кулис. Если же увлечься всем этим, то придется выступать всегда слишком поздно. Поэтому не нужно стесняться тем, чтобы тайно подготовить войну и даже ее начать. Истинную ответственности всегда несет только тот, кто делает невозможным сохранение мира. Не следует также вводить себя в заблуждение видимо идеальными основами, которые могут снискать одобрение массы. Наибольшей жестокостью против своего народа будет тот акт, когда люди не обретают в себе мужества начинать необходимой войны, жертвуют основными интересами из-за сохранения мира, и благо целой страны приносят на алтарь того добра, которое, однако, является недостижимым.

Кто ведет политику и притом политику в широком смысле слова, т.-е. кто является ответственным за преуспевание всего государства в его взаимоотношениях с другими руководящими странами, тот должен уметь при всяких условиях сохранить инициативу в своей сильной руке: это как в политике, так и в государственном хозяйстве является главным и важнейшим законом. Еще одно он обязан иметь в виду, это—состояние военной мощи. Раз политика во всех отношениях зависит от этой последней, то прежде всего нужно стремиться к тому, чтобы эту мощь развивать до возможных пределов и тем расширять горизонты политики. Если же последняя должна будет во что бы то ни стало удержать за собой инициативу, то она обязана ясно сознавать, что этого она достигнет только в мере имеющихся военных рессурсов. Развивать, по возможности, последние и является главной задачей государственного человека. Наши враги опознали это в полной мере.

Общая группировка войск.

Говоря последний раз о влиянии политики и народного хозяйства на происхождение и ход войны, мы проследили целый круг явлений, которые могут оказать влияние на военные операции и на тактические действия войск. Теперь является интересным обсудить и установить, как должны быть распределены армии на театре военных действий или на театрах, чтобы они могли проявить возможно бо́льшую боевую деятельность.

Руководящей данной прежде всего является общий план войны. Войска должны быть распределены так, чтобы в каком-либо пункте мог быть осуществлен главный удар. Выбрать такой пункт есть дело вождя. Пункт удара должен быть так определен, чтобы из него, если время и пространство расценены правильно, мог в дальнейшем развиться победоносный ход войны. Так, при начале войны немцы на русской границе гениально оставили только четыре корпуса, не считая местных войск, так как рассчитывали на медлевность русской мобилизации. И только немецкая дипломатия, которая и в этом случае ложно осведомила военное командование, признавала такой расчет ошибочным. Но затем не обрели в себе мужества повести дело на основании чисто военных интересов и значит временно уступить Восточную Пруссию врагу; наоборот, предпочли некоторое число армейских корпусов перебросить с западного театра на восточный и тем самым во имя спасения своей провинции выпустили из своих рук победу в целом.

Если не ошибаюсь, я уже раз указывал на этот пример и при этом подчеркнул, что для меня далека мысль критиковать военное командование, так как я не могу достаточно оценить всей обстановки. Но приведенный пример поучителен здесь в том смысле, что он иллюстрирует, насколько трудно последовательно провести определенную идею, не вдаваясь в ошибку при какой-либо временной неудаче, и тем не менее, если нужно, своевременно покинуть эту идею.

Особенно для короля является трудным решение отдать врагу богатую провинцию; это, конечно, надо принять в соображение. Но от настоящего полководца надо ожидать такого чувства ответственности, которое не преклонилось бы пред ним подобных сердечных влечений. В Германии во главе армии такого вождя тогда не оказалось, тот же, кто в то время являлся ответственным за военное руководство, был больным человеком [1]).

Так как война может вестись только наступательно, а наступление предопределяет собою весь ход военных действий, то, естественно, при распределении войск придется на наступление обратить особое внимание. Вместе с этим, конечно, не должна быть забыта и оборона, особенно в том случае, когда мероприятия, ею вызываемые, будут как раз такими же, которые могут пригодиться и для наступления. Где же в этом случае проявится противоречие, там всегда распоряжения, необходимые для атаки, должны иметь преимущества. Это правило является основным и общим как для позиционной, так и для маневренной войны.

Дивизия выявила себя такой единицей, которую, если только это возможно, ни в коем случае не нужно разъединять, как настоящую боевую единицу. Впрочем, в маневренной войне такой единицей будет корпус. Обычно, пока выполняется операция, он остается не разрозненным. В пределах того же театра или в пределах разных театров войны обычно передвигаются только дивизии, между тем как корпуса остаются прикованными к месту; в результате корпуса непрерывно меняют свои дивизии. Отсюда влияние корпусного командира на людские массы является почти совершенно призрачным, между тем как начальник дивизии является действительно ответственным лицом. Это подтверждено было и практикой. Особенно резко это обнаруживалось в позиционной войне, менее это сказалось в маневренной. И действительно, в первой мы видим, что дивизии находятся в непрерывном передвижении, в то время как в последней наблюдается бо́льшая устойчивость группировки.

Это обусловлено природой дела. В позиционной войне боеспособные дивизии всегда будут притянуты к той части фронта, которой больше всего угрожает противник, а потрепанные части будут сгруппированы или на менее опасных местах, или отправлены на отдых. В маневренной войне группировка в общем является более устойчивой, пока по той или иной причине не совершится переход к позиционной войне. Ближайшей более высокой единицей является армия,

---

[1]) Подразумевается начальник штаба главной квартиры граф Мольтке, бывший уже в первые месяцы войны серьезно больным человеком. *Прим. ред.*

которая обычно состоит из 2—6 корпусов. Несколько армий составляют фронт.

Что касается собственно маневренной войны, то к ней вообще применимы, по крайней мере стратегически, те же законы, как и для прежней войны, так как на длительную оборонительную войну, как ее, например, вел Фридрих Великий у Бунцельвица [1]) и которая, без сомнения, является поразительно похожей на современную позиционную войну, придется тем менее рассчитывать, что подобная война велась только в расчете на особенности характера противника и тогдашней войны.

Движения взад или вперед будут неизбежны, пока в решительном пункте не будет нанесен победоносный удар и тем не будет дан повод и другим войсковым группам также двинуться вперед или назад. Конечно, если театры военных действий лежат друг от друга далеко, взаимное их влияние может отсутствовать, но когда дело происходит на одном театре или на таком, который находится в непосредственной близи с другим, решительное действие в одном пункте окажет свое влияние и на близлежащие.

Группировка войск определяется согласно вытекающих из этого положений. Всегда будет стремление направить большинство своих дивизий туда, где будет расчет победой поразить главный нерв противника, и такую массу постараются уже в период марша-маневра направить на желательные пункты, дабы после, в момент самой операции, значительные боковые передвижения по жел. дорогам или путям не выдали цели общего предприятия.

Конечно, будет также необходимо двигаться вперед возможно быстрее, дабы этим сократить время, в течение которого противник мог бы предпринять свои контр-меры. Кавалерию придется держать на флангах, чтобы, по возможности, воспрепятствовать неприятельской разведке или чтобы иметь шансы осуществить собственную. Вообще же придется двигаться только ночью, чтобы избежать наблюдения неприятельских аэропланов, борьба с которыми явится, по всей вероятности, неизбежной задачей.

В основе боя борьба артиллерии будет теперь значить больше, чем прежде. Будут стремиться явиться на поле сражения с возможно более могучей артиллерией как числом, так и калибром. Такую артиллерию придется позаимствовать из резерва соответствующей армии; и понятно, что каждая армия должна будет располагать подобным

[1]) Так называемый Бунцельвицкий (Вербенский) лагерь, в котором Фридрих, не успевший помешать соединению австрийской армии фельдмаршала Лаудона с русской армией фельд. Бутурлина, должен был отсиживаться в течение месяца в августе—сентябре 1761 г. *Прим. ред.*

резервом, состоящим, главным образом, из тяжелых орудий. Затем борьба пехоты, в сущности, сведется к состязанию пулеметов. Что касается кавалерии, то во время боя ей будет принадлежать относительно скромная роль.

Впрочем, после боя ее задача будет тем более значительна: на нее ляжет или параллельное преследование разбитого противника, или отражение подобного преследования. Для последующих передвижений успех всецело будет зависеть от оперативной быстроты лошади. При группировке войск необходимо на это обратить внимание, и самостоятельную кавалерию нужно направлять туда именно, где ведется маневренная война или где ее ожидают. В бою же кавалерия почти исключительно будет предоставлена стрелковому делу.

Что касается позиционной войны, то на всем фронте, предназначенном для обороны, прежде всего должно быть развернуто столько дивизий, сколько считается безусловно необходимым, чтобы сдержать первый натиск противника. Как придется поступать в отдельных случаях, будет зависеть от различных условий. Существенную роль будут играть: местность, поведение противника и его удаленность. Если местность особенно пригодна для обороны, а противник далеко, естественно, потребуется меньше войск, чем в других случаях. С другой стороны, потребуется больше сил, если противник очень близко и существует вероятность, что он будет наступать. Конечно, будет играть роль в этом случае и количество артиллерии, которой располагает противник.

Что касается самой обороны, то она может вестись различно. Или главная оборона, чисто пассивная, будет сосредоточена на передовой линии с выдвижением только слабых подслушивательных постов на несколько шагов вперед за линию препятствий, которая довольно близко пролегает перед линией обороны,—так по крайней мере очень часто было в течение мировой войны в России,—или передняя линия занимается довольно слабо, от нее передовые посты выдвигаются вперед, примерно, на 1 километр, а главные силы располагаются в нескольких линиях таким образом, чтобы главная линия сопротивления могла быть отнята контр-атакой. Центр тяжести в этом случае лежит на активной работе резервов. Между этими двумя случаями пролегает бесчисленное множество вариантов, о которых мы здесь говорить не будем.

На линии резервов, впрочем, возможно дальше от неприятеля, располагаются обычно полевые лазареты; задача их—принимать легко раненых и таких, над которыми тотчас же должна быть произведена операция. Они стоят, как и все лазареты, под покровительством Красного Креста. Относительно их нужно сделать одно замечание.

Дивизии время от времени должны быть сменяемы, чтобы людям предоставить необходимый отдых, так как иначе непрерывное пребывание в положении, угрожающем жизни, и под громом артиллерии, слишком треплет нервы; и вот возникает вопрос: надо ли постоянно вместе с дивизиями менять и полевые лазареты, или их можно оставлять продолжительное время на одном и том же месте? В первом случае им придется бо́льшую часть времени находиться в передвижениях и лишать войска полезной врачебной деятельности; во втором случае, хотя они продолжительное время выполняют врачебные функции и сохраняют одних и тех же больных, что имеет свою выгоду, но зато они должны покидать свои дивизии, и последним снова и снова приходится иметь дело с новыми врачами, что мешает установлению доверчивого взаимоотношения между старшим врачом и начальником дивизии. Поэтому было бы целесообразнее одну часть лазаретов держать длительно на одном и том же месте, а другую менять одновременно с дивизиями.

Однако, этими распределениями еще не кончается группировка войск в позиционной войне. Позади тех частей, которые нужны для непосредственной обороны, должны держаться еще другие дивизии которые обязаны быть готовыми, чтобы или отбить большое неприятельское наступление, или осуществить свое собственное. В этом случае, естественно, многое будет зависеть опять-таки от местности и от поведения противника. Кроме того, собственные мероприятия по отношению к обороне будут обусловлены тем обстоятельством, имеется ли в виду сохранить за собою главную линию обороны, или хотят отвоевывать ее обратно последующей контр-атакой резервов. Часто, если расположение противника очень тесное, придется дивизии держать на фронте более тесно одна около другой, чем это бывает в обычном случае, и наготове держать более сильные резервы. Последние надо столь близко подводить к противнику, чтобы они своевременно могли быть введены в бой и вместе с тем являлись бы для неприятеля неожиданностью. Резервы преимущественно распределяют на узлах железных дорог, дабы быстро перебросить их к тем пунктам на которых они могут быть применены.

Кавалерия для таковых целей вообще не применяется. В позиционной войне она обычно несет только полицейскую службу и лишь в исключительных случаях, когда налицо нет других частей, применяется она и для боя, и тогда, естественно, она работает, как пехота.

Скорее же всего на таких пунктах будут сосредоточены артиллерия и пехота. Для этой цели, главным образом, стараются использовать те войска, которые так или иначе должны получить отдых

или такие, которые собственно для этой цели и будут притянуты. Особенно нужно обратить большое внимание на передвижение артиллерии и артиллерийских снарядов, так как они легче всего обнаруживают пред противником намечаемые планы. Конечно, и разведывательные части, и аэропланы придется располагать позади, частью для того, чтобы щадить их возможно дольше, а также потому, что аэропланами можно воспользоваться и в случае их далекого расположения в тылу, и, наконец, еще с тою целью, чтобы ими тотчас же возможно было воспользоваться, если бы неприятель сам дал к этому какой либо повод. Некоторые же из аэропланов все же придется держать постоянно у фронта, чтобы, по возможности, быстро разведать о намерениях противника.

После всего изложенного ясна необходимость располагать в позиционной войне железными дорогами, которые пролегали бы параллельно собственному фронту и от которых бы к последнему отходили ветки, а в маневренной войне надо иметь такие дороги, которые из родины шли бы к фронту перпендикулярно, что же до поперечных дорог, то они в ней нужны в ограниченной мере. Естественно, не всегда будет налицо соответствующая сеть дорог, и где этого не будет, волей-неволей придется перейти к их постройке. Наиболее необходимые—в позиционной войне поперечные, в маневренной перпендикулярные—будут проведены в первую голову; другие будут построены позднее, по мере надобности. От поперечных линий, особенно важных в позиционной войне, отдельные жел.-дор. линии должны отходить на родину, независимо от идущих к фронту веток, и притом по крайней мере одна на каждую армию, при некоторых обстоятельствах даже и две. Это зависит от величины армии, каковая в свою очередь находится в зависимости от местности и собственных наступательных задач.

Ведущие к фронту ветки будут по большей части небольшими полевыми дорогами, которые в нужном случае будут обслуживаться лошадьми или небольшими локомотивами. Возле этих и других более тыловых ж. д., а также в районах, прилегающих к ним, будут размещены все те учреждения, в которых нуждается армия для сохранения своей боеспособности и которые чаще всего входят в организацию этапов: лошадиные лазареты, лошадиные депо, оружейные починочные мастерские, продовольственные магазины различных видов друг за другом, всякого типа лазареты, рекрутские депо, оружейные депо, депо лазаретных предметов, и вообще все, что нужно. И чем продолжительнее предполагает армия оставаться на определенном месте, тем такого рода учреждений накапливается более и более, так что при движении вперед, а особенно при отходе, они могут стать опасными.

Поэтому такого рода запасы приходится продвигать вперед, по возможности, в ограниченном количестве и притом так организовать дело, чтобы ближе к фронту продвигалось лишь необходимое в мере текущей необходимости. Основные депо, конечно, будут оставлены далеко сзади и, по возможности, на родине. Естественно, все действия, связанные с деятельностью жел. дор., должны быть регулированы самым заботливым образом, так как, если этого не будет, во всех сферах быстро наступит беспорядок и войска будут терпеть от этого первыми.

Впрочем, исключительно трудно наметить правильную норму, что должно быть надолго сосредоточено в каком-либо районе и что должно подвозиться к войскам по мере необходимости. Чем дольше рассчитывают удержать за собой соответствующую позицию, тем более в этом отношении можно позволить себе некоторую смелость: решительный ответ на это даст вся сеть жел. дор. Чем более перпендикулярных дорог идет к фронту, тем допустимо большее накопление запасов.

Во всяком случае надо иметь уверенность, что весь сосредоточенный материал в крайнем случае, т.-е. если внезапный отход является, например, неизбежным, может быть вывезен. Вообще часто при организации тыловых учреждений придется впадать в конфликт между желанием обеспечить войска и желанием в то же время сохранить за ними подвижность.

Точно так же придется при этом серьезно обдумать вопрос о жел.-дорожном материале. При огромном количестве войск, которые должны перевозиться в том или другом направлении, при колоссальных потребностях страны и при сильно возросшей продуктивности для военных нужд своих фабрик, почти бывает невозможно получить ж.-д. материал в достаточном состоянии. Со временем он, естественно, изнашивается, а необходимых починок часто бывает совсем невозможно произвести, особенно, если война затягивается дальше известного предела. Вопрос о жел.-дор. материале очень важен. Чтобы соблюсти его в сохранности, нужна очень большая систематичность, а ее можно осуществить лишь при превосходном контингенте чиновников, каковых при современной войне, когда берется всякий, способный носить оружие, к сожалению, не всегда можно добыть.

Таким образом современная война стоит в зависимости от железнодорожного вопроса, и если оборона связана с состоянием жел.-дор. колей, то атака связана с нею еще больше. Она не только зависит от наличности железных дорог, но также и от их состояния, так как в этом случае все сводится прежде всего к скорости передвижения. Поэтому при вопросе о группировке войск нужно принять в самое серьезное

соображение жел.-дор. сеть и особенно при этом не упускать из виду неприятельскую; иначе может случиться, что противник, раз только он обнаружил наши наступательные замыслы, сумеет больше подвезти войск, чем можем сделать это мы сами.

В конце-концов правильная группировка войск является задачей до крайности трудной, особенно для обороны, так как в этом случае приходится поневоле работать чаще всего по указке врага и часто приходится располагать более дурною сетью жел. дорог и прочих путей, так как, раз противник до некоторой степени наступает неожиданно, обороняющемуся обычно нехватит времени, чтобы удовлетворительно подготовить пути.

Суммируя все сказанное по вопросу о группировке, придется всегда проводить грань между маневренной и позиционной войной, хотя они часто переходят одна в другую.

В позиционной войне, повторим еще раз об этом, прежде всего на фронте против врага должно быть сосредоточено столько дивизий, сколько их нужно, чтобы сохранить за собой соответствующую линию; остальные войска, особенно пехота, артиллерия и разведывательные части, будут расположены позади этой линии в соответственных жел.-дор. узлах и узлах общих путей, дабы их в нужном случае передвигать, как резервы, и держать наготове на случай какой-либо намеченной атаки. Все остальное и весь военный материал должны быть расположены позади, у железных дорог, ведущих на родину, в таком последующем порядке, чтобы все это было под рукой и на случай нужды в них для армии, и на случай внезапного увоза. В случае маневренной войны резервы точно также будут распределены по армиям, но эта группировка имеет место только вначале, при подготовке к операции. Так как в этом случае точно известно, где намечается сосредоточение главных сил, резервы можно будет из сборных пунктов направлять прямо туда, где хотят нанести решительный удар. Точно так же кавалерию необходимо на всякий случай подвести к флангам армий и притом к передовой линии. В случае же позиционной войны кавалерия будет расположена за флангом главного удара лишь в том случае, если имеется в виду решительный прорыв и притом предвидится непосредственный переход к маневренной войне, как мы будем говорить об этом в ближайшей главе. Массировать же кавалерию придется в том лишь случае, если с прорывом связан вопрос о решительном пункте главного удара.

Что касается тыловых организаций, то в этом отношении разница проявляется в том, что в одном случае учреждения будут оставаться на месте, в другом — итти вперед перекатами. Армия как в том, так и в другом случае должна быть всем обеспечена. В маневр-

ренной войне запасы непрерывно будут передвигаться до тех пор, пока, наконец, они до некоторой степени снова не замрут при появлении на сцену позиционной войны. Что в обоих случаях тыловые запасы не должны оторваться от постоянных железных дорог—само собой разумеется. Эта жел.-дорожная сеть тем шире должна быть разработана, чем на более продолжительное время предполагается находиться вблизи противника. Эта сторона входит в этапную службу и тесно с ней связана.

Подвоз в маневренной войне специально мною рассмотрен в моей книге „Современная война“ [1]).

[1]) См. „Современная война“, том I, стр. 145—186.

Бой.

Большая ошибка, которую, к сожалению, слишком часто повторяют, считать последнюю из войн за типичную войну и стремиться поэтому будущие войны преобразовать по шаблону минувшей. Эта ошибка вдвойне велика по отношению к мировой войне, которую мы пережили в начале нового мирового периода, и велика по двум основаниям. Во-первых, эта война являет собой начало нового развития, это тип войны, подлежащий дальнейшему развитию, но не завершение определенного исторического периода. Поэтому нужно думать, что некоторые явления, обнаруженные ею, еще подлежат существенным переменам, прежде чем они достигнут определенной устойчивости, и что война переживет в дальнейшем разные формы, которые еще не выяснены из пережитого опыта. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что последняя война выступила в той обстановке, какая легко повториться не может.

Германия и Австрия стояли одинокими в борьбе против всего мира. Все государства, имеющие какой-либо военный вес, благодаря нашей неудачной политике оказались объединенными против нас, даже дикие народности были подняты на нас. Всех их мы победоносно одолели, пока, наконец, мы не капитулировали пред собственным народом и пока революция не положила конец войне. Мы были лишены всяких морских сообщений, со всех сторон охвачены врагами, а наши союзники в самих себе носили зерно разложения. Поэтому война, в силу всех этих обстоятельств, не была завершена, как таковая, но пришла к своему концу политически. Такие обстоятельства едва ли когда повторятся.

Нам суждено в силу какой-то иной политики союзов занять в мире другое положение, чем каковое мы занимали до сих пор. Здесь не место обсуждать политические перспективы, которые в будущем вытекут из теперешнего положения, но наша международная позиция, без сомнения, будет иной. Мы должны найти союзников, на которых мы сможем положиться, но прежде всего мы обязаны настолько сами

окрепнуть, чтобы быть в силах постоять за самих себя и снискать себе доверие своих соседей. Союз всех стран против нас при полном разгроме наших слабых союзников едва ли в будущем будет иметь место. И если где-либо вновь загорятся войны,—а они, вопреки всяким социалистическим теориям, останутся навсегда неизбежными,—они будут вестись совсем при другой обстановке, чем велась мировая война. При этом мыслимы бесчисленные возможности и они застагнут будущую войну в рамках совершенно иной обстановки, чем каковая была в случае войны Германии против всего мира. И при теперешней политической конъюнктуре мира можно себе представить войны бесконечно разных форм, но ни одну из них такой, которая хотя бы приблизительно могла сравниться с минувшей.

Затем нужно помнить, что каждая будущая война, как мы видели, должна вестись наступательно, если, хотя до некоторой степени, хотят обезопасить собственную страну, и что поэтому теперешняя манера ведения войны нашими противниками является совершенно устарелой.

Кроме того, нужно иметь в виду, что крепости уже не отвечают нуждам обороны. Хотя в минувшей войне еще велась крепостная война,—мне достаточно будет упомянуть только об осаде Антверпена,—но малоценность крепостей как в целом, так и в подробностях настолько всеми признана, что едва ли в будущем можно поднимать голос в пользу крепости. Поэтому и не имеет смысла писать особую главу о крепостной войне. Правила, которые раньше были заимствованы из различных осад, ныне утеряли свой смысл, так как осада крепостей более не будет иметь места. Что же касается борьбы из-за укрепленных участков, которая выступила вместо борьбы из-за крепостей, то для нее имеют силу те же самые основания, которые имеют место в позиционной войне, в главе о борьбе из-за местных предметов. Поэтому достаточно указать на соответствующую главу с тем единственным исключением, которого нельзя упускать из виду, что, с одной стороны, оборонительные постройки будут строиться долговременного типа, значит относительно прочные, с другой стороны, артиллерия, которая должна будет их побороть, будет состоять из относительно тяжелых калибров. Поэтому придется подвозить самые тяжелые орудия, которые вообще имеются налицо, а затем придется убежища для гарнизона строить в таком духе, чтобы они могли выдержать самый тяжелый огонь, а гарнизон мог бы сохранить свою боеспособность. Кто из этого состязания выйдет победителем, это так же ясно, как и то обстоятельство, что до сегодня в крепостной войне артиллерия оказывалась сильнее фортификации; таковой, вероятно, она останется и в будущем. Но во всяком случае время будет выгадано, а это в случае обороны очень важно. Если же желают достигнуть решитель-

ного исхода, то со стороны защитника должна быть проявлена соответствующая активность.

Для современной войны очень характерно, что в ней исход дела создается артиллерией, а пехота пожинает только плоды артиллерийской победы. И тем не менее пехота остается главным оружием, так как без нее война вообще немыслима и так как продвижение пехоты вперед намечает тот предел, до которого может быть доведен достигнутый успех. Без пехоты решительная победа невозможна Но это ничего не изменяет в том факте, что только путем артиллерийского преобладания, главным образом, и может быть достигнута победа.

Все эти особенности характерны для современной войны, насколько она обрисовалась перед нашими глазами, но что и в будущем будет иметь место такое же соотношение родов войск, никто не может сказать с достаточной уверенностью. Поэтому, с одной стороны, необходимо тщательно изучать минувшую войну, чтобы определенно выяснить вечную или временную ценность тех явлений, которые для нее являются характерными; с другой—необходимо создать себе представление о том, в каком направлении можно ожидать перемен в военном деле, куда вообще пойдет его развитие.

В последнем отношении будущие труды должны будут сказать свое слово. Что же касается только что завершенной войны, то задача настоящего труда сводилась к тому, чтобы выявить ее руководящие явления—насколько это возможно при современном знании фактов—таким образом, чтобы они не только давали картину общего характера ведения войны, но чтобы каждый при этом мог создать себе представление, что́ он может ожидать от будущего.

В войне, какою она теперь оказалась и какой, впрочем, она в этом отношении всегда была, группировка войск в общем обусловливается планом войны, а последний стоял в зависимости от обстоятельств, которые я уже описал. Это была война, которая началась, как война на два фронта,—французский и русский,—но которая мало-помалу, к сожалению, вследствие преимущественно ошибок нашего командования, превратилась в мировую войну чрез присоединение Англии, Италии, Румынии и, наконец, Америки. В этом случае определенный план войны не мог быть выдержан. Мы оказались более или менее в зависимости от поведения других воюющих держав. Если сначала борьба мыслилась, как борьба на два фронта, при которой сначала на русском фронте думали вести дело оборонительно, пока во Франции не будет достигнут решительный успех, то это отношение мало-помалу изменилось. Из-за переброса войсковых частей с запада на восток, из-за сражения на Марне и во имя помощи, которую необходимо было оказать австрийцам, мы были вынуждены перейти во

Франции к обороне, а в то же время в России, Румынии и Италии повести наступление, пока и здесь после блестящих побед не пришлось вновь возвратиться к обороне; в конце-концов мы стали искать завершения войны во Франции, но, к сожалению, оно не было достигнуто раньше, чем американцы не появились в значительных силах на театре военных действий и в самой Германии не вспыхнула революция. В действительности современная война, по существу, вылилась в войну позиционную, о тактической стороне которой необходимое я сказал уже в другом месте.

На западе такому порядку вещей дало решительный исход сражение на Марне, а на востоке позиционная война мало-помалу создалась благодаря численному превосходству русских, пока, наконец, она не овладела всей войной.

В случае позиционной войны, которая нас ближайшим образом интересует, необходимо сначала считаться с одинаковой силой, с, так сказать, равноценностью обеих борющихся сил, по крайней мере моральной, которая только мало-помалу может измениться. Маневренная же война выступает на сцену в том случае, если непрерывная линия фронта еще находится в стадии образования, или одной из сторон удалось прорвать неприятельскую укрепленную линию и таким путем вновь из позиционной борьбы создать обстановку борьбы маневренной.

Пока на сцене первая, дело будет сводиться при всех боях не к решительному состязанию, а в общем больше к продвижению вперед или назад той или другой из враждующих сторон. Конечно, это может иметь большие вещественные последствия, может обусловить большие выгоды и невыгоды, но никогда на этом пути не может быть достигнуто решительного результата. Его даст только маневренная война. Если сила нападающего исчерпана, если он уже не может более осуществить охвата, если, с другой стороны, обороняющемуся удастся восстановить прорыв благодаря войскам, подведенным с разных сторон,—в этом случае, конечно, может быть речь о потерях местности, о бесчисленных утерянных орудиях, пулеметах и пленных, но никогда о решительном успехе.

Это и случилось с нами при всех победоносных боях во Франции: так было во время нашего большого наступления в 1918 г., так в боях на Ли (так-называемое сражение у Армантье), так при штурме Кеммеля наши войска совершали почти сверхчеловеческое, это не подлежит никакому сомнению; и все же о действительном разгроме неприятельской армии не могло быть и речи, раз ей удавалось—а это фактически и было—восстанавливать свои позиции и в пространственном, и в тактическом отношениях. Всю войну против Франции, начиная с сражения на Марне, мы дрались, не достигая решительных ре-

зультатов, несмотря на то, что мы ослабили противника почти до уничтожения. В этом нельзя сомневаться, если смотреть на войну, как на нечто целое. Во всех наших боях нам не удалось ни разу разгромить врага; по всей видимости, нам едва ли это удалось бы и потом, когда на театре военных действий появились уже американцы и тем самым число наших врагов значительно увеличилось. Полная победа тогда, конечно, уже исключалась; но все же не исключалась еще возможность завершить борьбу почетным образом.

Иначе слагалась обстановка на русско-румынской стороне. На этом театре нам не один раз удавалось, не считая, естественно, боев в начале войны, прорывать неприятельские линии и достигать соответствующих решительных результатов, которые, наконец, после того, как революция достаточно помогла в этом отношении, привели к Брест-Литовскому миру.

Как бы то ни было, но здесь важно установить то именно обстоятельство, что решительный результат возможен только в маневренной войне и что поэтому все будет зависеть от того, совершится ли переход от позиционной войны, которую обстановка может сделать неизбежной, вновь к маневренной, при которой противник может быть охвачен, по крайней мере, с одной стороны и может быть оказано давление на его тыловые сообщения. Только такая война несет в себе решение, ибо только таким путем возможно внести в ряды неприятельской армии губительный беспорядок. А к этому на войне все и сводится.

На основании этого прежде всего мы должны рассмотреть позиционную войну под углом ее частных целей, так как она по времени и месту занимает бо́льшую часть бывшей войны, затем рассмотреть позиционную войну в сфере ее конечных решительных достижений и, наконец, упомянуть о маневренной войне, так как она и приносимый ею решительный удар являются конечной целью каждой войны.

При этом мы должны всегда ясно себе отдавать отчет, что при всех наших рассуждениях мы постоянно имеем в виду войну, как она выявилась в *теперешней* стадии своего развития, но не войну саму по себе, каковой ее, может быть, даст нам будущее.

I. Бой в позиционной войне из-за местных предметов[1]).

Приступая теперь к рассмотрению боя из-за местных предметов в позиционной войне, так как такой бой особенно характерен при тепе-

[1]) Автор говорит о местных преимуществах (Vortheile), т.-е. привязывает к местным предметам уже какой-то тактический коэффициент. Мы предпочли сохранить русскую терминологию, как более объективную и для нас более обычную. *Прим. ред.*

решпем ведении войны, мы должны сейчас же установить определенно, что при этом дело сводится к чистому захвату пространства с одновременным нанесением противнику возможно больше вреда, или к возврату назад какого-нибудь важного участка местности. В каждом из этих случаев приходится наступать совершенно фронтально, это лежит уже в природе дела. Для наступления необходимо иметь такое преобладание в силах, чтобы обороняющийся безостановочно подвергался поражению, пока не наступит непосредственная атака нашей пехоты, и чтобы последняя, т.-е. атака, производилась в сопровождении огневого вала, назначение которого—сломить последнее сопротивление неприятельской пехоты, если бы оно могло обнаружиться.

Самым трудным при этом, как уже сказано, является сосредоточение и распределение артиллерии. Она должна быть подвезена так, чтобы противник ничего этого не заметил. Она должна быть настолько сильна, чтобы быть способной в кратчайшее время сделать врага неспособным к борьбе, чтобы его пехота не могла сохранить за собой способности остановить движение наступающего. Огневой вал должен окончательно лишить ее этой возможности. Дальше необходимо позаботиться, чтобы батареи движущейся вперед пехоты могли быстро следовать за ней, дабы неприятельская артиллерия не приобрела возможности вне пределов поражаемости наших батарей переменить позиций, и поддержанная, по возможности, с фланга и с тыла, не привела бы наши батареи к молчанию. Точно так же необходимо соответствующим образом обеспечить себя против неприятельских аэропланов. Те передвижения, которые необходимы для такого скучного процесса, и те приготовления, которые нужны для перехода чрез так-называемую нейтральную полосу, могут быть выполнены только ночью. Особенно переход через нейтральную полосу требует много обстоятельных мероприятий, о которых было упомянуто выше: надо заготовить мостовой материал, построить и исправить пути, должны быть приготовлены рабочие и рабочий материал; словом, должна быть выполнена огромная и трудная работа, если хотят, чтобы наступление вышло внезапным и фактически удалось бы.

Самая местность, не говоря уже о действиях артиллерийского огня, благодаря одним окопам и проволоке делается трудно проходимой для атакующей стороны. Затем снаряды, каковые для нападающего потребуются в огромном количестве, должны быть сложены в близких местах, и при продвижении вперед взяты с собою. Относительно продовольствия можно, конечно, до некоторой степени рассчитывать на те запасы, которые будут найдены у противника, но совершенно на них полагаться ни в коем случае недопустимо, так как никогда в точности нельзя знать, что именно будет найдено. Поэтому некоторое количе-

ство продовольствия придется везти за идущими вперед войсковыми частями, чтобы хотя бы несколько быть в этом отношении обеспеченными. Вообще же для развертывания сил является желательной такая местность, которая возможно менее просматривается противником и тем допускает сокрытие батарей и артиллерийских парков. Отсюда ясно, как трудно осуществить всю эту подготовку, как многое нужно при этом учесть.

Повидимому, лучший способ в дальнейшем будет сводиться к тому, чтобы артиллерию, как об этом уже изложено раньше, распределить двумя волнами: первая должна быть достаточно сильна, чтобы ответить всем задачам, которые связаны с прорывом, вторая, снабженная также достаточным количеством снарядов, должна быть готовой сопровождать атакующую пехоту при ее продвижении. При такой организации неприятельские орудия никогда не уловят момента, чтобы подготовиться к отражению атаки в нужном количестве, атака будет развиваться непрерывно. При этом та часть артиллерии, которая потом будет назначена для сопровождения пехоты в качестве огневого вала, сначала примет участие в подавлении неприятельской артиллерии, и только тогда вступит в роль огневого вала, когда неприятельская артиллерия будет заглушена и когда своя пехота двинется на штурм.

Что касается этой последней, то будет целесообразно иметь для нее в виду тот же порядок, как и для артиллерии. Но при этом нельзя будет довольствоваться тем, чтобы пехоту пустить в виде одной единственной волны, достаточно сильной, чтобы решить лежащие на ней задачи, но скорее будут иметь наготове несколько пехотных волн, так что, если первая истощит свои силы, то вторая, затем третья и т. д. тотчас же будут наготове, чтобы продолжать удар. При этом, не считая упомянутых относительно артиллерии распоряжений, эту пехоту должны сопровождать маневренные батареи, которые, как уже изложено, имеют задачей непосредственно поддерживать пехоту при ее продвижении вперед, хотя это совершается иным способом, чем при организации огневого вала.

Таким образом ведется атака, пока она не достигнет своей цели. И в этот момент атакующая группа должна оставаться еще достаточно сильной, чтобы преодолеть неприятельскую контр-атаку и суметь удержать за собою завоеванную местность против тех наступлений, которые могут иногда оказаться и очень сильными. По этому поводу нужно упомянуть, как об очень крупной ошибке, о том случае, когда для намеченной атаки назначаются или слишком слабые силы, или к ним предъявляются требования больше того, что они в действительности могут выполнить. Кроме того, никогда не нужно делать остановки, пока не достигнут такого участка местности, который

будет пригоден для обороны, иначе войска очутятся в крайне неблагоприятном положении после истощения атакой своих сил. Если, например, достигается какая-нибудь командующая высота или непросматриваемая часть местности и они нами не занятые будут лежать перед нашим фронтом, то после законченной атаки будет в высшей степени трудно ускользнуть от наблюдения врага или самому получить возможность следить за его мероприятиями.

Поэтому, подготовляясь к наступлению, нужно с точностью учесть, какое количество неприятельских войск имеется на месте и какое будет подтянуто к угрожаемому пункту, когда противник сознает атаку.

Обороняющийся окажется совершенно беспомощным, если внезапность действительно удастся и атака хорошо будет организована. Он сможет тогда подтянуть подкрепления только с флангов и с тыла. Но они не будут достаточными, чтобы приостановить наступление, раз оно организовано планомерно, и атака в этом случае, вероятнее всего, будет иметь успех.

Совсем иначе повернутся обстоятельства, если противник заметит подготовку к атаке и будет к ней готов. В таком случае он своевременно сумеет подтянуть пехоту и артиллерию и может встретить наступление по крайней мере хоть отчасти равноценными войсками. В этом случае, т. е. в случае попытки осуществить атаку, вероятнее всего получится нерешительное дело.

Но еще в более благоприятном положении окажется защитник, если в случае атаки он откажется от удержания за собой передовой линии и с места ограничится тем, чтобы сохранить за собою ту позицию, которая лежит дальше в тылу. Естественно, противник ни в чем не может уловить это намерение. Конечно, обороняющему придется удержать на месте передовые войска или часть их и в зависимости от обстоятельств даже ими пожертвовать. Точно также придется оставить часть артиллерии, так как вся она не может покинуть своих позиций, не обнаруживая тем общего плана; по крайней мере должны будут оставаться дежурные орудия. Но в других отношениях будут получены неизмеримо большие выгоды. Вся артиллерия, назначенная на усиление, может быть сосредоточена и распределена вне дальности выстрела артиллерии атакующего, и здесь снабжена снарядами; в таком же положении будет и пехота, назначенная для обороны той линии, которую решено будет прочно удерживать. Огневой вал противника будет в силах захватить лишь небольшую *заранее определенную* часть пехоты; подвоз снарядов и продовольственных средств, как этого потребовало бы усиление передней линии, уже не будет иметь место; короче, обороняющийся будет поставлен в более удобное положение, чем атакующий,

и будет в силах до некоторой степени заранее учесть те жертвы, которые он готов будет принести.

Правда, атакующий будет в силах уничтожить своей артиллерией ту часть пехоты противника, которая должна будет в целях демонстрации удерживать за собой переднюю линию; он сможет также уничтожить оставленную часть неприятельской артиллерии. Но совершенно неповрежденной останется артиллерия, посланная на усиление, и та часть пехоты, которая должна будет удержать за собою выбранную главную оборонительную линию. Наоборот, та часть атакующей пехоты, которая захватит с понятной легкостью передовую линию обороняющегося и захватит также быстро, может быть, и передовые неприятельские артиллерийские позиции, сама затем попадает под губительный огонь главной артиллерии противника и главной его массы пехоты, при чем обе они будут совершенно непоколебленными, так как окажутся вне предельного выстрела неприятельских орудий наступающего. Нужно думать, что атакующий понесет здесь тягчайшие потери и ни в коем случае не достигнет своей цели.

И только, если он заблаговременно опознает свою ошибку и удержится от роковой атаки на главную оборонительную линию противника, он сумеет избежать разгрома. Конечно, передовая неприятельская линия будет им захвачена, но ценою таких потерь, которые не могут никогда оправдать эту скромную выгоду, между тем как обороняющийся потеряет лишь то пространство, которым он все равно не мог бы воспользоваться полезным образом. Но те относительно небольшие потери, которые он понесет, и в сравнение не могут быть взяты с потерями атакующего. Когда же такие атаки будут предприниматься часто, потери атакующего в конце концов окажутся столь большими, что он будет даже не в состоянии уже осмелиться на *решительный бой* и возможно, что он обречет и всю войну на проигрыш.

Этого необходимо избегать во всяком случае. Но так как до чрезвычайности трудно при всех предосторожностях, при всех благоприятных особенностях местности и при всяких демонстрациях все же скрыть подготовление к атаке, особенно, если противник уже напрактиковался и хорошо умеет учитывать все соответствующие признаки; так как кроме того, благодаря перебежчикам и сведениям от пленных, он слишком часто бывает ориентирован о предстоящей атаке,—я вижу только одно средство для достижения цели, а именно: в комбинации отхода и атаки.

Сущность этой идеи состоит в том, чтобы организацию крупного наступательного предприятия произвести на определенной выбранной в тылу линии, намеченной в качестве исходной линии атаки, и тем

совершенно сохранить процесс в тайне от неприятельского осведомления и наблюдения, а также и от неприятельского огня. После того, как исходная для наступления линия путем огромного труда будет подготовлена, фронт должен податься назад, а в момент последующего продвижения за нами противника должен быть организован внезапный переход в наступление.

Данными для успеха подобного плана, естественно, будет то условие, что противник на наше отступление взглянет, как на резонное во всех смыслах, что он с этим отступлением свяжет или задачу сокращения нами фронта, или цель стратегического и тактического улучшения наших позиций, или нечто подобное. Но так как и при этом все же будет трудно помешать противнику при посредстве перебежчиков и пленных узнать о предстоящем нападении, нужно в дальнейшем вести дело так, чтобы даже и собственные войска сами не ожидали такого наступления.

Отсюда видно, что все сводится прежде всего к тому, чтобы укрыть от внимания противника нашу атаку, дабы она застала его совершенно неподготовленным и оказалась бы для него неожиданным ударом.

Этой цели можно будет достигнуть в том случае, если на всем предполагаемом фронте атаки для указанного нападения будет выбрано такое именно место, уход с которого, как сказано, будет считаться естественным и не предоставит противнику слишком узкой полосы для продвижения, но не оставит ему таких пунктов, которые ему легко будет оборонять, а с другой стороны, если отходом будет создана возможность, благодаря последующему с нашей стороны переходу в наступление, нанести противнику большое, а, по возможности, и решительное поражение и также достигнуть важных в оперативном смысле целей.

В тылу той линии, которую без существенного труда можно будет отдать противнику, должна быть намечена такая позиция, с которой может быть затем организовано наступление. Местность, подводящая к этой позиции, не должна включать в себя участков, выгодных для неприятельской обороны, и кроме того не должна содержать таких пунктов, с которых противник мог бы располагать хорошим обзором всего, на позиции происходящего.

На этой позиции будут построены нужные окопы и необходимые убежища, распределены батареи, набросаны артиллерийские планы, восполнено артиллерийское снабжение; дивизии, предназначаемые для последующей атаки, будут расположены в соответствующих пунктах; будет построена сеть путей; артиллерия будет мало-по-малу притянута... короче, способом, возможно менее бросающимся в глаза, будут

осуществлены все мероприятия, нужные для атаки, и притом под предлогом, будто мы сами ожидаем большого неприятельского наступления и в момент его начала или еще до него решили отойти на тыловую позицию, как, например, сделал это в свое время Гинденбург [1]), отойдя на заблаговременно укрепленные позиции.

Так как за передовой линией, повидимому, не будут выполнять никаких подготовительных работ к атаке, то естественно, что свои войска не будут и думать об атаке с нашей стороны и не станут поэтому вести соответствующих разговоров. Противник также не увидит каких-либо подготовок к наступлению, а укрепление задней позиции, по всей вероятности, ускользнет от его внимания, почему в результате у него не будет шансов догадаться о готовящейся атаке.

Мы можем усилить его обман еще тем, что в каком-либо другом месте позади передовой линии будут разыграны видимые подготовления к большой атаке и намечены мероприятия, которые будут намекать на такого рода намерения, как-то: постройка подъездных путей, ночные передвижения колонн, подвоз резервных батарей, закладка парковых организаций и т. д.

В то время как приготовления для действительного нападения с тыловой позиции будут в ходу, в передовой линии, удерживаемой пока за нами, должны все же быть осуществлены некоторые мероприятия, которые могут помочь последующему выполнению удара, но которые противнику не должны бросаться в глаза, как таковые.

При этом придется позаботиться о соответствующих измерениях и подготовке оснований (Versteinern) для батарей с тем, чтобы в случае перехода атаки за первоначальную передовую позицию они могли бы продвинуться на готовые места и затем организовать артиллерийскую поддержку для дальнейшего наступления. Точно также батарейные планы так должны быть завершены и отметки расстояний так определены и обозначены, чтобы можно было осуществить быстрое продвижение вперед атакующей артиллерии; и в промежуточной местности, раз обстоятельства продиктуют желательность этого, могут быть заранее подготовлены артиллерийские позиции, чтобы батареи быстро по-эшелонно могли продвинуться на них.

Также очень разумно, как и было уже упомянуто, позади атакующей артиллерии, назначенной для первого удара, держать в запряжке вторую артиллерийскую волну, чтобы можно было предпринять

---

[1]) В начале 1917 г. Гинденбург отвел свои войска на заблаговременно укрепленную позицию и тем сделал бесплодной всю подготовку французов для атаки. Французы назвали позицию гинденбурговской, немцы—зигфридовской. Эта линия—Аррас—С.-Контэн—Суассон. *Прим. ред.*

передвижение вперед огня, не ослабляя в то же время, хотя и временно во время передвижения, огня артиллерии, назначенной для первого удара.

Точно также необходимо рекомендовать не предъявлять к атакующей пехоте слишком идеальных требований. Пехота после длительной войны не будет располагать уже той боеспособностью, как при начале ее. Особенности современной войны требуют к тому же огромной самодеятельности всех низших начальников, а она при понижающемся офицерском и унтер-офицерском материале может быть только ограниченная; нельзя забывать, как мало времени может быть уделено вообще развитию самодеятельности. Точно также на войне постоянно нужно учитывать всяческие обстоятельства и случайности,—внезапное появление неприятельских резервов и т. п.,—а также расслабляющее, а отчасти и деморализующее влияние современного боя на менее устойчивые части.

Поэтому желательно приготовить для атаки столь много эшелонов дивизий, сколько позволит наличие общих сил и сколько потребуют этого обстоятельства. Этим будет значительно обеспечена уверенность действительно осуществить оперативную цель, которую себе поставили, а не застрять на полпути потому, что откажет пехота. Лучше вместо того, чтобы в этом отношении налагать какие-нибудь ограничения, поступиться числом и размером атак.

Когда таким путем все распоряжения будут выполнены, которые собственными войсками будут, без сомнения, поняты, как подготовка для движения назад, тогда в действительности и приступают к этому отходу на заранее готовую „наступательную позицию“. Уничтожают за собою все укрывающие от огня постройки и притом отходят назад по-районно, чтобы вызвать медленное следование за нами противника и дать ему время двинуться вместе со своей артиллерией.

Все должно быть пущено в ход, чтобы побудить противника к движению за нами. Командующие высоты, пространства, раньше потерянная им местность должны соблазнять его военное честолюбие; непрерывное осведомление врага о нашем отступательном намерении заранее должно побудить его к движению вперед, а наши частные переходы в наступление во время общего отхода должны еще более разгорячить его.

Неприятельская артиллерия до отхода должна хорошо быть обстреляна желтыми гранатами[1]), чтобы побудить ее покинуть ее старую артиллерийскую зону. Такое обстреливание гранатами не только хо-

[1]) Gelbkreuzgranate, т.-е. граната с желтым обводом; последний обозначает газовую гранату. *Прим. ред.*

рошо пригодится для нашего собственного отхода, но его влияние будет чувствоваться и потом, при позднейшем нашем переходе в наступление; побудив противника к скорому оставлению своих позиций, такое обстреливание лишит его возможности позднее развернуться на старых позициях. Вообще же не существенно важно, чтобы противник особенно быстро шел за нами; даже будет лучше подарить ему несколько дней, чтобы продвинуть вперед свои ударные силы, а особенно свою артиллерию в намеченный район.

При этом окажется вообще нелегким выбрать настоящий момент для перехода в атаку, так как, дабы использовать все выгоды положения, нужно, главным образом, огорошить противника в тот момент, когда его оборонительная система, спутанная общей переменой позиции, а особенно его заградительный огонь и его разведывательный аппарат еще не будут установлены. Излишне долгое промедление даст возможность противнику слишком окрепнуть и сосредоточить большие массы орудий и снарядов. Но гораздо опаснее преждевременный удар впустую.

Поэтому со времени начала отхода должны быть пущены в дело все органы наблюдения для осведомления о противнике: измеренный план, привязные шары, аэропланы, надземное наблюдение, особенно важно уловить движение его артиллерии. Ознакомление с неприятельской местностью, которое приобретается при этом процессе или во время прохода мимо позиций при отступлении, очень пригодятся позднее при всех случаях. А для работы артиллерии осведомительные данные этих немногих дней послужат основным материалом.

Раз приблизились к „наступательной позиции", необходимо подождать еще некоторое время, пока не удастся через летчиков или иными средствами наблюдения установить позиции по крайней мере главной части неприятельской артиллерии; затем в последнюю ночь надо передвинуть атакующую пехоту с ее сопровождающими батареями в исходные пункты и непосредственно за этим перейти в наступление. Этим достигаются следующие выгоды: сосредоточение артиллерии, ее распределение на позициях и подвод атакующих дивизий будут от противника скрыты, предварительные работы на выбранной позиции, как-то: выбор артиллерийских позиций и определение расстояний, установка наблюдательных пунктов и т. п. будут выполнены вне дальности артиллерийского огня и много внимательнее; такие тяжелые работы, как подвоз снарядов и вообще снаряжения на том же основании, а также и потому, что это будет совершаться по хорошим тыловым дорогам, будут выполнены легче, надежнее и без неизбежных потерь в людях, лошадях, обозе и снаряжении.

Это последнее обстоятельство допускает планомерное распределение всего материала в течение времени, предшествующего дню атаки. Чрез это будет возможно, в связи с очень строгой организацией сношений людей, находящейся под наблюдением офицеров вплоть до передовой линии, избежать бросающегося в глаза передвижения групп, которое часто, слишком часто выдает намерения. Некоторые следы особой деятельности будут приняты противником вообще, как возведение какой-то тыловой позиции. Под флагом этой догадки, как уже сказано, можно суметь скрыть и от собственных войск наступательное намерение. Все подготовительные работы вплоть до всевозможных деталей могут протекать под личным надзором высоких начальников. Противника можно будет поразить внезапностью и застать на неподготовленной позиции. Рассчитывать с его стороны на сильные резервы первое время не придется, а более позднее прибытие уже не будет протекать планомерно. Не придется преодолевать местности, изрытой на большом протяжении окопами или воронками. А в только что покинутом районе можно будет найти хорошо построенную сеть путей и железнодорожной колеи; если что-либо и окажется разрушенным, то противник сам постарается это восстановить. Возможность поместить тяжелую артиллерию в самую передовую линию обеспечит за нашей артиллерийской подготовкой требуемую дальность действия, дабы потрясти даже далеко стоящую неприятельскую артиллерию и захватить далекие тыловые позиции. Указанные приготовления, как я уже говорил, можно отчасти распространить и на будущую неприятельскую территорию. Батареи могут заранее быть назначены в определенные пункты, войска и начальники могут заранее быть ознакомлены с местностью; артиллерия заранее может опознать цели, пункты для наблюдения и места для позиции. Разведывательная служба заблаговременно будет в состоянии наметить организацию органов осведомления в неприятельской местности до мелочей. Позднейшие пути, нужные для войск, могут быть восстановлены, нужный для этого баластный материал будет держаться в достаточной мере наготове для перенесения его дальше в глубь неприятельской территории.

Даже можно обдумать заранее определенные места для снарядных погребков, которыми бы могли воспользоваться маневренные батареи. Наконец, вследствие благоприятного склада обстановки, как средство атаки, могут быть в большем масштабе применены газовые батареи.

Залп, состоящий приблизительно из 1000 газовых мин на каждый километр, может оказать решительное действие и при благоприятной погоде может ввести смятение в ряды противника далеко вглубь

ого тыла. Нужные подготовления и постройки под заботливым прикрытием аэропланов могут быть выполнены задолго, самые же газовые снаряды могут прибыть в ночь перед атакой.

При таких условиях массирование средств нападения с нашей стороны, неукрытность противника, не успевшего укрепиться — с другой, допускают значительное сокращение в процессе артиллерийской подготовки и обеспечивают за нами бо́льшую экономию времени до момента подхода неприятельских резервов. Сама же артиллерийская подготовка, после всего сказанного, может повестись с необыкновенной силой и по этому накоротке, ибо изложенные выше благоприятные условия подготовки допускают исключительное сосредоточение орудий и снарядов.

После всего сказанного полный успех является в высшей степени вероятным. Но подобный маневр едва ли может быть проведен с одинаковым успехом два раза. Поэтому рекомендуется такую форму атаки тотчас же развернуть в решительное наступление и стремиться им достигнуть исхода всей войны.

Если я в моих последних изложениях невольно становлюсь на немецкую точку зрения и в остальном описал сражения так, как они чаще всего выявились во время войны и как я сам их наблюдал, то при этом все же нельзя забывать, что есть и другие способы атаки, кроме здесь описанных, между тем как оборона в общем не может вестись как-либо иначе, чем, как это приведено в настоящем изложении.

Эти другие способы, естественно, не могут быть изложены здесь в такой же мере, как упомянутые доселе, так как я не буду располагать достаточным опытом, на котором должно бы базироваться то или другое освещение. Да и пришлось бы слишком часто прибегать к повторениям, раз дело коснулось бы подробного изложения. Во всяком случае средства, которые могут применяться, будут в конце концов одни и те же: артиллерия, танки и пехота, лишь комбинации их будут различны. Все-таки добавлю еще следующее.

Часто дело сведется к внезапности. Танки гораздо легче могут быть сосредоточены, чем пехота, раз налицо есть нужная сеть путей; поэтому ими гораздо легче огорошить, чем пехотой. Повидимому, нашим противникам это удавалось не один раз. Что касается до артиллерии, то, естественно, в этом случае многое в огромной степени зависит от числа орудий, которыми мы располагаем. Против нас работал союз четырех европейских армий, к которым в последний год войны присоединились еще и американцы, между тем как на нашей стороне турок и болгар и считать не приходится, так как нам самим приходилось снабжать их орудиями и снарядами. Кроме того к услугам наших врагов была промышленность всего мира, и ничего нет

удивительного, что они в конце концов располагали подавляющим числом танков и орудий, а это значит, что как для нападения, так и для обороны им не нужно было сосредоточивать в таком же числе войска, как нам, чтобы достигать одинаковой цели. Конечно, это была чудовищная привилегия, которая в конце концов сказалась решительно на всем.

Это сказалось также и при последних боях 1918 г. Особенно велика была в конце концов разница в танках; да и в артиллерии союзники значительно превосходили немцев.

Это обстоятельство должно быть принято во внимание при обзоре последних событий. Чем длительнее становилась война, чем больше гибло немцев от смерти и ранений, чем низшей по качеству становилась замена, тем больше создавалось преобладание на стороне союзников, несмотря на сильные потери, которые и они несли, тем легче переходила в их руки выгода инициативы, тем разнообразнее становились их атаки. Более слабый числом защитник кроме того располагал средствами, которые непрерывно убавлялись. Против танков и усиленного огневого вала он не располагал уже новыми средствами обороны, и в то время, как война постепенно сводилась к применению средств техники, обороняющийся в целом и в частностях должен был прибегать все к одним и тем же старым средствам защиты. Оборонительной ничего не оставалось, как сосредоточивать свои войска, раз была распознана неприятельская атака, применять различные формы боя, которые отвечали бы неприятельскому методу атаки, а в остальном полагаться на храбрость своих солдат. Эти обстоятельства не позволили немецкому командованию выступить с новыми приемами борьбы и сохранять за собой инициативу в то самое время, как противник свободно мог ими пользоваться. Например, может быть, была возможность выгоднее организовать огневой вал чтобы при этом сильнее использовать силу орудийного огня, чем это было в действительности. Поэтому будет позволительно сказать об том несколько слов.

II. Огневой вал.

Мы уже видели, что никакая атака пехоты невозможна без предшествующего ей огневого вала, который должен сломить последнее неприятельское сопротивление непосредственно перед штурмующей пехотой. Но большой недостаток его состоит в том, что скорость его движения должна быть установлена раз навсегда. Движется ли пехота скоро или медленно, вал идет вперед одинаковым темпом, и поэтому слишком легко, как это и бывает в действительности, отрывается от

пехоты, уходя вперед, а позади его беспрепятственно может ожить сопротивление неприятельской пехоты. С другой стороны, пехота может заставить вал продвигаться медленнее, чем этого требовали бы обстоятельства. Задача нападающего таким образом сводится к тому, чтобы вал сделать подвижным, дабы он мог применяться к характеру движения пехоты. Эта задача практически еще не решена; можно поэтому лишь задаться предположениями, которые за собой не имеют еще огневой практики.

Если задуматься над этим вопросом, то прежде всего сама собой напрашивается мысль доставить возможность командиру пехотного полка при посредстве простых световых сигналов оказывать влияние на скорость идущего пред его полком вала. Эта мысль, повидимому, практически выполнима. Поле атаки может быть разграфлено на одинаковой ширины полосы для вала, которые в общем совпадают с полковыми полосами и будут обозначены одинаковыми цветами. Если на каждую дивизию считать в первой линии два атакующих полка, то в пределах двух дивизий понадобится четыре особых света, и этим будет исключена всякая путаница. Если вообразить, как это и бывает, больше дивизий, чем две для передовой линии, тогда понадобится больший ассортимент цветов, но всегда можно обойтись красным желтым, белым и зеленым. Правда, возможно, что между двумя полками окажется промежуток, что вал перед одним, смотря по обстоятельствам, идет быстрее или медленнее, чем пред другим; впрочем, эта разница, если командир полка примет нужные меры, всегда будет незначительна, и едва ли когда противник воспользуется этим обстоятельством для прорыва через нашу пехотную линию.

Если полк в процессе атаки попадет на соседнюю полосу, то для согласования своих действий с работающим в этой полосе отделением артиллерии он должен само собой пользоваться соответствующим цветом, если ему придется давать сигнал артиллерии.

Так как при этом еще сомнительно, увидят ли соответствующие знаки, то должны быть особенные наблюдательные привязные шары, примерно, один на дивизию, которые и возьмут на себя задачу передавать дальше сигналы тем частям артиллерии, которые образуют вал в соответствующей полосе местности. На световой сигнал своего цвета соответствующая артиллерия, например, могла бы отойти назад на 200-метровую линию вилками в 50 метров каждая [1]) и продолжительностью огня в 5 минут на каждой вилке и затем автоматически продолжать итти вперед, если не последует каких-нибудь дальнейших сигналов. Очевидно, время может быть определено каким-нибудь

[1]) 50 метров отвечают одному делению прицела. *Прим. ред.*

другим способом; это зависит оттого, как быстро думают итти вперед с артиллерией. В этом отношении рекомендуется не задаваться слишком утонченными требованиями. Данные для соображения налицо. Конечно, соглашение с соседним полком будет желательным.

Медленно двигающийся вал во всяком случае предпочтительнее, чем быстро идущий. Тогда будет больше уверенности, что пехота во всяком случае поспеет и реже будет вынуждена прибегать к световым сигналам. Во всяком случае подобный подвижной огневой вал лишь тогда будет осуществим, если есть возможность подготовить его в полном покое и дальновидно. А это тогда будет возможно, если армия перед атакой отойдет назад. Лишь в этом случае вообще можно достичь того, что ни одна из батарей не уклонится из рамок своей световой полосы и артиллерийские позиции будут возведены перпендикулярно направлению выстрела. Точно также необходимо, чтобы командиры пехотных полков и командиры артиллерийских отделений с точностью были знакомы с определенными им полосами. Конечно, и тот и другой только тогда получат возможность ознакомиться с местностью противника, если они при отступлении могли достаточно изучить эту местность.

Вообще же подвижной огневой вал применим только тогда, если пред нападением имеется ввиду отход назад и если отдельные цветные полосы идут совершенно перпендикулярно к направлению фронта батарей, так как иначе нельзя получить перпендикулярного направления артиллерийских выстрелов батарей, а оно существенно необходимо. При этом, конечно, не разумеются незначительные уклонения, какие имеют место при всяком огневом вале, главным, образом, при подвижном.

III. Решительный бой в позиционной войне.

Бой, который должен нести с собою в позиционной войне решительный исход, является по существу точно таким же, как и бой, не имеющий подобной задачи; лишь только в общем плане выявляется резкая разница. Во втором случае группировка сил по всей линии будет почти равномерна; разве только особенности местности и поведение противника заставят сосредоточить в том или другом пункте несколько большее число сил. Оперативный замысел, лежащий в основе, сведется разве только к тому, чтобы захватить особую полосу местности. Совершенно будет иначе, если общий замысел обусловливается целью решительного удара. Тогда силы будут сгруппированы позади фланга, на котором и будут искать решительного исхода; сосредоточенные здесь силы должны получить двойное направление. Передовая волна получит задачу итти прямо перед

собою и отбросить противника возможно глубже назад, а вторая волна будет иметь задачей двинуться вне пролома и обойти фланг противника, на которого она натолкнется.

При этом должно иметься ввиду именно, чтобы в месте прорыва разорвать силы противника, чтобы получился действительный пролом в неприятельской позиции, чтобы прекратилась всякая связь между теми войсками, которые в это время будут обойдены, и теми, которые прямо будут отброшены назад. Противник естественно сделает все возможное, чтобы этому помешать. Он со всех сторон направит сюда войска или вообще постарается сюда их стянуть, чтобы воспрепятствовать прорыву или закрыть только что произведенный прорыв. Но этому-то и нужно помешать. Для этой цели войска должны быть наготове. Части, сосредоточенные за флангами, должны быть достаточно сильными, чтобы в случае нужды располагать таким излишком сил, который мог бы быть брошен в образованный прорыв. Здесь вообще может быть применена и кавалерия, которая быстро пройдет вперед и сумеет отбросить назад двигающегося для восстановления прорыва противника. При кавалерии должна быть значительная артиллерия, которая была бы в силах быстро сокрушить встречного врага.

Поэтому вполне понятно, что как англичане, так и французы держали кавалерию наготове позади своей боевой линии, чтобы завершить и использовать прорыв; но только они неправильно при этом распоряжались кавалерией, всегда выпуская ее в такие моменты, когда она натыкалась еще на слишком большие силы противника и к тому же производила фронтальную атаку. Естественно, этого нужно избегать. Кавалерия должна, наоборот, быть задержана настолько долго, пока местность совершенно не будет свободна от противника, и затем она должна быть разделена на две части, которые будут пущены по разным направлениям: одна против той части неприятельских сил, которые должны быть обойдены, другая против той, которая должна быть отброшена только фронтально. Обе кавалерийские группы должны продвигаться вперед с полной энергией, чтобы пространство между ними делалось свободным и кавалерия приобретала бы тем необходимую свободу передвижения.

Точно также будет необходимо в этом месте сосредоточить значительные войсковые массы и с ними двигаться вперед с возможной быстротою, дабы помешать противнику своевременно подтянуть резервы. Поэтому именно здесь артиллерийская подготовка на фронте должна быть приподнята до пределов возможности, и кроме того надо держать наготове запряженной значительную артиллерию, чтобы ее, в то время как на фронте будет совершаться непрерывное движение

вперед, можно было бы направить против обходимой части фронта противника.

Сеть дорог и путей должна быть разработана с тою широтою, которая отвечала бы поставленной задаче, и подвоз снарядов должен быть урегулирован соответствующим образом. Ибо, понятно, понадобится очень много снарядов, дабы, с одной стороны, быстро продвигаться вперед на фронте, а с другой, чтобы иметь в запасе нужный материал для работы на фланге. На этом-то фланге и особенно важно быстро продвигаться вперед. А это в значительной мере будет облегчено тогда, если удастся против этой части расположения противника одновременно с фронтальной атакой направить концентрический огонь, чтобы противника особенно быстро принудить здесь к отходу и тем быстро расширить прорыв, в который потом могла бы вломиться кавалерия.

Последняя будет продвигаться вперед, т.-е. держась середины, так долго, пока еще будет находиться до некоторой степени вне неприятельского огня, а затем она обязана, соответственно ее делению на две части, направиться против тыловых сообщений противника. Особенно она должна не упускать из виду железнодорожных линий и узкоколеек, стараясь их разрушить, ибо они могут служить для подвоза неприятельских подкреплений, снарядов и продовольственных средств. Само собой разумеется, однако, что железнодорожное полотно не должно разрушаться, так как оно само позднее понадобится при быстром продвижении вперед.

Из сказанного видно, насколько нужна основательная подготовка, чтобы на данном пункте действительно осуществить прорыв; какой нужен глубокий предварительный анализ, чтобы совершенно ясно себе представлять все возможности. Ничего не должно быть предоставлено случаю. Центр тяжести по завершению прорыва сводится к деятельности против флангов противника, ибо только в этом месте, что и выясняется всем сказанным раньше, может быть достигнут потрясающий успех. На какой стороне придется искать такового, будет зависеть от обстоятельств. Вообще же его придется направить против той войсковой массы, против которой не направлялся первоначальный фронтальный удар, именно против этой-то части всего фронта преимущественно и будет направлена ударная сила, так как противник менее всего будет готов для этого удара. Конечно, может, что и естественно, иметь место и такой случай: часть противника, до того атакуема только фронтально, будет также подвергнута и охвату с нашей стороны, и значит главный удар поведется на внутренний фланг противника, а на его внешних флангах придется более или менее вести дело оборонительно. В обоих случаях сквозь образованный прорыв должны быть

направлены весьма значительные силы, чтобы сохранить непрерывный темп удара и добиться действительного и решительного исхода. Все же в последнем из указанных случаев опасность неудачи является больше, так как как бы мы быстро ни продвигались вперед, все-таки противнику, по всей вероятности, всегда будет возможно подтянуть подкрепления к той части своей позиции, которая подверглась фронтальной атаке, и против этих подкреплений придется тотчас же бороться.

Затем прорвавшийся атакующий при дальнейшем продвижении вперед вынужден будет все более распространяться по сторонам, чтобы обезопасить себя против охвата своего собственного внешнего фланга и при том в обе стороны, так как противник всегда будет пытаться подтянуть свои резервы с обеих сторон, дабы замкнуть происшедший прорыв, а это прежде всего вызывает необходимость разрушения кроме того и тех железных дорог, которые бегут параллельно атакованному фронту. Легко понять, что для этого лучше всего пригодна опять-таки кавалерия. Она одна может так быстро перебросить вперед, как это и необходимо для указанной цели. Что она при этом рвется вперед беззаветно и должна будет жить на местные средства или на те неприятельские запасы, которые она найдет, не заботясь о своем тыле, это при данных условиях понятно само собою. Отсюда также явно, насколько будет важно, чтобы вслед за пробившимися войсками быстро прокладывались железные дороги, и как основательно должна быть подготовлена их прокладка, дабы прорыв действительно удался.

На основании изложенного более чем понятно, что подобная попытка не часто может повторяться, и поэтому нужно дважды, может быть, трижды обдумать, прежде чем будет приступлено к этой очень обоюдоострой мере, которая вызывает часто слишком огромные сосредоточения войск и делает тем вдвойне трудным сокрытие таковых от взоров противника.

Во всем вопросе прежде всего важно наметить то направление, в котором должен повестись прорыв, так как от этого вообще будет зависеть исход всей операции, не говоря об ее плановой подготовке. А при этом выступает на сцену, как основная тема, вопрос о решительном направлении. Кто желает ближе ознакомиться с этим вопросом, может найти его в соответствующей главе второго тома моей книги „Современная война“[1]). Сейчас достаточно только сказать, что в этом случае, с одной стороны, вопрос сводится к чисто тактической теме, с другой,—поскольку имеется ввиду решение всей кампании,—

[1]) „Современная война“, том II, стр. 178—203.

к темам географического и политического содержания, но что при этом никогда решительное направление само по себе не может быть подсказано чисто теоретическими рассуждениями. Мысль может быть выяснена только на отдельных примерах, так как она может видоизменяться в каждом отдельном случае.

Против России со стороны Германии решительное направление шло через балтийские провинции на Петроград с достаточной обеспеченностью на правом фланге, со стороны Австрии оно шло от Галиции в общем направлении на Москву, между тем как на Западе придется различать несколько направлений, в зависимости от политической обстановки. Пока Англия еще не принимала участия в войне, а грозила только участием или имела на французском театре лишь свою слабую армию мирного времени, направление на Кале было, без сомнения, решающим, как это всегда и подчеркивал граф Шлиффен. Но когда вновь образованная английская армия вступила на почву Франции, решительное направление совпало с линией, идущей в разрез между французской и английской армиями.

Англия являлась, без сомнения, более опасным врагом, таким врагом, волю которого было особенно трудно сломить. А это сводилось к тому, чтобы прежде всего уничтожить английскую армию и тем принудить к миру Англию, нужда в угле которой приподнялась до высочайшей степени, так как она именно почти всецело снабжала своих союзников черными бриллиантами. Поэтому по достижении прорыва предстояло непосредственно направиться против английской армии, ее уничтожить, а против французских сил на первое время держаться оборонительно. Но можно было поступить наоборот: сначала напасть на французскую армию, держась оборонительно против английской, если бы Франция признавалась более опасным врагом.

Когда американцы появились в перспективе, дело сводилось к тому, чтобы добиться быстро, насколько это было возможно, исхода прежде, чем американская армия могла вступить в борьбу. Были ли для этого достаточные силы, это другой вопрос, обсуждать который здесь не место: для этого современные источники еще недостаточны. Подвергать же критике военное командование ни в коем случае не годится, так как его мотивы еще совершенно не выяснены; задача здесь сводится к чисто теоретическому анализу. Дело сводится просто к констатированию, что определенное направление можно будет называть решительным не на все время, и решение этого вопроса должно быть предоставлено каждому отдельному случаю. Нельзя при этом также упускать из виду тактической стороны дела, ибо тактические выгоды и невыгоды могут оказаться столь значительными, что они превысят

оперативные [1]) или стратегические соображения. Решение вопроса, нужно ли следовать тем или другим, является исключительным достоянием полководца, характер которого сыграет при этом значительную роль. Один может дерзать больше, чем другой, и все же будет иметь большие шансы на успех.

Поэтому решительное направление будет всегда установлено по соображениям, которых нельзя предвидеть заранее. Что же касается до обороняющегося, то он едва ли когда может определенно предвидеть, где враг будет намечать это решительное направление. Смотря по обстоятельствам, все дело для него может свестись к тому, чтобы протянуть войну так долго, пока атакующий, может быть, сам решится на мир, т.-е. вести войну затяжную. В этом случае для обороняющегося решительное направление будет интересно в том смысле, чтобы правильно обсудить действия противника и своевременно разгадать, в каком пункте фронта он намерен сделать прорыв.

Туда затем и будут направлены все его резервы. При этом очень важно—что, впрочем, касается всех подвозимых резервов—выгружать войска не слишком близко к передней боевой линии, чтобы они после высадки не ввязывались тотчас же в бой раньше момента сосредоточения их в значительных силах и раньше занятия ими какой-либо позиции, на которой они могли бы оказать действительное сопротивление или могли бы перейти в контр-атаку. Иначе можно растратить резервы по частям, не достигая цели. В этой стороне дела переплетаются выгоды как атакующего, так и обороняющегося.

Последний должен своевременно разгадать опасность, которая ему угрожает; затем он должен суметь решить, имеет ли он дело с обыкновенным наступлением или решительным, и сколько поэтому он должен сосредоточить сил; он должен разгадать направление, в котором поведется главный удар; и, наконец, он должен на основании сплошь ненадежных признаков суметь рассчитать, как близко по параллельным линиям он должен подвезти свои подкрепления, не подвергая их слишком раннему поражению. В конце концов он витает в море неизвестного и будет располагать лишь факторами, едва-едва поддающимися точной расценке.

Но к выгоде обороняющегося можно тотчас же заметить, что все эти минусы только тогда вполне будут иметь место, когда атакующему

[1]) Автор различает *оперативные и стратегические* мероприятия (или соображения), разумея в первом случае взаимоотношения и действия армий, двигающихся в совершенно определенной обстановке, во втором—взаимоотношения вооруженных сил государства, при учете географической и политической обстановки. *Прим. ред.*

удастся подготовку к атаке сделать незаметной для врага, по крайней мере столь долго, что последний уже будет не в силах своевременно принять соответствующие меры. Но естественно, что такое достижение уже само по себе очень трудно, но оно вдвое будет труднее, если вопрос сведется к большому сосредоточению войсковых масс; а таковое нужно для прорыва и должно отвечать той цели, которая признается решающей для всей кампании.

Поэтому должны быть приняты всевозможные меры предосторожности, чтобы скрыть от противника осуществляемое намерение, и к таковым прежде всего принадлежат комбинации атаки с предпринятым заранее отходом. Таким образом, если имеется в виду наступление, решающее всю войну, так как общее положение может того потребовать, хорошо будет сделано, если с таким наступлением будет связан отход. Тогда легче будет достигнуто незаметное сосредоточение огромных войсковых масс, которые необходимы для подобных предприятий.

IV. Атака и оборона в маневренной войне.

Маневренная война или будет постоянно иметь в виду целое, или она имеет тенденцию обратиться в позиционную войну. Это лежит в природе дела. Атакующий, пока он движется вперед, постоянно ищет решения оружием; обороняющийся или уклоняется от удара, или принимает бой. В последнем случае он может решить или просто вступить в решительное сражение, или свести дело к позиционной войне. На первое он может решиться, если отход, при котором он отступает на свои резервы, настолько выравнял его силы по сравнению с силами противника, что он считает возможным попытаться решить дело боем, подобно русским у Бородина. К позиционной войне он прибегнет тогда, если будет располагать достаточными силами и будет иметь достаточно времени, чтобы соответственным образом подготовить позиции, которые он желает занять. Особенность местности, в смысле ее пригодности или непригодности для обороны, также будет при этом играть роль. В этом случае имеют силу законы позиционной войны.

Когда же сохраняет силу маневренная война, полководец должен уже будет считаться с правилами этой войны, и дело сведется тогда также к решительному акту. Так в действительности и случилось в начале войны, а позднее также и на русском и румынском театрах войны. Где войска встречаются, не устроив между собою непрерывных и укрепленных линий, где будет налицо определенная оперативная свобода, там постоянно будут искать решительного исхода, и он скоро будет найден: так было в первых боях в Бельгии и во Франции, так было при знаменитом походе Гинденбурга в Восточную Пруссию, при отходе

в Силезию, при вступлении в Валахию, при наступлении на Брест-Литовск и при операции, которая окончилась взятием Риги и русских прибалтийских провинций. Сейчас мы будем говорить только о таких операциях. В них охват вновь приобретает свою силу и тем более, чем совершеннее теперь оружие и чем более война ведется без крепостей и без прочих вспомогательных сил позиционной войны.

Что касается стратегической и оперативной сторон этой войны, мы можем спокойно держаться того, что было сказано в моей книге „Современная война", вышедшей незадолго до мировой войны. Тактические же перемены, которые так характерны для этой войны и выделяют ее среди всех войн, бывших раньше, мы будем особенно иметь в виду и о них подумаем.

В этом случае особенный вес имеют следующие стороны: усовершенствование и увеличение артиллерии, радикальные перемены в боевых приемах пехоты и кавалерии, воздушный флот и, наконец, страшно увеличенный подвоз, благодаря огромным ныне массам войск. Все остальное для маневренной войны имеет уже меньшее значение, почему оно за недостатком времени может быть обойдено молчанием.

Особого внимания заслуживают, собственно говоря, только танки. Я не располагаю какими-либо данными относительно их применения в маневренной войне, но отсюда, по-моему, нет основания не включать их, как и другие войска, в походные колонны, чтобы применить впоследствии в бою, сообразно с их натурой. И в последующих маневренных войнах мы должны иметь в виду действия танков, особенно в местностях, где сеть путей допускает беспрепятственное их применение. Мы должны поэтому обсудить те тактические приемы, которые нужно применить для борьбы с танками, а в случае нужды мы и будем ими пользоваться. Как далеко пойдет применение танков, судить об этом пока еще нельзя, тем более, что придется считаться и с другими факторами, которые должны будут оказать влияние в будущей войне.

Прежде всего необходимо будет на решительном пункте сосредоточивать гораздо большее количество артиллерии, чем это было раньше, а также и тяжелые орудия, так как дело будет сводиться не только к тому, чтобы потрясти неприятельскую пехоту, как это было раньше, но также и к тому, чтобы привести к молчанию артиллерию противника, а его пехоту, по возможности, сокрушить артиллерийским огнем столь сильно, чтобы оказалось возможным приближение своих войск к противнику.

При этом быстрота является главным делом, дабы оборонявшийся не мог подтянуть резервов. Конечно, нечто подобное имело место и раньше, но нельзя забывать, что ныне противник также располагает

более сильной артиллерией, и поэтому задавить его не так-то будет легко, как раньше. Теперь на решительном пункте приходится выступать *с относительно* более крупным преобладанием в силах. То же обстоятельство, что понадобится более сильная артиллерия, тотчас же делает более трудными передвижения и вызывает необходимость в целой сети путей, чего раньше не было. Где такой сети не будет, подготовка для атаки потребует большего времени, чем раньше, так как в этом случае сначала придется построить пути. И все же главное будет сводиться к тому, чтобы, по возможности, сократить это время.

Вторая сторона, о которой нужно сказать, касается измененных приемов боя как пехоты, так и кавалерии. Бой обоих родов войск теперь более, чем прежде, будет вестись пулеметами и ручными гранатами, для чего атакующая часть должна ближе подойти к противнику; но для достижения этого должна быть увеличена артиллерия. В этом случае одно обусловливает другое. Так как кавалерия лишь изредка будет иметь возможность атаковать противника в конном строю и чаще всего будет вынуждена драться в пешем, решение боя поэтому наступит не так быстро, как раньше. После же сражения поэтому потребуют от кавалерии усиленного применения ее оперативной быстроты, дабы все же достичь поставленных целей. Что касается разведывательной способности кавалерии и ее воздействия на тыловые сообщения противника, то это остается за нею, как было и раньше, но с той разницей, что при этом будет в большем ходу использование огня, и значит нужные бои не протекут так быстро, как это было раньше.

Отсюда видно, как важны эти разведывательные органы. Во время мировой войны, конечно, мы были вынуждены губительно использовать кавалерию, но это случилось по необходимости, так как артиллерия и пехота еще важнее, чем конница, и вести без них войну совершенно уже невозможно. Но сама по себе кавалерия все же сугубо необходима, если имеется в виду, хотя до некоторой степени, завершить войну успехом

Я придаю этому пункту особенное значение, так как, насколько я вижу, современные благодетели народа, при их полном неведении действительной войны, подвергли именно этот пункт их особому вниманию и всеми силами стараются достичь или полного уничтожения кавалерии, или хотя бы крайнего ее уменьшения, между тем как на долю именно кавалерии и выпадает задача проявить пред фронтом и пред флангами армии особенно долгую деятельность, чтобы помешать противнику проникнуть взором в нашу обстановку. При этом она должна будет преимущественно действовать активно, так как фактически лишь при атаке она будет достигать результатов. Конечно, раз только это

возможно, она будет бороться и в конном строю, ибо только этим путем она достигнет быстрых результатов, что с оперативной точки зрения будет необходимо. В этом случае, естественно, она до некоторой степени зависит от неприятельской кавалерии, которая с своей стороны может прибегнуть к огню, чем заставит и нашу кавалерию вырывать у нее победу огнем же. Тогда придется, может быть, и уклониться от фронтальной атаки для избежания спешенного боя, прибегнуть к обходным движениям и все же продолжать разведку. Несомненно, при этом очень важно, чтобы сохранялись пути отхода и завеса не была бы прорвана, так как при каждой наступательной операции это является вообще самым главным; но этой двойной задачи можно достигнуть без труда удачной группировкой сил и направлением разъездов. Можно держать сто против одного, что противник подастся назад, если он увидит себя обойденным, и еще вопрос, достаточно ли в этом случае вышлет он вперед разъездов, чтобы продолжать разведку. Отвага для кавалериста является вдвойне необходимой.

Третьим пунктом, к которому я подхожу, будет улучшение и увеличение воздушных сил и их оперативное воздействие. Появление воздушного флота поставило военное искусство на совершенно иную почву. Если раньше приходилось на дневные передвижения смотреть, как на нечто обычное, то теперь походное движение по ночам сделалось необходимым средством военного искусства. Правда, и раньше иногда передвигались ночью; например, Фридрих Великий осмелился совершить ночной марш пред сражением у Гогенфридберга*). Но это было исключение, меж тем как теперь ночные передвижения сделались самым обычным фактором высокого командования. Что хотят скрыть от противника, то производят ночью. Обычно днем заставляют двигаться лишь часть войск, сколько необходимо бывает показать противнику, а остальные части передвигаются ночью. Особенно будут стараться таким образом скрыть от противника сосредоточение сил к пункту решительных действий; можно себе представить, какое влияние оказывает такой способ на все военное искусство.

Но, может быть, еще важнее сказывается влияние воздушного флота на собственном разведывании и на помехе неприятельскому разведыванию, особенно в маневренной войне, в которой одна сторона всегда будет стремиться к наступлению. Задача будет сводиться к тому, чтобы выяснить группировку сил противника и помешать в этом отношении неприятельской разведке. Аэропланы могут работать лишь

*) Иначе называемый боем у Стригау. Бой имел место 4 июня 1745 г. во 2-ю силезскую войну. В ночь на 4 июня Фридрих произвел ночное передвижение в район ожидаемого боя. Неожиданность появления его армии и была главной причиной успеха короля. *Прим. ред.*

днем и при благоприятном освещении; для кавалерии же при современных условиях почти невозможно разведывать о противнике в достаточной мере, так как современная война требует слишком широких фронтов и кавалерия редко будет в состоянии достигнуть таких пунктов, с которых она увидит нечто цельное и об этом своевременно принесет донесение. Воздушная разведка является поэтому необходимой, а совместная работа с кавалерией желательной; в таком случае из донесений обоих родов войск и получится возможно правильная картина. Аэропланы должны продвигаться возможно дальше вперед, за неприятельские линии, дабы, если это достижимо, опознать все, что происходит позади неприятельского фронта. С другой стороны, все будет пущено в ход, чтобы укрыть от наблюдения собственные части и собственные мероприятия. И эта задача будет почти недостижима для кавалерии, или, во всяком случае, очень трудна, если она будет недостаточно сильной.

Обе задачи как разведывания, так и сокрытия будут лишь тогда поставлены на прочную ногу, когда удастся так забить неприятельские аэропланы, что они будут уже не в силах выполнять свои задачи. А отсюда задачей атакующего будет добиться преобладания в воздухе, как это делается на земле по отношению к неприятельской кавалерии. По этой причине, может быть, будет целесообразно в маневренной войне каждому наступающему отряду придавать прежде всего разрушителей, специальная задача которых состоит в том, чтобы нападать на неприятельские аэропланы и выводить их из строя. У них будет достаточно работы. И только потом, когда в маневренной войне снова наступит затишье, потому ли, что достигнут был решительный результат, или потому, что совершился переход к позиционной войне, будут уместны другие летательные машины, имеющие по существу иные задачи.

Впрочем, аэропланы могут и ночью проникать за наши линии, как это почти всегда делают эскадрильи бомбовозов; но в смысле разведывания они мало опасны, так как в этом случае обзор и осмотр ограничены. Во всяком случае рекомендуется ночью тушить все огни, дабы противник по их наличности не мог сделать каких-либо заключений. Что касается путей, то они ночью должны располагать некоторой защитой от аэропланов, так как, если теперь возможно освещать местность лишь на короткое расстояние, пользуясь снижением, то во всяком случае дороги могут быть освещаемы продольно, и противник может усмотреть, заняты они или нет.

Наконец, надо сказать о подвозе, который для нападающего представляет огромное значение. Жить на местные средства будет вообще невозможно, так как не найдется достаточно богатого театра, чтобы

выдержать современную военную массу, разве лишь при одном ее проходе. Поэтому явится необходимость общего подвоза снаряжения и жизненных средств, но насколько это трудно, можно увидеть из моей книги „Современная война".

Впрочем, иногда можно будет прибегать к помощи неприкосновенного носимого запаса, временно увеличенного. Точно так же придется в большой мере использовать ночь для передвижения колонн, и по обстоятельствам будет нужно заново строить пути и железные дороги, чтобы осуществить необходимые передвижения. Даже придется, раз условия театра это позволят, брать с собою переносный железнодорожный материал, чтобы ускорить прокладку, как я об этом говорил уже раньше. Этим материалом можно к тому же воспользоваться, как сильным средством для обмана противника.

Если на всем фронте, на котором совершается наступление, будут пролагаться вперед железные дороги, противник никогда не будет знать, которая из них послужит для главного удара, особенно, если атакующему удастся успешно замаскировать передвижение по этим дорогам. А между тем лишь с момента подобного опознавания обороняющийся может принять целесообразные меры для отражения удара и соответственным образом построить свои вспомогательные дороги. И тогда он будет принужден эти дороги проводить скорее всего как параллельные фронту, а при своем отходе будет вынужден их снимать вновь. Между тем как атакующий с самого начала пролагает дороги перпендикулярно к фронту и, пользуясь ими непрерывно, продвигается вперед.

Что касается обороны, то нечто, относящееся к ней, было уже упомянуто при разборе нападения. В бою пехоты и кавалерии обороняющийся имеет такие же перспективы, как и атакующий; то же самое можно сказать относительно артиллерии и воздушного флота. Но величайшая невыгода для обороняющегося создается тем обстоятельством, что о сосредоточении всех этих видов войск он может узнать только вторым, а между тем все зависит оттого, разгадает ли он *своевременно* о намерениях атакующего, ибо только тогда, как сказано, он и примет соответствующие меры. В этом случае для отпора будут собраны нужные пехота и артиллерия на флангах решительных действий и при этом будут эшелонированы позади угрожаемого фланга, в глубину, туда же будет направлена и масса кавалерии. Расположение же эшелона в глубину от фланга необходимо выбрать потому, что оно допускает более долгое время для сосредоточения, чем простое удлинение фронта, а во-вторых потому, что такое расположение позволяет вести оборону активно даже тогда, когда противник перешел к охвату намеченного им фланга. Во всяком случае, к этому

нужно стремиться, так как это представляет более широкие перспективы.

Если, однако, не удастся своевременно распознать группировку сил противника, обороняющийся хорошо сделает, если будет искать исхода, или примет его дальше в тылу, так как лишь эшелонированный резерв может перейти к решительной атаке и в современной войне еще больше, чем раньше.

Относительно воздушного флота, как его группировка, так и перспективы, с ним связанные, являются одинаковыми для защитника и обороняющегося; все вообще сводится к тому, кто окажется богаче воздушным флотом, так как сосредоточен он будет одинаково быстро и у того, и у другого. Выгоднее складываются для обороняющегося только вопросы, связанные с подвозом.

Он отступает на свои запасы, и ему не нужно их продвигать вперед, он удобно может их сгруппировать сообразно с возможным отходом. Но картина совсем изменится, когда является необходимой неожиданная рокировка войск в ту или иную сторону; в этом случае придется все движения организовать непредвиденным и поэтому неподготовленным образом, а это всегда представит затруднения при войсковых массах современной большой войны. Таким образом и эта выгода по обстановке может превратиться в невыгоду.

Если взвесить все, что можно сказать о перспективах атакующего и обороняющегося, придется признать, что первый, несомненно, имеет выгоды, так как обороняющийся должен разбрасывать свои резервы по всему фронту, пока он не разгадает группировку противника, а нападающий с самого начала работает по определенному плану. Поэтому, несомненно, желательно, раз только это возможно, действовать наступательно. Что при этом характер военного театра оказывает сильное влияние, разумеется само собой; состояние его путей в некоторых случаях может оказаться даже решающим, точно так же, как обеспеченность его скотом и жизненными припасами. Во Франции, например, должны будут оперировать совершенно иначе, чем в России, так как между обоими театрами во всех отношениях наблюдается большая разница. Нужно согласиться, что в России генеральный штаб будет значительно перегружен. И особенно появится затруднение в сфере организации маршей, но во всех этих отношениях атакующий будет в выгодном положении. Обороняющийся имеет то единственное и возможное преимущество, что он вообще располагает больше временем и лучшими данными, чтобы оборудовать театр войны по своим надобностям. Это испытали мы в России достаточно, где врагу постоянно удавалось ускользать от нашего удара, или принять нас на заранее подготовленной позиции. А так как непосредственно ата-

ковать последнюю было нельзя, то у противника всегда было в распоряжении несколько дней, чтобы подготовить свой дальнейший отход. Это учит нас тому, что в случае атаки главную роль прежде всего играют быстрота и внезапность, и атакующий до крайности должен быть заинтересован, чтобы быстро двигаться вперед и быстро осуществлять каждый намеченный удар. Принцип внезапности должен быть использован до крайности, а потому быстрое движение вперед является безусловно необходимым.

Беззаветно должны атаковать аэропланы. Без колебания, но с постоянно хорошей ориентировкой армейская кавалерия должна угрожать флангам и тылу противника, и при этом она обязана обнаружить крайнюю степень оперативной быстроты. Железные дороги как существующие, так и вновь построенные должны быть использованы до крайности. Но прежде всего должен быть на высоте положения полководец. Он должен точно знать, что он желает делать. Он должен иметь мужество, насколько то позволяют обстоятельства, обнажить свой фронт и весь свой удар направить против одного из неприятельских флангов; короче, он должен искать решительного исхода, где только он ему представляется для осуществления.

Заключение.

Я кончаю. Я изобразил войну такой, какой она является в действительности, и, полагаю, коснулся всего, что новое время сделало неизбежным для великой войны между народами. Я показал, что войну нельзя вести, как играют в разбойники или солдатики, но что она потребует от всего народа напряжения, длящегося годами, никогда не ослабеваемого, если войну хотят завершить победоносно. При этом должны быть подняты такие массы, каких никогда еще до сих пор не было. Что такое армии Наполеона, что такое соединенные силы великого антифранцузского союза народов по сравнению с теперешними? Ныне призываются к оружию целые нации, видимо, для удовлетворения национальных и финансовых нужд, в действительности же для отстаивания величайших интересов человечества. Вызвана к жизни такая артиллерия, какую никогда еще не видал мир. Теперешние орудия стреляют на расстоянии больше 100 километров и любую местность они способны обстреливать таким образом, что в ней не удержится ни одно живое существо и не сможет быть использовано ни одно оружие. Нет теперь театра войны столь богатого, чтобы он мог пропитать эти массы долгое время; нигде не найдется такой сети железных дорог, какая теперь необходима. И все же для нужд армий должно быть доставлено все им необходимое, т. е. чудовищные массы снаряжения и жизненных припасов. Для этого нужны железные дороги и пути, и в нужном случае они должны быть построены; для этой цели должен быть подвозим подвижной железнодорожный материал, чтобы быстро перейти к позиционной войне, раз ее подсказывает обстановка, или чтобы сосредочить массы на решительном пункте.

Технические средства войны больше чем удвоились. Теперь борьба идет в небе и под землею. С одной стороны, стараются взорвать друг друга на воздух, с другой—глубоко засыпать землею на смерть и гибель. В глубоких окопах стараются укрыться от неприятельского огня, и тем не менее с ручными гранатами в руках и со штыком сближаются вплотную с противником, дабы уничтожить его

в ручной схватке. Никогда жертвы, которые должен был принести наш народ, не были столь великими, как в этой войне, никогда кровь не была пролита столь богатыми ручьями. Пользуясь силой проводимости земли, ныне стараются овладеть неприятельскими замыслами и за тысячи километров шлют свои мысли тем государствам, с которыми находятся в сношении. И при всем этом должна вестись только наступательная война, если хотят иметь какие-либо перспективы на успех; чистая оборона безотказно поведет к поражению.

Само собой разумеется, что такую борьбу могут вести и ею руководить только специалисты. Для этого нужно многолетнее изучение, дабы овладеть полным объемом знаний, которые необходимы для ведения войны нового времени; вся человеческая жизнь должна быть этим заполнена, чтобы усвоить себе эту возможность. Кто хочет вести современную войну, будучи дилетантом, тот ее уже потерял, прежде чем он ее начал.

Точно так же политика, приводящая к такой войне, раз последней нельзя избежать, должна быть в руках таких людей, которые знакомы со стремлениями европейских государств, которые также знают, какими они располагают силами для войны и какие иного рода ресурсы имеются в их распоряжении; которые сумеют своевременно вызвать войну и имеют мужество понимать вещи такими, какими они существуют в действительности, а не так, как они им представляются под диктовку их желаний; такими людьми, которые развиты в военном смысле настолько, чтобы знать, что́ они должны предпринимать, раз они обращаются к решению оружием, которые вполне сознательно могут следовать соображениям начальника генерального штаба, без советов которого нельзя обойтись. Без мужества и решительности нельзя ни руководить войсками, ни руководить государством на европейском театре состязаний в желаемом направлении.

Пусть люди, которые руководят ныне судьбами Германии, зададут себе вопрос, что́ необходимо для войны, и могут ли их пятимарковые добровольцы, которые, может быть, и служат-то только ради денег, так же хорошо драться в серьезном бою, как и старые войска; люди, которые повинуются только, когда они хотят, иначе же делают, что им нравится; в состоянии ли они бороться с той армией, какую требует новое время и которая, без сомнения, возникнет у наших врагов? Пусть они ответят на вопрос, при солдатском ли совете, который сам не знает, чего он хочет, и который состоит только из людей, не имеющих никакого представления о войне, может лучше быть осуществлено руководительство войною, или при начальнике генерального штаба, который всю свою жизнь посвятил на изучение ее роковых

вопросов, и которому будут помогать избранные специалисты.

Я хорошо знаю, что мы теперь совершенно зависим от воли наших врагов, что мы не в силах уже выставить действительной армии, так наше теперешнее правительство отдало нас с завязанными руками на произвол наших противников; я хорошо знаю, что интерес наших врагов в настоящее время сводится к тому, чтобы на возможно долгое время сделать нас безоружными; но я также знаю, что народ, насчитывающий в своих рядах приблизительно 70.000.000,—а эта цифра может быть значительно увеличена, если в нее войдут и немцы Австрии,—не может быть порабощен надолго, не может быть унижен до степени рабского народа, как это теперь кажется; я знаю, что политика также меняется, что скоро придет момент, когда мы будем нужны на той или другой стороне, и что затем обстановка сложится благоприятно для нашего возрождения. Я питаю определенную надежду, что немец, который кажется теперь погрязшим в эгоизм и самонаслаждение, воспрянет, и будущее время найдет затем духовно обновленный народ, который докажет себя достойным своих великих предков и будет понимать войну так, как ее преобразовала действительность.

Я сам едва ли доживу до этого великого времени.

Вся моя жизнь ушла на то, чтобы помочь строительству того государства, которое я вижу сейчас разрушенным, но я пишу с верой в будущее. Грядущее время сумеет оценить то, что я здесь излагаю; мои слова, которые до сих пор звучали, не вызывая к себе внимания, будут теми семенами, которые не падут в терние. Вот та вера, с которой я в настоящее время опускаю перо. Германия воскреснет; ей суждено еще великое будущее.

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
при
РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.